

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

891.73

G55

Om1846



The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

NOV 10 1983

MAY 7 1994

MAY 01 1994

MAY 07 2007

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Ф.К.К.

ИИХД ВІДТІМ



265
ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА,

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА

Н. ГОГОЛЯ.

Издание второе.



МОСКАВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, Августа 25 го дня 1846 года.

Ценсоръ А. Никитенко.



891.73

G55

От 1846

КЪ ЧИТАТЕЛЮ ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чинамъ или человѣкъ простаго сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.

Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, вѣроятно, ты уже прочелъ въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего же Государства. Бѣдитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ благородныхъ до простыхъ. Взятъ онъ больше за тѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки Русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также за тѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ какъ есть, и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жиѣнцъ

человѣка на то, чтобы узнать одному и собою часть того, что дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ, что на всякой страницѣ есть, что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ. Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія, — я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель невысокаго образованія и простаго званія, не считай себя такимъ невѣжею, чтобы ты не могъ меня чемунибудь поучить. Всякой человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ чтонибудь такое, чего другой не замѣтилъ, и узналъ чтонибудь такое, чего другіе не знаютъ. А потому не лиши меня твоихъ замѣчаній: не можетъ быть, чтобы ты не нашелся чегонибудь сказать на какоенибудь мѣсто во всей книгѣ, если только внимательно прочтешь ее.

Какъ бы на примѣръ хорошо было, если бы хотя одинъ изъ тѣхъ, которые богаты опытомъ и познаніемъ жизни и знаютъ кругъ тѣхъ людей, которые мною описаны, сдѣлалъ свои замѣтки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ея, и принялся бы читать ее не иначе, какъ

взявши въ руки перо и положивши передъ собою листъ почтовой бумаги, и послѣ прочтенія нѣсколькихъ страницъ припомнилъ бы себѣ всю жизнь свою и всѣхъ людей, съ которыми встрѣчался, и всѣ происшествія, случившіяся передъ его глазами, и все что видѣлъ самъ или что слышалъ отъ другихъ, подобнаго тому, что изображено въ моей книгѣ, или же противоположнаго тому, все бы это описалъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ оно предстало его памяти, и посылалъ бы ко мнѣ всякой листъ по мѣрѣ того, какъ онъ испишется, покуда такимъ образомъ не прочтется имъ вся книга. Какую бы кровную онъ оказалъ мнѣ услугу! О слогѣ или красотѣ выражений здѣсь нечего заботиться; дѣло въ *дѣлѣ* и въ *правдѣ* дѣла, а не въ слогѣ. Нечего ему также передо мною чиниться, если бы захотѣлось меня попрекнуть, или побранить, или указать мнѣ вредъ, какой я произвелъ намѣсто пользы необдуманнѣмъ и невѣрнымъ изображеньемъ чего бы то ни было. За все буду ему благодаренъ.

Хорошо бы также, если бы кто нашелся изъ сословія высшаго, отдаленный всѣмъ и самой жизнью и образованьемъ отъ того круга людей, который изображенъ въ моей книгѣ, но знающій за то жизнь того сословія, среди котораго живетъ, и рѣшился бы такимъ же самымъ образомъ прочесть съизнова мою книгу и мысленно припомнить себѣ всѣхъ людей сословія высшаго,

съ которыми встрѣчался на вѣку своемъ и раз-
смотрѣть внимательно, нѣтъ ли какого сближенія
между этими сословіями и не повторяется ли
иногда тоже самое въ кругѣ вышемъ, что дѣ-
лается въ низшемъ? и все что ни пргдетъ ему
на умъ по этому поводу, то есть всякое проис-
шествіе высшаго круга, служащее въ подтверж-
деніе или въ опроверженіе этого, описалъ бы,
какъ оно случилось передъ его глазами, не про-
пуская ни людей съ ихъ правами, склонностями
и привычками, ни бездушныхъ вещей, ихъ окру-
жающихъ, отъ одеждъ до мебели и стѣнъ до-
мовъ, въ которыхъ живутъ они. Мнѣ нужно знать
это сословіе, которое есть цвѣтъ народа. Я не мо-
гу выдать послѣднихъ томовъ моего сочиненія по
тѣхъ поръ, покуда сколько нибудь не узнаю Рус-
скую жизнь со всѣхъ ея сторонъ, хотя въ такой
мѣрѣ, въ какой мнѣ нужно ее знать для моего
сочиненія.

Не дурно также, если бы кто нибудь такой,
кто надѣленъ способностью воображать, или жи-
во представлять себѣ различныя положенія лю-
дей и преслѣдовать ихъ мысленно на разныхъ
поприщахъ, словомъ, кто способенъ углубляться
въ мысль всякаго читаемаго имъ автора, или
развивать ее, прослѣдилъ бы пристально всякое
лицо, выведенное въ моей книгѣ, и сказалъ бы
мнѣ, какъ оно должно поступить въ такихъ и
такихъ случаяхъ, что съ нимъ, судя по началу,
должно случиться далѣе, какія могутъ ему пред-

ставиться обстоятельства новыя и что было бы хорошо прибавить къ тому, что уже мной описано: все это желалъ бы я принять въ соображеніе къ тому времени, когда воспослѣдуетъ изданіе новое этой книги, въ другомъ и лучшемъ видѣ.

Объ одномъ прошу кратко того, кто захотѣлъ бы надѣлать меня своими замѣчаньями: не думать въ это время, какъ онъ будетъ писать, что пишетъ онъ ихъ для человѣка ему равнаго по образованію, который одинаковыхъ съ нимъ вкусовъ и мыслей, и можетъ уже многое смекнуть и самъ безъ объясненія; но вмѣсто того воображать себѣ, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, несравненно его низшій образованьемъ, ничему почти неучившійся. Лучше даже, если на мѣсто меня оцъ себѣ представить какого нибудь деревенскаго дикаря, котораго вся жизнь прошла въ глуши, съ которымъ нужно входить въ подробнѣйшее объясненіе всякаго обстоятельства и быть просту въ рѣчахъ, какъ съ ребенкомъ, опасаясь ежеминутно, чтобъ не употребить выраженій свѣше его понятія. Если это безпрерывно будетъ имѣть въ виду тотъ, кто станетъ дѣлать замѣчанья на мою книгу: то его замѣчанья выдутъ болѣе значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ, а мнѣ принесутъ истинную пользу.

И такъ, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями

и нашлись бы изъ нихъ дѣйствительно такія добрыя души, которыя захотѣли бы сдѣлать все такъ, какъ я хочу; то вотъ какимъ образомъ они могутъ мнѣ переслать свои замѣчанія: сдѣлавши сначала пакетъ на мое имя, завернуть его потомъ въ другой пакетъ, или на имя Ректора С.-Петербургскаго Университета Его Превосходит. Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо въ С. Петербургскій Университетъ, или на имя Профессора Московскаго Университета Его Высокор. Степана Петровича Шевырева, адресуя въ Московскій Университетъ, смотря по тому, къ кому какой городъ ближе.

А всѣхъ, какъ Журналистовъ, такъ и вообще Литераторовъ, благодаря искренно за всѣ ихъ прежніе отзывы о моей книгѣ, которые, не смотря на нѣкоторую неумѣренность и увлеченія, свойственныя человѣку, принесли однакожь пользу большую какъ головѣ, такъ и душѣ моей, прошу не оставить и на этотъ разъ меня своими замѣчаніями. Увѣряю искренно, что все, что ни будетъ ими сказано на вразумленіе или поученіе мое, будетъ принято мною съ благодарностью.



ГЛАВА I.

стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся впрочемъ болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ. »Видишь ты« сказалъ одинъ другому »вонъ какое колесо! что ты думаешь, доѣдетъ то колесо, еслибъ случилось въ Москву, или не доѣдетъ?« — »Доѣдетъ,« отвѣчалъ другой. »А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?« »Въ Казань не доѣдетъ,« отвѣчалъ другой. — Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ кашефасовыхъ панталонахъ весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая Тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузь, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ въѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою или половымъ, какъ ихъ называютъ въ Русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что даже не лзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотоновомъ сюртукѣ со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно

господина вверхъ по всей деревянной галдареѣ, показывать ниспосланный ему Богомъ покой. — Покой былъ известнаго рода; ибо гостинница была то же известнаго рода, то есть именно такая, какъ бывають гостинницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проезжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядывающими какъ черносливъ изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленною комодомъ, гдѣ устроивается сосѣдъ молчаливый и спокойный человекъ, но чрезвычайно любопытный; интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проезжающаго. — Наружный фасадъ гостинницы отвѣчалъ ея внутренности: она была очень длинна въ два этажа; нижній не былъ выщекатуренъ и оставался въ темно-красныхъ кирпичикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ, или лучше въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ съ самоваромъ изъ красной мѣди, и лицомъ такъ же краснымъ какъ самоваръ, такъ что издали можно бы подумать, что на окнѣ стояло два самовара, еслибъ одинъ самоваръ не былъ съ черною какъ смола бородою.

Пока прїѣзжій господинъ осматривалъ свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько попстасканный, показывавшій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькой человекъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно съ барскаго плеча, малой немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ, краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ корельской березы, сапожные колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устроиваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то свой собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую треногую кровать, накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ какъ блинъ, и можетъ быть также замаслившимся какъ блинъ, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покаместъ слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы — всякой проѣзжающій знаетъ очень хорошо: тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шесть и самъ-сѣмъ испивать свою извѣстную пару чаю, тотъ же закопченный потолокъ, та же копченая люстра со множествомъ висящихъ стеклышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякой разъ когда половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу, тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками, словомъ все то же, что и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель вѣрно никогда не видывалъ. Подобная игра природы впрочемъ случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно въ какое время, откуда и къмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ. Господинъ скинулъ съ себя картузь и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, ка-

кую женатымъ приготовляетъ своими руками супруга, снабжая приличными наставленіями какъ закутываться, а холостымъ, навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, Богъ ихъ знаетъ; я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Покамѣсть ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно сберегаемымъ для проѣзжающихъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, мозги съ горошкомъ, сосиски съ капустой, пулярка жареная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣсть ему все это подавалось, и разогрѣтое и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового рассказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много-ли даетъ дохода, и большой-ли подмецъ ихъ хозяинъ, на что половой по обыкновенію отвѣчалъ: о, большой, сударь, мошенникъ! Какъ въ просвѣщенной Европѣ, такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много почтенныхъ людей; которые безъ того не могутъ покушать въ трактиръ, чтобъ не поговорить съ слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ пріѣзжій дѣлалъ не все пустые вопросы; онъ съ чрезвычайною точностію распросилъ, кто въ городѣ Губернаторъ, кто Предсѣдатель Палаты, кто Прокуроръ, словомъ — не пропустилъ ни од-

ного значительнаго чиновника; но еще съ большею точностію, если даже не съ участіемъ, спросилъ обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ, сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто прѣзжаетъ въ городъ; спросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи, повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ, и съ такою точностію, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство. Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то солидное, и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ какъ труба. Это по-видимому совершенно невинное достоинство пріобрѣло однакожь ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ, что онъ всякой разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе; и нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: не нужно ли чего? Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ Русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ-то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать, и приказалъ отвести себя въ свой пумеръ гдѣ прилегши, заснулъ два часа. Отдохнувши, онъ

написалъ на лоскуткѣ бумажки, по просьбѣ трактирнаго слуги: чинъ, имя и фамилію для сообщенія, куда слѣдуетъ въ полицію. На бумажкѣ, половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: Коллежскій Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ. Когда половой все еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился посмотреть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ; ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ: сильно била въ глаза желтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревянныхъ. Дома были въ одинъ, два и полтора этажа съ вѣчнымъ мезонинномъ, очень красивымъ, по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти дома казались затерянными среди широкой какъ поле улицы и нескончаемыхъ деревянныхъ заборовъ; мѣстами сбивались въ кучу и здѣсь было замѣтно болѣе движенія народа и живости. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ крепелями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавскаго портнаго; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: иностранецъ Василій Оедоровъ; гдѣ нарисованъ былъ биліартъ съ двумя игроками во фракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки были изо-

бражены съ прицѣлившимися кіями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только что сдѣлавшими на воздухѣ антраща. Подъ всѣмъ этимъ было написано: »И вотъ заведеніе.« Кое - гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаше же всего замѣтно было потемнѣвшихъ двуглавыхъ государственныхъ орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: питейный домъ. Мостовая вездѣ была плоховата. Онъ заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревь, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что городъ нашъ украсился, благодаря попеченію Гражданскаго Правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широколѣвистыхъ деревь, дающихъ прохладу въ знойный день, и что при этомъ было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ въ знакъ признательности къ господину градоначальнику. Распросивши подробно буточника, куда можно пройти ближе, если понадобится къ собору, къ присудственнымъ мѣстамъ,

къ губернатору; онъ отправился взглянуть на рѣку, протекавшую по срединѣ города, дорогою оторвалъ прибитую къ столбу афишу съ тѣмъ, чтобы пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревянному тротуару даму не дурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливрѣ съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой прямо въ свой пумерь, поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ усялся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый глазъ. Впрочемъ замѣчательнаго не много было въ афишкѣ: давалась драма Г. Коцебу, въ которой Ромлу игралъ Г. Поплевинъ, Кору — дѣвица Зяблова, прочія лица были и того менѣе замѣчательны, однако же онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи Губернскаго Правленія, потомъ переверотилъ на другую сторону, узнать, нѣтъ ли и тамъ чего нибудь, но не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опратно и положилъ въ свой карманчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все что ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ норціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ

щей и крѣпкимъ сномъ во всю насосную завертку, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго Русскаго Государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ; прїѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у Губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну, и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ былъ большой добрякъ, и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю. Потомъ отправился къ Вице-Губернатору, потомъ былъ у Прокурора, у Предсѣдателя Палаты, у Полицеймейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками.... жаль, что нѣсколько трудно упомянуть всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что прїѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность на счетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе Инспектору Врачебной Управы и городскому Архитектору. И потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями, онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію вѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства,

которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказалъ что-то очень лестное на счетъ городскихъ буточниковъ; а въ разговорахъ съ Вице-Губернаторомъ и Предсѣдателемъ Палаты, которые были еще только Статскіе Совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза Ваше Превосходительство, что очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что Губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники, тоже съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами съ замѣтною скромностію, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ незначущій червь міра сего, и не достоинъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать наконецъ мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за неперемѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. — Вотъ всё, что узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не пре-

минуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовление къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ прїѣзжѣмъ оказалась такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видываю. Послѣ небольшого послѣобѣденнаго сна, онъ приказалъ подать умыться, и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ щеки, подперши ихъ изнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго слуги полотенцо, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей, и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги. Потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ манишку, выщипнулъ вылезшіе изъ носу два волоска, и непосредственно за тѣмъ очутился во фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по бесконечно широкимъ улицамъ, озареннымъ тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хоть бы и для бала; коляски съ фонарями, передъ подъездомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали, — словомъ, все какъ нужно. Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяю-

щемъ рафинадъ въ пору жаркаго Іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубить и дѣлить его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ; дѣти всѣ глядятъ собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, поднимающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и пользуются подслѣповатостію старухи и солнцемъ, беспокоящимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ разбитую, гдѣ густыми кучами. Насыщенные богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться и опять улетѣть и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами. Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку Губернаторомъ, который представилъ его тутъ же Губернаторшѣ. Пріѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма приличный для чловѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ,

заложивши руки назадъ , глядѣль на нихъ минуты двѣ , очень внимательно. — Многія дамы были хорошо одѣты и по модѣ , другія одѣлись во что Богъ послалъ въ губернскій городъ. Мушкетеры здѣсь , какъ и вездѣ , были двухъ родовъ : одни тоненькіе , которые все увивались около дамъ ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода , что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ Петербургскихъ , имѣли также весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды , или просто благовидные , весьма гладко выбритые овалы лицъ , также небрежно подсѣдали къ дамамъ , также говорили по Французски , и смѣшались дамъ также , какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мушкетеровъ составляли толстые , или такіе же какъ Чичиковъ , т. е. не такъ чтобы слишкомъ толстые , однакожь и не тонкіе. Эти напротивъ того косились и пяtilись отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ , не разставляя ли гдѣ Губернаторскій слуга зеленого стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя , на иныхъ даже были бородавки , кое-кто былъ и рябоватъ , волосъ они на головѣ не носили ни хохлами , ни буклями , ни на манеръ чортъ меня побѣри , какъ говорятъ Французы ; волосы у нихъ были или низко подстрижены , или прилизаны , а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы ! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои , не-

жели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особымъ порученіямъ, или только числятся, и виллюють туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимають косвенныхъ мѣстъ, а все прямыя, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто затрепщитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, за то въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души не заложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно глядь и явился гдѣ нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ толстый, послуживши Богу и Государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ Русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ; и живетъ, и хорошо живетъ. — А послѣ него опять тоненькіе наследники спускають, по Русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ наконецъ присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица:

Прокурора съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ такъ , какъ будто бы говорилъ: »пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу!« человека впрочемъ серьезнаго и молчаливаго ; Почтмейстера, низенькаго человека, но остряка и философа ; Предсѣдателя Палаты ; весьма разсудительнаго и любезнаго человека , которые всѣ привѣтствовали его какъ стариннаго знакомаго , на что Чичиковъ раскланивался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ, и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши : »прошу прощенія.« Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ, и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда наконецъ предаются занятію дѣльному. Хотя Почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физиономію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама : »пошла старая попадья!« если же король: »пошелъ Тамбовскій мужикъ!«

А Предсѣдатель приговаривалъ: »А я его по усамъ! А я ее по усамъ!« Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: а! была не была, не съ чего, такъ съ бубень! — Или же просто восклицанія: черви! червоточина! пикенція, или пикендрасть! пичуруцухъ! пичура! и даже просто: пичукъ! названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры, спорили какъ водится довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: вы пошли, но вы изволили пойти, я имѣлъ честь покрыть вашу двойку, и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ нибудь своихъ противниковъ, онъ всякой разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіалки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Машимовъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотъ часъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону Предсѣдателя и Почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего распросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ

уже освѣдомился какъ имя и отчество. Въ немногое время, онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Манюловъ, еще вовсе человекъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе какъ сахаръ, и щурившій ихъ всякой разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку, и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ приѣздомъ въ деревню, до которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы. На что Чичиковъ съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и искреннимъ пожатіемъ руки отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почитетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически «и ко мнѣ прошу» шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться ботатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ Полицеймейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ между прочимъ онъ познакомился съ помѣщикомъ Поздревымъ, человекомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему послѣ трехъ - четырехъ словъ началъ говорить: ты.

Съ Полицеймейстеромъ и Прокуроромъ Ноздревъ тоже былъ на ты, и обращался подружески; но когда съли играть въ большую игру, Полицеймейстеръ и Прокуроръ чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки, и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у Предсѣдателя Палаты, который принималъ гостей своихъ въ халатъ, нѣсколько замасляномъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ-то дамъ. Потомъ былъ на вечерѣ у Вицъ-Губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у Прокурора, который впрочемъ стоялъ большаго; на закуску послѣ обѣдни, данной Городскимъ Главою, которая тоже стояла обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостиницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть. Пріѣзжіи во всемъ какъ-то умѣлъ найтись, и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла-ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ, онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ, и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльные замѣчанія; трактовали-ли касательно слѣдствія, произведеннаго Казенною Палатою — онъ показалъ, что ему не безызвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о билиартной игрѣ — и въ билиартной игрѣ не давалъ онъ про-

маха; говорили-ли о добродѣтели, и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина, и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ, и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы самъ былъ и чиновникомъ и надсмотрщикомъ. — Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человекъ. Всѣ чиновники были довольны прїѣздомъ новаго лица. Губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ благонамѣренный человекъ; Прокуроръ, что онъ дѣльный человекъ; Жандармскій Полковникъ говорилъ, что онъ ученый человекъ; Предсѣдатель Палаты, что онъ знающій и почтенный человекъ; Полицеймейстеръ, что онъ почтенный и любезный человекъ; жена Полицеймейстера, что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человекъ. Даже самъ Собакевичъ, которой рѣдко отзывался о комъ нибудь съ хорошей стороны, прїѣхавши довольно поздно изъ города, и уже совершенно раздѣвшись, и легши на кровать возлѣ худощавой жены своей, сказалъ ей: „Я, душенька, былъ у Губернатора на вечеръ, и у Полицеймейстера обѣдалъ, и познакомился съ Коллежскимъ Совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичико-

вымъ : препріятный челоуѣкъ !“ На что супруга отвѣчала : „Гм !“ и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе , весьма лестное для гостя , составилось о немъ въ городѣ , и оно держалось до тѣхъ поръ , покамѣстъ одно странное свойство гостя и предпріятіе , или , какъ говорятъ въ провинціяхъ , пассажъ , о которомъ читатель скоро узнаетъ , не привело въ совершенное недоумѣніе почти всего города.

ГЛАВА II

CHAPTER II

Уже болѣе недѣли прїѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень прїятно время. Наконецъ онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ, Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. — Можетъ быть, къ сему побудила его другая болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьезное, ближшее къ сердцу Но обо всемъ этомъ читатель узнаеть постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую послѣ раздвинуться шире и просторнѣе по мѣрѣ приближенія

къ концу, въначающему дѣло. Кучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить лошадей въ извѣстную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатою и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя конечно они лица не такъ замѣтныя, и то, что называютъ, второстепенныя, или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ, — по авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, не смотря на то, что самъ человекъ Русской, хочетъ быть акуратенъ, какъ Нѣмецъ. Это займетъ впрочемъ не много времени и мѣста, потому что не много нужно прибавить къ тому, что уже читатель знаетъ, то есть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча, и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорливаго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение-ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ: — онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули Химию, онъ и отъ нея бы не

отказался. Ему правилось не то, о чем читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или лучше сказать, процессъ самаго чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое нибудь слово, которое иной разъ чортъ знаетъ что и значить. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежащемъ положеніи въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилимъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ весьма щекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ привередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только помарщивался, да встряхивалъ головою приговаривая: »ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потъешь что-ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню.« На что Петрушка ничего не отвѣчалъ, и старался тутъ же заняться какимъ нибудь дѣломъ, или подходилъ съ щеткой къ висѣвшему барскому фраку,

или просто прибиралъ что нибудь. Что думалъ онъ въ то время, когда молчалъ, — можетъ быть онъ говорилъ про себя: »и ты однакожь хорошъ, не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же,« — Богъ въдаетъ, трудно знать, что думаетъ дворовой крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе. И такъ вотъ что на первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ былъ совершенно другой человѣкъ. . . . Но авторъ весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ не охотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже Русской человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его выше, и шапошное знакомство съ Графомъ или Княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только Коллежскій Совѣтникъ. Надворные Совѣтники, можетъ быть и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ, Богъ вѣсть, можетъ быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо чловѣкомъ на всё, что ни пресмыкается у ногъ его, или что еще хуже, можетъ быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ ни прискорбно то

и другое, а все однакожь нужно возвратиться къ герою. И такъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что дѣлалось только по воскреснымъ днямъ, а въ тотъ день случись воскресенье, выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящей атласъ въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ - подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: »баринъ, подай спротинкѣ!« Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснувъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Не безъ радости былъ вдали узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мѣкъ, будетъ скоро конецъ; и еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся наконецъ по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать по нашему обычаю чужь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги; кочки, ельникъ, низень-

кіе жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикой верескъ и тому подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по спурку деревни, постройкою похожія на старыя складенныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ по обыкновенію зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами въ своихъ овчинныхъ тулупахъ. Бабы съ толстыми лицами и перевязанными грудями смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстныя. Прѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потратить на ладъ. На вопросъ, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы, и одинъ изъ нихъ, бывшій поумнѣе, и носившій бороду клиномъ, отвѣчалъ: »Маниловка можетъ быть, а не Заманиловка?»

— Ну да, Маниловка! —

— Маниловка! а какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, то есть такъ прямо направо. —

— Направо? — отозвался кучеръ.

— Направо, — сказалъ мужикъ. — Это будетъ тебѣ дорога въ Маниловку; а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, то есть ся прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо на горѣ увидишь домъ, каменный въ два этажа, господскій домъ, въ которомъ то есть живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки совсѣмъ нѣтъ никакой здѣсь, и не было. — 1567

Поѣхали отыскивать Маниловку. Пробѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу, но уже и двѣ и три и четыре версты, кажется, сдѣлали, а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ къ себѣ въ деревню за пятнадцать верстъ, то значить, что къ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка не многихъ могла занимать своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатошь горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-англійски двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мѣлколистные, жидень-

кія вершини. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью „храмъ уединеннаго размышленія“, пониже прудъ, покрытый зеленою, что впрочемъ не въ диковнику въ аглицкихъ садахъ Русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату темѣли вѣдоль и поперегъ сѣренькія, бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ тужь минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухъ сотъ: нигдѣ между ними растущаго деревца, или какой нибудь зелени; вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картино подобравши платья, и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудъ, влacha за два деревянные кляча изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака и блестѣла попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ, и за что-то перебранивались. Поодаль всторонѣ темѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтлосѣраго цвѣта, какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ перемѣчивой погоды, который не смотря на то, что голова его про-

долблена была до самого мозга носами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горлачилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шамоновомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

— Павелъ Ивановичъ! — вскричалъ онъ наконецъ, когда Чичиковъ выѣзжалъ изъ брички. — Насилу вы-таки насъ вспомнили! —

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались, и Мансиловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіи котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черныи, или алый какъ огонь плащъ,

и портретъ готовъ ; но вотъ эти всѣ господа , которыхъ много на свѣтѣ , которые съ вида очень похожи между собою , а между тѣмъ какъ приглядишься , увидишь много самыхъ неувимыхъ особенностей — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе , пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія , почти невидимыя черты , и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ науку выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать , какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей , известныхъ подъ именемъ : люди такъ себѣ , ни то ни сѣ , ни въ городѣ Богданъ , ни въ селѣ Селифанъ , по словамъ пословицы. Можетъ быть , къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный ; черты лица его были не лишены пріятности , но въ эту пріятность , казалось черезъ чуръ было передано сахару ; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то занскивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво , былъ бѣлокуръ , съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ , не можешь не сказать : какой пріятный и добрый человѣкъ ! Въ слѣдующую за тѣмъ минуту ничего не скажешь , а въ третью скажешь : чортъ знаетъ что такое ! и отойдешь подальше ; еслижъ не

отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живаго, или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься заднирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезить о томъ, какъ бы пройтись на гуляньи съ Флигель-Адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмаго такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ — словомъ, у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало, и болѣею частію размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. — Хозяйствомъ нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля, хозяйство шло какъ-то само собою. Когда прикащикъ гово-

рилъ: „хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать;“ „да, не дурию,“ отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ Офицеромъ, „да именно не дурию,“ повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ, и почесавши рукою затылокъ, говорилъ: „Баринъ, позволю отлучиться на работу, подать заработать;“ „ступай“ говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провели подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мѣлкіе товары, нужные для крестьянъ. — При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выраженіе; впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетъ всегда лежала какая-то книжка, заложённая закладкою на 14 страницъ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домъ его чего нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольскою шелковою матеріею, которая вѣрно стоила весьма не дешево; но на два кресла ее

не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяинъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: не садитесь на эти кресла, они еще не готовы. Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: »душенька, нужно будетъ завтра хлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель.« Въ вечеру подавался на столъ очень шегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы съ тремя античными граціями, съ перломутнымъ шегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромою, свернувшійся на сторону и весь въ саль, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его . . . впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Не смотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выразившимъ совершенную любовь: »разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ.« — Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготавлиемы были сюрпризы, какой нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣ-

стно изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіи его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухни? зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? зачѣмъ воровка ключница, зачѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? зачѣмъ вся дворня спитъ немилосерднымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе, а Маннилова воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ. А въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: Французскій языкъ, необходимый для счастья семейственной жизни; фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошележковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время; все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержа-

тельницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ Французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ Французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы. Не мѣшаеъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова . . . но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостинной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

— Сдѣлайте милость, не беспокойтесь, такъ для меня, я пройду послѣ, — говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы гость, — говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста не затрудняйтесь. — Пожалуйста проходите, говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю. —

— Почемужь образованному? пожалуйста проходите. —

— Ну да ужъ извольте проходить вы. —

— Да отъ чегожь ?

— Ну да ужъ оттого ! сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ, и нѣсколько притиснули другъ друга.

— Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою, — сказалъ Маниловъ, — душенька ! Павелъ Ивановичъ ! —

Чичиковъ точно увидѣлъ даму, которую онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была не дурна ; одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта ; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла ; Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не воспоминалъ о немъ.

— Да — примолвилъ Маниловъ, — ужъ она бывало всё спрашиваетъ меня : да что же твой пріятель не ѣдетъ ? погоди, душенька, пріѣдетъ. А вотъ вы наконецъ и удостоили насъ своимъ по-

същеніемъ. Ужь такое право доставили наслажденіе, майскій день, именины сердца....

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился, и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ, ни даже ранга замѣтнаго.

— Вы все имѣете — прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою — все имѣете, даже еще болѣе. —

— Какъ вамъ показался нашъ городъ? — примолвила Манилова. — Пріятно ли провели тамъ время? —

— Очень хорошій городъ, прекрасный городъ, — отвѣчалъ Чичиковъ, — и время провелъ очень пріятно; общество самое обходительное. —

— А какъ вы нашли нашего Губернатора? — сказала Манилова.

— Не правда ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ? — прибавилъ Маниловъ.

— Совершенная правда — сказалъ Чичиковъ — препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей. —

— Какъ онъ можетъ этакъ знаете принять всякаго , наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ — присовокунилъ Маниловъ съ улыбкою , и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза , какъ котъ , у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

— Очень обходительный и пріятный человѣкъ , продолжалъ Чичиковъ ; — и какой искусникъ ! я даже никакъ не могъ предполагать этого . Какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры . Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ : рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить . —

— А Вице - Губернаторъ , не правда-ли какой милый человѣкъ ? — сказалъ Маниловъ , опять нѣсколько прищуривъ глаза .

— Очень , очень достойный человѣкъ , — отвѣчала Чичиковъ .

— Ну позвольте , а какъ вамъ показался Поллицеймейстеръ ? Не правда ли , что очень пріятный человѣкъ ? —

— Чрезвычайно пріятный , и какой умный , какой пачитанный человѣкъ ! Мы у него проиграли въ вистъ , вмѣстѣ съ Прокуроромъ и Предсѣдателемъ Палаты , до самыхъ позднихъ пѣтуховъ ; очень , очень достойный человѣкъ . —

— Ну, а какого вы мнѣнія о женѣ Полицеймейстера? — прибавила Манилова. — Не правда ли, прелюбезная женщина? —

— О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю, отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили Предсѣдателя Палаты, Почтмейстера; и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

— Вы всегда въ деревнѣ проводите время? — сдѣлалъ наконецъ въ свою очередь вопросъ Чичиковъ.

— Больше въ деревнѣ — отвѣчалъ Маниловъ. — Иногда впрочемъ прїѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь знаете, если будешь все время жить въ заперти. —

— Правда, правда, — сказалъ Чичиковъ.

— Конечно — продолжалъ Маниловъ — другое дѣло, если бы сосѣдство было хорошее, если бы на примѣръ такой человѣкъ, съ которымъ бы въ нѣкоторомъ родѣ можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую нибудь этакую науку, чтобы этакъ разшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое.... Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить,

и замѣтивши, что нѣсколько зарпортовался, ко-
вырнулъ только рукою въ воздухъ и продолжалъ :
тогда конечно деревня и уединеніе имѣли бы очень
много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ нико-
го.... Вотъ только иногда считаешь Сынъ Оте-
чества. —

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно,
прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе,
какъ жить въ уединеніи, наслаждаться зрѣлищемъ
природы и почитать иногда какую-нибудь книгу....

— Но знаете-ли, — прибавилъ Маниловъ, —
все если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно по-
дѣлиться....

— О, это справедливо, это совершенно спра-
ведливо! — прервалъ Чичиковъ, — что всѣ сокро-
вища тогда въ міръ! Не имѣй денегъ, имѣй хоро-
шихъ людей для обращенія, сказалъ одинъ мудрецъ.

— И знаете, Павелъ Ивановичъ! — сказалъ
Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не толь-
ко сладкое, но даже приторное, подобное той мик-
стурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засла-
стилъ немилосердно, воображая ея обрадовать па-
ціента. — Тогда чувствуешь какое-то, въ нѣко-
торомъ родѣ духовное наслажденіе.... Вотъ какъ
напримѣръ теперь, когда случай мнѣ доставилъ
счастіе, можно сказать, образцовое, говорить съ

вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ. . . .

— Помилуйте, чтожь за пріятный разговоръ?....
Ничтожный человѣкъ, и больше ничего, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— О! Павелъ Ивановичъ, позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостію отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!...

— Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее....

Неизвѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обонхъ пріятелей, если бы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

— Прошу покорнѣйше! — сказалъ Маниловъ.

— Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ, у насъ просто по Русскому обычаю щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу.

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и наконецъ Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель,

поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка съ-
ла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ
между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣ-
тямъ на шею салфетки.

— Какія миленькія дѣти, — сказалъ Чичи-
ковъ, посмотрѣвъ на нихъ; — а который годъ? —

— Старшему осьмой, а меньшому вчера толь-
ко минуло шесть, — сказала Манилова.

— Оемистоклюсь! — сказалъ Маниловъ, обра-
тившись къ старшему, который старался освобо-
дить свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ сал-
фетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услы-
шавъ такое отчасти Греческое имя, которому не-
извѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на юсь,
но постарался тотъ же часъ привести лицо въ
обыкновенное положеніе.

— Оемистоклюсь, скажи мнѣ, какой лучший
городъ во Франціи? —

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Ое-
мистоклюса, и казалось хотѣлъ ему вскочить въ гла-
за, но наконецъ совершенно успокоился и кивнулъ
головою, когда Оемистоклюсь сказалъ: — Парижъ. —

— А у насъ, какой лучший городъ? — спро-
силъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

— Петербургъ, отвѣчалъ Ѳемистоклюсь.

— А еще какой?

— Москва, отвѣчалъ Ѳемистоклюсь.

— Умница, душенька! сказалъ на это Чи-
чиковъ. Скажите однакожь.... продолжалъ онъ, об-
ратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумле-
нія къ Маниловымъ. Я долженъ вамъ сказать, что
въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности.

— О, вы еще не знаете его, — отвѣчалъ
Маниловъ — у него чрезвычайно много остроумія.
Вотъ меньшей, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ,
а этотъ сей часъ, если что нибудь встрѣтитъ,
букашку, казавку, такъ ужъ у него вдругъ гла-
зенки и забѣгаютъ; побѣжить за ней слѣдомъ
и тотчасъ обратить вниманіе. Я его прочу по Ди-
пломатической части. Ѳемистоклюсь! продолжалъ
онъ снова обратясь къ нему, хочешь быть Послан-
никомъ? —

— Хочу, отвѣчалъ Ѳемистоклюсь, жуя хлѣбъ
и болтая головой направо и налѣво.

Въ это время, стоявшій позади лакей утеръ
Посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе
бы канула въ супъ препорядочная, посторонняя
капля. Разговоръ начался за столомъ объ удоволь-
ствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями

хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ, и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ впрочемъ лице его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Оемистоклюсъ укусимъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него объ щеки лоснились жиромъ. Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову съ словами: »Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли.« На что Чичиковъ отвѣчалъ всякой разъ: »Покорнѣйше благодарю, я сытъ, пріятный разговоръ лучше всякаго блюда.«

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ

пантфренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ, сказалъ Маниловъ, и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ. Вотъ мой уголокъ, сказалъ Маниловъ.

— Пріятная комнатка, — сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами. Комната была точно не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то голубишней краской въ родѣ стѣринькой, четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложеною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть, нѣсколько исписанныхъ бумагъ, но больше всего было табаку. Онъ былъ въ разныхъ видахъ: въ картузахъ и въ табашницѣ, и наконецъ насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленные не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

— Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ, сказалъ Маниловъ. Здѣсь вамъ будетъ покойнѣе. —

— Позвольте, я сяду на стулъ. —

— Позвольте вамъ этого не позволить, сказалъ Маниловъ съ улыбкою. Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: ради, или не ради, но должны сѣсть.

Чичиковъ сѣлъ.

— Позвольте мнѣ васъ поподчивать трубкою. —

— Нѣтъ, не курю, отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ бы съ видомъ сожалѣнія.

— Отъ чего? — сказалъ Маниловъ то же ласково и съ видомъ сожалѣнія.

— Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ Поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изъ рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ не лѣзя лучше.

Чичиковъ замѣтилъ, что это точно случается, и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

— Но позвольте прежде одну просьбу.... проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то страшное, или почти странное выраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ, не извѣстно отъ чего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, не извѣстно отъ чего, оглянулся назадъ. Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку? —

— Да, ужъ давно; а лучше сказать не припомню. —

— Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ? —

— А не могу знать; объ этомъ, я полагаю, нужно спросить прикащика. Эй, человекъ, позови прикащика, онъ долженъ быть сегодня здѣсь. —

Прикащикъ явился. Это былъ человекъ лѣтъ подь-сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукъ, и по видимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лице его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотъ-часъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе прикащики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домъ, потомъ женился на какойнибудь Агашкѣ ключницѣ, барыниной фавориткѣ,

сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и прикащикомъ. А сдѣлавшись прикащикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ прикащики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе, проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

— Послушай, любезный! сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизию?

— Да, какъ сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ, сказалъ прикащикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою наподобіе щитка.

— Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ, подхватилъ Маниловъ, именно очень многіе умирали! Тутъ онъ оборотился къ Чичикову и прибавилъ еще: точно, очень многіе. —

— А какъ на примѣръ числомъ? спросилъ Чичиковъ.

— Да, сколько числомъ? подхватилъ Маниловъ.

— Да, какъ сказать числомъ? Вѣдь не извѣстно, сколько умирало, ихъ никто не считалъ. —

— Да именно, сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову; я тоже предполагалъ, боль-

шая смертность; совсѣмъ, неизвѣстно, сколько умерло. —

— Ты пожалуста ихъ перечти; сказала Чичиковъ, и судьяй подробный реэстрикъ всѣхъ поименно.

— Да, всѣхъ поименно, указалъ Маниловъ. Прикащикъ сказалъ: слушаю! и ушелъ.

— А для какихъ причинъ вамъ это нужно? спросилъ по уходѣ прикащика Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его, показалось какос-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ, напряженіе что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ наконецъ услышалъ такіа странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слыхали человѣческія уши.

— Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ.... сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончилъ рѣчи.

— Но позвольте спросить васъ, сказалъ Маниловъ, какъ желаете вы купить крестьянъ, съ землею, или просто на выводъ, то есть безъ земли? —

— Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ, сказалъ Чичиковъ, я желаю имѣть мертвыхъ....

— Какъ-съ? извините . . . я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ слышалось престранное слово . . .

— Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые впрочемъ значились бы по ревизіи, какъ живые, сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ, и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижны, вперея другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину, одинъ противъ другаго, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутилъ ли онъ, но ничего не было видно такого, напротивъ лицо даже казалось степению обыкновеннаго; потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны, не было въ нихъ никакого, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка, все было прилично и

въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другаго не могъ придумать, какъ только выпустить изъ рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

— И такъ я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше? —

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

— Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?... замѣтилъ Чичиковъ.

— Я?... нѣтъ, я не то, сказалъ Маниловъ, но я не могу постичь.... извините.... я конечно не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться.... Можетъ быть, здѣсь.... въ этомъ, вами сей часъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое.... Можетъ быть вы изволили выразиться такъ для красоты слога? —

— Нѣтъ, подхватилъ Чичиковъ, нѣтъ, я разумью предметъ таковъ, какъ есть, то есть тѣ души, которыя точно уже умерли. —

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ — чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ наконецъ тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а чрезъ носовыя ноздри.

— И такъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершению купчей крѣпости, сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую? —

— А, нѣтъ! сказалъ Чичиковъ. Мы напишемъ, что онъ живы, такъ какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ, хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня дѣло священное, законъ — я нѣмбю предъ закономъ. —

Последнія слова понравились Манилову, но въ толкъ самага дѣла онъ все-таки никакъ не вникъ, и вмѣсто отвѣта принялся насасывать свой чубукъ, такъ сильно, что тотъ началъ наконецъ хрипѣть, какъ фаготъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ и больше ничего.

— Можетъ быть, вы имѣете какія нибудь сомнѣнія? —

— О! помилуйте, ничуть. Я не на счетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое нибудь, то есть критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или чтобы еще болѣе, такъ сказать выразиться, негоція, такъ не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи? —

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ быть, и не видано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самого головомомнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція, никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а чрезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получить даже выгоды, ибо получить законныя пошлины.

— Такъ вы полагаете?....

— Я полагаю, что это будетъ хорошо. —

— А если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего — сказалъ Маниловъ, и совершенно успокоился.

— Теперь остается условиться въ цѣнѣ...

— Какъ въ цѣнѣ? — сказалъ опять Маниловъ и остановился. — Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то съ своей стороны я предаю ихъ вамъ безынтересно и купчую беру на себя. —

Великій упрекъ былъ бы историкъ предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачекъ по образцу козла, что, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностію, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь

покрасить, производилъ головою отрицательный жестъ, и наконецъ уже выразился, что это сущее ничего, что онъ точно хотѣлъ бы доказать чѣмъ нибудь сердечное влеченіе, магнетизмъ души; а умершія души въ некоторомъ родѣ совершенная дрянь.

— Очень не дрянь, сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку. Здѣсь былъ испущенъ очень глубокий вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ измѣненіямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ наконецъ слѣдующія слова:

— Еслибъ вы знали, какую услугу оказали сей повидимому дрянью челоѣку безъ племени и роду! Да, и дѣйствительно чего не потерпѣлъ я? какъ барка какая нибудь среди свирѣпыхъ волнъ.... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ, а за что? за то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной и сиротѣ горемыкѣ!.... Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руку, и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были наворачнувшіяся слезы. Маниловъ

никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе, и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ. Потомъ взявъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Какъ? вы ужь хотите ѣхать? — сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

— Лизанька, — сказалъ Маниловъ съ нѣсколь-
ко жалостливымъ видомъ, — Павелъ Ивановичъ оста-
вляетъ насъ! —

— Потому что мы надоели Павлу Ивановичу, отвѣчала Манилова.

— Сударыня! здѣсь, сказалъ Чичиковъ, здѣсь, вотъ гдѣ, — тутъ онъ положилъ руку на сердце, да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! и повѣрьте, не было бы для меня большаго блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ.

— А знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль, какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы

жить этакъ вмѣстѣ, подѣ одною кровлею, или подѣ тѣнью какого нибудь вяза пофилософствовать о чемъ нибудь, углубиться !....

— О ! это быма бы райская жизнь ! сказалъ Чичиковъ, вздохнувши. — Прощайте, сударыня ! продолжалъ онъ, и подходя къ ручкѣ Маниловой. — Прощайте, почтеннѣйшій, другъ ! Не позабудьте просьбы !

— О, будьте увѣрены ! отвѣчалъ Маниловъ. Я съ вами разстанусь не долѣе, какъ на два дни. —

Всѣ вышли въ столовую.

— Прощайте, миленькія малютки ! — сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Оемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки, ни носа. — Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ ; но теперь какъ приѣду, непременно привезу. Тебѣ привезу саблю; хочешь саблю ? —

— Хочу, отвѣчалъ Оемистоклюсъ.

— А тебѣ барабанъ ; не правда ли, тебѣ барабанъ ? продолжалъ онъ, наклонившись къ Алкиду.

— Парapanъ, — отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

— Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ. Такой славный барабанъ, такъ все будетъ туррр...ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай! Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

— Право останьтесь, Павелъ Ивановичъ! сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо. Посмотрите, какія тучи. —

— Это маленькія тучки, отвѣчалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу? —

— Объ этомъ хочу спросить васъ. —

— Позвольте, я сей часъ расскажу вашему кучеру. Тутъ Маниловъ съ такою же любезностію рассказалъ дѣло кучеру, и сказалъ ему даже одинъ разъ: вы. Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ: «потрафимъ, Ваше Благородіе,» и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и


маханьями платка; приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала невидна, онъ все еще стоялъ кура трубку. Наконецъ вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулъ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и наконецъ занеслись Богъ знаетъ, куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай на открытомъ воздухѣ и разсуждать о какихъ нибудь пріятныхъ предметахъ. — Потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что само высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами, и далѣе наконецъ Богъ знаетъ что такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не вари-

лась въ его головѣ : какъ ни переворачивалъ онъ ее , но никакъ не могъ изъяснить себѣ , и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку , что тянулось до самаго ужина.

ГЛАВА III.

LIBRARY

 Чичиковъ въ довольномъ расположеніи духа сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предыдущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ сего вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него и тѣломъ, и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно были очень пріятны; ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людсѣй Манилова, дѣлалъ весьма дѣльные замѣчанія чубарому пристяж-

ному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида будто бы везеть, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся засѣдателемъ, потому что былъ приобрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудились отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе. »Хитри, хитри! вотъ я тебя перехитрю!« говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣвивца. »Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкой! Гнѣдой почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ, я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому, что онъ почтенный конь, и засѣдатель тожъ хорошій конь. . . . Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползеть!« Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, примолвивъ: »у! варваръ!...« Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ: »эй вы, любезные!« и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ. Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому: »ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю коли хорошій чело-

вѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои дру-
ги, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или заку-
сить — съ охотою коли хорошій человѣкъ. Хоро-
шему человѣку всякой отдастъ почтеніе. Вотъ ба-
рина нашего всякой уважаетъ; потому, что онъ,
слышь ты, сполнялъ службу Государскую, онъ Ско-
лѣской Совѣтникъ.» . . .

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался наконецъ
въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чи-
чиковъ прислушался, то узналъ бы много подроб-
ностей, относившихся лично къ нему; но мысли
его такъ были заняты своимъ предметомъ, что
одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его
очнуться и посмотреть вокругъ себя: все небо
было совершенно обложено тучами, и пыльная поч-
товая дорога опрыскалась каплями дождя. Нако-
нецъ громовый ударъ раздался въ другой разъ гром-
че и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ какъ изъ
ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хле-
сталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, по-
томъ въ другую, потомъ, измѣнивши образъ напа-
денія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, бараба-
нилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги наконецъ
стали долетать ему въ лицо. Это заставило его за-
дернуться кожаными занавѣсками съ двумя круг-
лыми окошечками, опредѣленными на разсматрива-
ніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать

скорбе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смѣкнулъ, что точно не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянъ изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки возжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное расслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ Русской человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдетъ что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: »эй вы, други почтенные!« и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь однако же казалось зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь; и лошадямъ ежеминутно становилось тяжело тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно беспокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По расчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая хоть глазъ выколи.

— Селифанъ ! сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.

— Что, баринъ ? отвѣчалъ Селифанъ.

— Погляди-ка, не видно-ли деревни? —

— Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно ! — Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло : всѣ ободрительные и побудительные крики, которыми подчиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца до другаго ; прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора : какъ что первое попало на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ наконецъ секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надбѣляла его пресильными толчками ; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и вѣроятно тащились по взбороненному полю. Селифанъ казался самъ смѣкнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь ? сказалъ Чичиковъ.

— Да чтожь, баринъ, дѣлать, время-то такое ; кнута не видишь, такая потьма ! — Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими ру-

ками. Тутъ только замѣтилъ онъ , что Селифанъ подгулялъ.

— Держи , держи , опрокинешь ! — кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно , чтобъ я опрокинулъ , говорилъ Селифанъ. Это не хорошо опрокинуть , я ужъ самъ знаю ; ужъ я никакъ не опрокину. — За тѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку , поворачивалъ , поворачивалъ и наконецъ выворотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и руками и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей однакожь остановилъ , впрочемъ онъ остановились бы и сами , потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ , онъ сталъ передъ бричкою ; подперся въ бока обѣими руками въ то время , какъ баринъ барахтался въ грязи , слясая оттуда вылезть , и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія : Вишь ты и перекинулась !

— Ты пьянъ , какъ сапожникъ ! — сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно , чтобъ я былъ пьянъ ! Я знаю , что это нехорошее дѣло быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ , потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить , въ томъ нѣтъ худаго ; и закусимъ вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло ; съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.

— А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? а? забылъ? — сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, Ваше Благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ. Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что не хорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человекомъ поговорилъ, потому что

— Вотъ я тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человекомъ.

— Какъ милости вашей будетъ загодно, отвѣчалъ на все согласный Селифанъ, — коли высѣчь, то и высѣчь; я ни чуть не прочь отъ того. Почемужь не посѣчь, коли за дѣло, на то воля господская. Оно нужно посѣчь потому, что мужикъ балуется, порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посяки; почемужь не посѣчь? —

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся что отвѣчать. Но въ это время казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ скалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье въ сто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, катаетъ иногда во весь духъ и всегда куда нибудь да прѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка уда-

рилась оглоблями въ заборъ, и когда рѣшительно уже не куда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало лившаго дождя, что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что безъ сомнѣнія продолжалось бы долго, если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и достигнулъ туманною струею до забора; указавши нашимъ дорожнымъ ворота. Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ: — кто стучить? чего расходились? —

— Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать, пропзпесь Чичиковъ.

— Вишь ты какой востроногой, сказала старуха, пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ, помѣщица живетъ.

— Чтожь дѣлать, матушка: вишь съ дороги сбились. Не почевать же въ такое время въ степи.

— Да время темное, не хорошее время, прибавилъ Селифанъ.

— Молчи, дуракъ, сказалъ Чичиковъ.

— Да кто вы такой? сказала старуха.

— Дворянинъ, матушка.

Слово дворянинъ заставило старуху какъ будто нѣсколько подумать. »Погодите, я скажу ба-рынъ« произнесла она, и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ. Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ, исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звучно по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши въ верхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ Богъ знаетъ какое жалованье; другой отхватывалъ паскоро; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неутомимый дискантъ въроятно молодого щенка, и все это наконецъ повершалъ басъ, можетъ быть старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипѣтъ пѣвческій контробасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ, тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту и все что ни есть порывается къ

верху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою поту, отъ которой трясутся и дребезжать стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими, полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами, между оконъ; старинныя маленькія зеркала съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ, за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы съ нарисованными цвѣтами на циферблатѣ.... невмочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ будто ихъ кто нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожай, убыт-

ки и держать голову нѣсколько на бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтиннички, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротого солопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами, или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою; бережлива старушка, и салону суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться по духовному завѣщанію племянницѣ внучатной сестры вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ пріѣздомъ. »Ничего, ничего,« сказала хозяйка. »Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая, съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего нибудь, да пора-то ночная, приготовить не лзя.«

Слова хозяйки были прерваны страшнымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался; шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями: но взглянувши вверхъ, онъ успокоился,

ибо смѣкнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣньемъ тотчасъ же помѣдовало хрипѣнье и наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно щелкать направо и налево.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не беспокоилась ни о чемъ, что кромѣ постели онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени, и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

— Покрайней мѣрѣ, знаете Манилова? — сказалъ Чичиковъ.

— А кто таковъ Маниловъ?

— Помѣщикъ, матушка.

— Нѣтъ не слыхивала, нѣтъ такого помѣщика. —

— Какіе же есть?

— Бобровъ, Свинынь, Канапатовъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ. —

— Богатые люди, или нѣтъ? —

— Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать, а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ. —

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь. — Далеко ли по крайней мѣрѣ до города?

— А верстъ шестдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать, не хотите ли, батюшка, выпить чаю? —

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно кромѣ постели. —

— Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой — у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то какъ у борова вся спина и бокъ въ грязи! гдѣ такъ изволить засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился, нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.

— Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину? —

— Спасибо, спасибо. Не беспокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повисушить и вычистить мое платье. —

— Слышишь, Фетинья! сказала хозяйка обратясь къ жещицѣ, выходявшей на крыльцо со свѣчею, которая успѣла уже притащить перину, и взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ. — Ты возми ихній — то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня! — говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

— Ну вотъ тебѣ постель готова, сказала хозяйка. Прощай, батюшка, желаю покойной ночи. Да не пужно ли еще чего? Можетъ ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ. —

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя збрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утѣшила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья какъ видно была мастерица взбивать

перины. Когда подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во все углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ, и свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, все обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья паровила какъ бы устѣться на самый глазъ, ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой поздрѣ, онъ потянулъ въ просонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть — обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не все были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова, и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными общлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять; въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ будто иѣскольکو знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ: кто бы

это былъ , и наконецъ вспомнилъ , что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху ; платье , уже высушенное и вычищенное , лежало возлѣ него. Одѣвшись , подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко , что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ , окно же было очень близко отъ земли , заболталъ ему что-то вдругъ и всею екорю на своемъ странномъ языкѣ , вѣроятно желаю здравствовать , на что Чичиковъ еказалъ ему дурака. Подошедши къ окну , онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды : окно глядѣло едва ли не въ курятникъ ; покрайней мѣрѣ , находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа ; промежъ нихъ разхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами , потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ , какъ будто къ чему-то прилушываясь ; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же ; тутъ же разгребая кучу сора , съѣла она мимоходомъ цыпленка , и не замѣчая этого , продолжала уписывать арбузные корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ , или курятникъ переграждалъ доечатый заборъ , за которымъ тянулись пространные огороды съ капуею , лукомъ , картофелемъ , свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовые деревья , накрытыя сѣтями для защиты отъ

сорóкъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены въ разсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей; ибо были поддерживаемы какъ слѣдуетъ: изветшавшій тѣсъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему, крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ, замѣтилъ онъ гдѣ стоявшію запасную почти новую телѣгу, а гдѣ и двѣ. »Да у ней деревушка не маленька, сказалъ онъ, и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она-было высунула голову, и увидѣвъ, ее сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

— Здравствуйте, батюшка. Каково почивали? сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше нежели вчера, въ темномъ платьѣ, и уже не въ спальномъ чепцѣ, но на шеѣ все также было что-то навязано.

— Хорошо , хорошо , говорилъ Чичиковъ , садясь въ кресла. Вы какъ , матушка? —

— Плохо , отецъ мой. —

— Какъ такъ? —

— Безсонница. Все поясища болить , и нога , что повыше косточки , такъ вотъ и ломить.

— Пройдетъ , пройдетъ , матушка. На это нечего глядѣть. —

— Дай Богъ , чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлѣбнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая. —

— Не дурно , матушка , хлѣбнемъ и фруктовой.

Читатель , я думаю , уже замѣтилъ , что Чичиковъ , не смотря на ласковый видъ , говорилъ однако же съ большею свободою , нежели съ Маниловымъ , и вовсе не церемонился. Надобно сказать , что у насъ на Руси если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами , то далеко перегнали ихъ въ умѣнии обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонокостей нашего обращенія. Французъ , или Нѣмецъ вѣкъ не смѣкнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій ; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ , и съ мѣлкимъ та-

бачнымъ торгашемъ, хотя конечно въ душѣ поподличаетъ вмѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, а съ тѣмъ у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ, словомъ, хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки. Положимъ напримѣръ существуетъ канцелярія, нездѣсь, а въ тридевятомъ Государствѣ, а въ канцеляріи положимъ существуетъ Правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ — да просто отъ страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и ужъ чего не выражаетъ лицо его? просто бери кисть да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ будь все небольшого чина, Прометей такъ и остается Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ: муха,

меньше даже мухи, уничтожился въ песчинку! Да это не Иванъ Петровичъ, говоришь глядя на него. Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій, и худенькій, тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется. Подходишь ближе, глядишь, точно Иванъ Петровичъ! Эхе, хе, думаешь себѣ.... Но однакожь обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ ужъ мы видѣли, рѣшился вовсе не церемониться, и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такія рѣчи:

— У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ? —

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80-ть, сказала хозяйка, да бѣда, времена плохи, вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни. —

— Однакожь мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся.... пріѣхалъ въ ночное время....

— Коробочка, Коллежская Секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? хорошее имя. Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ? спросила помѣщица. Вѣдь вы я чай Засѣдатель? —

— Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ Чичиковъ усмѣхнувшись. Чай не Засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево, а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня вѣрно его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы. —

— Чтожъ другое? Развѣ пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато! полпуда всего. —

— Нѣтъ, матушка, другаго рода товарищъ: скажите, у васъ умирали крестьяне? —

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ! сказала старуха вздохнувши. И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того правда народилось, да что въ нихъ?— все такая мелюзга, а Засѣдатель подъѣхалъ, подать, говорить, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати какъ за живаго. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у ме-

ня кузнецъ , такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ. —

— Развѣ у васъ былъ пожаръ , матушка ? —

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды , пожаръ бы еще хуже ; самъ сгорѣлъ , отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось , черезъ чуръ выпилъ , только синій огонекъ пошелъ отъ него , весь истѣлъ , истѣлъ и почернѣлъ , какъ уголь , а такой былъ преискусный кузнецъ ! и теперь мнѣ выѣхать не начемъ , не кому лошадей подковать. —

— На все воля Божья , матушка , сказалъ Чичиковъ вздохнувши , — противъ мудрости Божіей ничего не лзя сказать.... Уступите - ка ихъ мнѣ , Настасья Петровна ? —

— Кого , батюшка ? —

— Да вотъ этихъ-то всѣхъ , что умерли. —

— Да какъ же уступить ихъ ?

— Да такъ просто. Или пожалуй продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же , я право въ толкъ-то не возьму? Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли ? —

Чичиковъ увидѣлъ , что старуха хватилась далеко , и что необходимо ей нужно растолковать въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей , что переводъ , или покупка будетъ зна-

читъся только на бумагѣ, и души будутъ прописаны какъ бы живыя.

— Да на что жь онѣ тебѣ? сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужь мое дѣло. —

— Да вѣдь онѣ жь мертвыя. —

— Да кто же говорить, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право не знаю, произнесла хозяйка съ разстановкой. Вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой нибудь прокъ?

— Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что же въ нихъ за прокъ?—проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя. —

— Ну, баба кажется крѣпколобая! подумаль про себя Чичиковъ. — Послушайте, матушка. Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь. Платите за него подать какъ за живаго....

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! подхватила помѣщица. — Еще третью педѣлю внесла больше полутораста. Да Засѣдателя подмаслила. —

— Ну видите, матушка. А теперь примите въ соображеніе только то, что Засѣдателя вамъ подмасливать больше не пужно, потому, что теперь я плачу за нихъ; я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности. Я совершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете ли вы это? —

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло точно какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое; а потому начала сильно побанваться, чтобы какъ нибудь не надулъ ея этотъ покупецъ; пріѣхалъ же Богъ знаетъ откуда, да еще и въ ночное время.

— Такъ что-жь, матушка, по рукамъ что-ли? — говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. — Живыхъ-то я уступила, вотъ и третьяго года Протопопову двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ, такія вышні славныя работницы: сами салфетки ткуть. —

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними. Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ нибудь не понести убытку. Можетъ быть ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того.... они больше какъ нибудь стѣять. —

— Послушайте, матушка.... эхъ какія вы! что-жъ они могутъ стоять? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это просто прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, на примѣръ даже простую тряпку, и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, покрайней мѣръ, купить на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно? —

— Ужъ это точно правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь онѣ уже мертвыя. —

— Экъ ее дубинно-головая какая! сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія: Пойди-ты, сладь съ нею! въ потъ бросила, проклятая старуха! Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь, сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все от-

скакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою нибудь иною стороною. — Вы, матушка, скажаль онъ, или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что нибудь говорить.... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями. Понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почему продали медъ? —

— По 12-ти руб. пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.

— Ей Богу продала. —

— Ну видите-ль? Такъ за то, это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія, на то была воля Божія, чтобъ онъ оставилъ міръ сей, нанесъ ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями. — Послѣ такихъ

сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха наконецъ поддастся.

— Право, отвѣчала помѣщица, мое такое неопытное вдовье дѣло! лучше-жъ я маненько по-времени, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ. —

— Страмъ, страмъ, матушка! просто страмъ! Ну что вы это говорите, подумайте сами! ктожь станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать? —

— А можетъ въ хозяйствѣ-то какъ нибудь подь случай понадобятся.... возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ, и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хвати-ли! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что-ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! проговорила старуха крестясь.

— Куда-жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да впрочемъ, вѣдь кости и могилы все вамъ остается, переводъ только на бумагѣ. Ну такъ что же? Какъ же? отвѣчайте, покрайней мѣрѣ!

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право я все не приберу, какъ мнѣ быть, лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что-жъ пенька? Помилуйте я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька пенькою, въ другой разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей Богу товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. — Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ! вскрикнула она вся поблѣднѣвъ. Еще третьяго - дня всю ночь мнѣ снился-окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да видно въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій приидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго челоуѣколюбія хотѣлъ: вижу бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду.... да пропади и околѣй со всей вашей деревней!....

— Ахъ какія ты забранки пригинаешь! сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая нибудь, не говоря дурного слова, дворняшка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому, что я и казенные подряды тоже веду.... Здѣсь онъ пригнулъ, хотъ и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно-удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну, по крайней мѣрѣ она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: — Да чего-жь ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

— Есть изъ чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаціей! только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится мукн брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ пожалуста не обидь меня. —

— Нѣтъ, матушка, не обижу, говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого нибудь повѣреннаго, или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и все-

го, что слѣдуетъ. — »Какъ же, Протопопа, Отца Кирилы, сынъ служить въ Палатѣ,« — сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо, и чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

Хорошо бы было, подумала между тѣмъ про себя Коробочка, если бы онъ забиралъ у меня въ казну, муку и скотину, пужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось; такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобы испекла блиновъ: хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ, у меня его славно загибають; да и времени беретъ немного. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль на счетъ загнутія пирога, и, вѣроятно, пополнить ее другими произведеніями домашней пекарни и страши; а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро. — »Экъ уморила какъ, проклятая старуха!« — сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть чи-

татели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шка-тулки. Пожалуй, почему же не удовлетворить? Вотъ оно, внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть, семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ; потомъ квадратныя закоул-ки для песочницы и черпильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ, для того что покороче, наполненные билетами визитными, похоро-ронными, театральными и другими, которые скла-дывались на память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кинями бумагъ въ листъ, потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся не замѣтно съ боку шкатул-ки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задви-гался въ ту же минуту хозяиномъ, что навѣрно не лзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичи-ковъ тутъ же занялся, и очинивъ перо, началъ пи-сать. Въ это время вошла хозяйка.

— Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой, ска-зала она, подсѣвши къ нему. — Чай въ Москвѣ купилъ его? —

— Въ Москвѣ, отвѣчалъ Чичиковъ, продол-жая писать.

— Я ужь знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ, до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги! — продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ гербовой бумаги было тамъ не мало. Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! а у меня такой недостатокъ: случится въ судѣ просьбу подать, а и не на чемъ.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее, онъ далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться, и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть; онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякой разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ Савельевъ - Неуважай - корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: »экой длинной!« Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени Коровій кирпичъ, иной оказался просто: Колесо Иванъ. Оканчивая писать, онъ

потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

— Прошу покорно закусить, сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припѣками: припѣкой съ лучкомъ, припѣкой съ макомъ, припѣкой съ творогомъ, припѣкой со снѣточками, и нивѣсть чего не было.

— Прѣсный пирогъ съ яйцомъ! сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ, и съѣвши тутъ же съ небольшимъ половиною, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой, показался еще вкуснѣе.

— А блинковь? сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ, и обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

— У васъ, матушка, блинцы очень вкусны, сказала Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

— Да у меня-то ихъ хорошо пекутъ, сказала хозяйка; да вотъ бѣда, урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная.... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите? проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузь — вѣдь и бричка еще не заложена.

— Заложать, матушка, заложать. У меня скоро закладываютъ.

— Такъ ужъ пожалуста, не позабудьте насчетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду, говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свиного сала не покупаете? сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю, только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Купимъ, купимъ, всего купимъ и свиного сала купимъ.

— Можетъ быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филипову посту будутъ и птичьи перья.

— Хорошо, хорошо, говорилъ Чичиковъ.

— Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова, сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

— Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги?

— Какъ же бы это сдѣлать? — сказала хозяйка. Разсказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя чай мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?

— Какъ не быть.

— Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу, только ты смотри! не завези ся, у меня уже одну завезли купцы.

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея; вперла глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную по-братиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало по малу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но за чѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, или не хозяйственная — мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застопишься передъ нимъ, и тогда Богъ

знаеть, что взбрѣдетъ въ голову. Можетъ быть, станешь даже думать: да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосыгаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ, и высказать вытверженные мысли, мысли, занимающія по законамъ моды на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ. Но мимо, мимо! зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди не думающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою, вдругъ пронесется иная чудная струя: еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо....

— А вотъ бричка, вотъ бричка! вскричалъ Чпчиковъ, увидя наконецъ подъѣзжавшую свою бричку. Что ты, болванъ, такъ долго копался?

Видно, вчерашній хмѣль у тебя не весь еще выветрило.

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, матушка! А что же, гдѣ ваша дѣвчонка? —

— Эй, Пелагея, сказала помѣщица, стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были обмыслены свѣжею грязью. — Покажи-ка барину дорогу. —

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку и понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ помѣстился, сказавши: — а! теперь хорошо! прощайте, матушка! — Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что случалось съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ

на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ. Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ, и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню конечно хотѣлось бы выслушать что нибудь наставительное, ибо въ это время возжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотнаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: »Ну же, ну, ворона! зѣвай! зѣвай!« и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и засѣдатель были не довольны, не услышавши ни разу ни любезные, ни почтенные. Чубарый чувствовалъ непріятные удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. »Вишь ты, какъ разнесло его!« думалъ онъ самъ про себя, нѣсколько припрыдывая ушами. »Не бось знаетъ гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто гдѣ по живѣ, по ушамъ зацѣпить, или подѣ брюхо захлыснетъ.«

— На право что ли? съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко зелеными, освѣженными полями.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужь покажу, — отвѣчала дѣвчонка.

— Куда жь? — сказалъ Селифанъ, когда подѣхали поближе.

— Вотъ скуды, отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

— Эхъ ты! сказалъ Селифанъ. Да это и есть направо: не знаетъ гдѣ право, гдѣ лѣво!

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею какъ войлокомъ, что значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это; потому что дороги расплзались во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высыпаютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколѣсить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдаль строеніе, сказавши: «вонъ столбовая дорога!»

— А строеніе? спросилъ Селифанъ.

— Трактиръ, сказала дѣвчонка.

— Ну, теперь мы сами дождемъ, сказалъ Се-
лифанъ, ступай себѣ домой. —

Онъ остановился, и помочь ей сойти, прого-
воривъ сквозь зубы: эхъ ты черноногая! —

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она по-
брела во свояси, уже довольная тѣмъ, что поси-
дѣла на козлахъ.

ГЛАВА IV.

LIBRARY

Модѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадамъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпиться. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуешь апетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значать всѣхъ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣзавтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ пилюлю; глотающіе устерсъ, морскихъ пауковъ и

прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ, или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, что на одной станціи требуютъ ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра, или какую нибудь запеканную колбасу съ лукомъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжью уха съ налимami и молоками шипить и ворчить у нихъ межъ зубами, заѣдаемая растягаемъ, или кулебякой съ сомовымъ плѣсомъ, такъ что вчужь понимаетъ апетитъ — вотъ эти господа точно пользуются завиднымъ даяніемъ неба! Не одинъ господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію же минуту половиною душъ крестьянъ и половиною имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всѣми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой же лудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки, но то бѣда, что ни за какія деньги, ниже имѣнія съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подсвѣчники.

Трактиръ былъ что-то въ родѣ Русской избы нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили темныя его стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою, деревянною лѣстницею на верхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворявшуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: сюда пожалуйте! Въ комнатѣ попались все старые пріятели, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревянныхъ трактирахъ, какихъ не мало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндѣвѣвшій самоваръ, выскобленные гладко сосновые стѣны, трехугольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя яички передъ образами, висѣвшіе на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ четыре глаза, а вмѣсто лица какую-то лепешку; наконецъ патыканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понохать ихъ только чихалъ и больше ничего.

— Поросенокъ есть? съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

— Есть.

— Съ хрѣномъ и со сметаною?

— Съ хрѣномъ и со сметаною.

— Давай его сюда!

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій какъ перочинный, двузубую вилку, и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ по обыкновенію сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и разспросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть хозяинъ, и сколько даетъ доходу трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что старшій сынъ холостой, или женатый человѣкъ, и какую взялъ жену, съ большимъ ли приданымъ, или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тестъ, и не сердился ли, что мало подарковъ получилъ на свадьбѣ, словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окрестности находятся у нихъ помѣщики и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ полковникъ, Собакевичъ. «А! Собакевича знаешь?» спросилъ онъ, и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ бу-

дсть повсикатнѣй Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спросить и телятинки; коли есть баранья печенька, то и бараньей печеники спросить, и всего только - что попробовать, а Собакевичъ одного чего нибудь спросить, да ужъ за то все съѣсть, даже и подбавки потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній кусокъ, слышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легонькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички выѣзали двое какихъ-то мужчинъ. Одинъ бѣлокурый, высокаго роста; другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темносиней венгеркѣ, чернявый просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясочка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и всревошной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ на верхъ; между тѣмъ какъ черномазый еще оставался и щупалъ что-то въ бричкѣ, разговаривая тутъ же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними коляскѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ

уже нащупать дверь и отворить ее. Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или что называютъ издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ зналъ что такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что послѣдній отвѣтилъ тѣмъ же. Въ продолженіи немногихъ минутъ они вѣроятно бы разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сдѣлано, и оба почти въ одно и тоже время изъяснили удовольствіе, что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ, и теперь вѣшать и прохладно, и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузь свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные густые волосы. Это былъ средняго роста очень не дурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми какъ снѣгъ зубами и черными какъ смоль бакенбардами. Свежъ онъ былъ какъ кровь съ молокомъ; здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

— Ба, ба, ба! вскричалъ онъ вдругъ, разставивъ обѣ руки при видѣ Чичикова. — Какими судьбами?

Чичиковъ узналъ Поздрева, того самаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ обѣдалъ у прокурора, и который съ нимъ, въ нѣсколько минутъ сошелся на

такую короткую ногу, что началъ уже говорить ты, хотя впрочемъ онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

— Куда ѣздилъ? говорилъ Поздревъ и не дождавшись отвѣта, продолжалъ: А я, братъ, съ ярмарки. Поздравь: продулся въ пухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обывательскихъ прѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно! — Здѣсь онъ пагнулъ самъ голову Чичикова, такъ что тотъ чуть не ударился ею объ рамку. — Видишь, какая дрянь! насилу дотащили проклятыя, я уже перелѣзъ вотъ въ его бричку. — Говоря это, Поздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища. А вы еще незнакомы? Зять мой Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ. Ну смотри, говорю, если мы не встрѣтимъ Чичикова. Ну, братъ, еслибъ ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все спустилъ. Вѣдь на мнѣ пѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ.... Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ точно, что на немъ не было ни цѣпочки, ни часовъ. Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ былъ у него меньше и не такъ густъ, какъ другой. — А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ, продолжалъ Поздревъ, именно не больше какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то есть, кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ

какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сей часъ положишь бы въ бумажникъ.»

— Ты однако и тогда такъ говорилъ, — отвѣчалъ бѣлокурый, — а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадилъ ихъ.

— И не просадилъ бы! ей Богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право не просадилъ бы. Не загни я послѣ паролѣ на проклятой семеркѣ утку, я бы могъ сорвать весь банкъ.

— Однакожь не сорвалъ, сказалъ бѣлокурый.

— Не сорвалъ, потому, что загнулъ утку не во время. А ты думаешь, маіоръ твой хорошо играетъ?

— Хорошо, или не хорошо, однакожь онъ тебя обыгралъ.

— Эка важность! сказалъ Поздревъ, этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! За то, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съезда. У меня все, что ни привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже какъ вспомнишь.... чортъ возми! то есть, какъ жаль, что ты не

былъ. Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ го-
 рода стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офи-
 церы, сколько ихъ ни было, сорокъ человекъ однихъ
 офицеровъ было въ городѣ; какъ начали мы, братецъ,
 пить... Штабсъ-Ротмистръ Поцѣлуевъ... такой
 славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называетъ про-
 сто ^{тотъ же} бурдашкой. Принеси-ка, братъ, говоритъ, бурдаш-
 ки! Поручикъ Кувшинниковъ... Ахъ, братецъ, какой
 премилый человекъ! вотъ ужъ можно сказать во
 всей формѣ кутила. Мы все были съ нимъ вмѣстѣ;
 Какого вина отпустилъ намъ Попомаревъ! Нужно
 тебѣ знать, что онъ мошенникъ, и въ его лавкѣ
 ничего нельзя брать: въ вино мѣшаетъ всякую
 дрянъ: сандалъ, жженую пробку и даже бузиной
 подмесь затираетъ, но за-то ужъ если вытащить
 изъ дальней комнатки, которая называется у не-
 го особенной, какую нибудь бутылочку, ну просто,
 братъ, находишься въ эмпиреяхъ. Шампанское у
 насъ было такое, что передъ нимъ губернаторское?
 просто квасъ. Вообрази не клико, а какое-то кли-
 ко матрадура, это значить: двойное клико. И еще
 досталъ одну бутылочку французскаго подъ на-
 званіемъ: боибонъ. — Запахъ? розетка и все, что хо-
 чешь. Ужъ такъ покутили!... Послѣ насъ пріѣхалъ
 какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ,
 нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ, все офи-
 церы выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолже-
 ніи обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!

— Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь, — замѣтилъ бѣлокурый.

— Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ, отвѣчалъ Ноздревъ.

— Ты можешь себѣ говорить, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.

— Ну хочешь обѣ закладъ, что выпью?

— Къ чему же обѣ закладъ?

— Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.

— Не хочу.

— Ну да поставь, попробуй!

— И пробовать не хочу.

— Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ, то есть какъ я жалѣлъ, что тебя не было. Я знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись. Это не то, что прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые такъ и трясутся за каждую копейку. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ, и въ банчишку, и во все, что хочешь. Эхъ, Чичиковъ, ну что бы тебѣ стоило пріѣхать. Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ эдакой! поцѣлуй меня, душа,

смерть люблю тебя! Мижусевъ, смотри: вотъ судьба свела: ну что онъ мнѣ, или я ему? онъ пріѣхалъ Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу.... А сколько было, братъ, каретъ и все это en gros. Въ фортунку крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ, и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, еслибъ ты зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши на ней, и трюши, и чортъ знаетъ чего не было.... я думаю себѣ только: чортъ возьми! А Кувшинниковъ, то-есть это такая бестія, подсѣлъ къ ней, и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты.... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустилъ. Это онъ называетъ: попользоваться на счетъ клубнички. Рыбъ и балыковъ навезли чудныхъ. Я таки привезъ съ собою одинъ, хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь?

— А я къ человѣчку къ одному, сказалъ Чичиковъ.

— Ну что человѣчекъ, брось его! поѣдемъ ко мнѣ!

— Нѣтъ, нельзя, есть дѣло.

— Ну, вотъ ужъ и дѣло! ужъ и выдумалъ! Ахъ ты Оподелдокъ Ивановичъ!

— Право, дѣло, да еще и нужное.

— Пари держу, врешь! ну скажи только, къ кому ѣдешь?

— Ну, къ Собакевичу? *15/11*

Здѣсь Поздრѣвъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій здоровый человѣкъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлые какъ сахаръ зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна вытаращивъ очи и произнося: экъ его разобрало!

— Что жъ тутъ смѣшнаго, сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Поздрѣвъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая: ой пощади, право тресну со смѣху!

— Ничего нѣтъ смѣшнаго: я далъ ему слово, сказалъ Чичиковъ.

— Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ нему, это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ, ты жестоко опѣшишься, если думаешь пайти тамъ банчишку и добрую бутылку какого нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну къ чорту Собакевича, поѣдемъ ко мнѣ! какимъ балыкомъ поподчую! Пономаревъ бестія такъ раскланивался, говорить, для васъ только, всю

ярмарку, говорить, обыщите, не найдете такого: плутъ однакожь ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ: вы, говорю, съ нашимъ откупщикомъ пер-вые мошенники! смѣется бестія поглаживая бороду. Мы съ Кувшинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ, братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю. Ей, Порфирій, закричалъ онъ, подошедши къ окну, на своего челоуѣка, который держалъ въ одной рукѣ пожикъ, а въ другой корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливилось ему мимоходомъ отрѣзать, вынимая что-то изъ брички. Ей, Порфирій, кричалъ Ноздревъ, принеси-ка щенка! Каковъ щенокъ! продолжалъ онъ обращаясь къ Чичикову. Краденой, ни за самого себя не отдавалъ хозяинъ. Я ему сушилъ каурую кобылу, которую помнишь вымѣнялъ у Хвостырева.... Чичиковъ впрочемъ отъ роду не видалъ ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

— Баринъ! ничего не хотите закусить? сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

— Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ давай рюмку водки, какая у тебя есть?

— Анисовая, отвѣчала старуха.

— Ну давай анисовой, сказалъ Ноздревъ.

— Давай ужь и мнѣ рюмку! сказалъ блокурый.

— Въ театрѣ одна актриса такъ каналья пѣла какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня, вотъ говорить, братъ, попользоваться бы на счетъ клубнички! Однихъ балагановъ я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницею. — Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко поклонилась. — А, давай его сюда! закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія вошедшаго съ щенкомъ. Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и баринъ въ какомъ-то архалукѣ, стеганомъ на ватѣ, но пѣскольно позамаслянѣй.

— Давай его, клади сюда на полъ!

Порфирій положилъ щенка на полъ, который, растянувшись на всѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

— Вотъ щенокъ! сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенокъ выпустилъ довольно жалобный вой.

— Ты однакожь не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ, сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирию и рассматривая тщательно брюхо щенка, и не подумалъ вычесать его?

— Нѣтъ, я его вычесывалъ.

А отъ чего же блохи?

— Не могу знать. Статься можетъ, какъ нибудь изъ брички поналѣзли.

— Врешь, врешь, и не воображалъ чесать, я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри какія уши, па-ка, пощупай рукою.

— Да за чѣмъ, я и такъ вижу: доброй породы! отвѣчалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!

— Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, примолвивши: да, хорошая будетъ собака.

— А нось, чувствуешь, какой холодный? возьми-ка рукою. — Не желая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за нось, сказавши: хорошее чутье.

— Настоящій мордашъ, продолжалъ Ноздревъ, я признаюсь, давно остримъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

— Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непременно теперь ѣхать ко мнѣ, пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ пожалуй можешь и къ Собакевичу.

А чтожъ, подумалъ про себя Чичиковъ, заѣду и въ самомъ дѣлѣ къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже

другихъ? такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все, стало быть у него даромъ можно кое-что выпросить. Изволь ѣдемъ, сказалъ онъ, по чуръ не задержать, мнѣ время дорого.

— Ну, душа, вотъ это такъ! Вотъ это хорошо, стой же, я тебя поцѣлую за это. Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣловались. И славно: втроемъ и покатимъ!

— Нѣтъ, ты ужь пожалуста меня - то отпусти, говорилъ бѣлокурый, мнѣ нужно домой.

— Пустяки, пустяки, братъ, не пушу.

— Право, жена будетъ сердиться, теперь же ты можешь пересѣсть вотъ въ ихнюю бричку.

— Ни, ни, ни! И не думай!

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характеръ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить, и кажется никогда не согласятся на то, что явно противоположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ, и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характеръ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовутъ умнымъ, и пойдутъ по-

томъ поплясывать какъ нельзя лучше подъ чужую дудку, словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

— Вздоръ! — сказалъ Поздревъ въ отвѣтъ на какое-то представленіе бѣлокураго, надѣлъ ему на голову картузь, и — бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

— За водочку, баринъ, не заплатили... сказала старуха.

— А хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ! заплати пожалуста. У меня нѣтъ ни копѣйки въ карманѣ.

— Сколько тебѣ? сказалъ зятекъ.

— Да что, батюшка, двугривенникъ всего, сказала старуха.

— Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно съ нея.

— Маловато, баринъ, сказала старуха, одна-кожъ взяла деньги съ благодарностію, и еще побѣжала въ попыхахъ отворять имъ дверь. Она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что стоила водка.

Пріѣзжіе успѣли. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Поздревъ и его зять, и потому они всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіи дороги.

За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясочка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадяхъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій съ щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому можетъ быть доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей повѣсти.

Лицо Ноздрева вѣрно уже сколько нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ: ты. Дружбу заведутъ кажется на вѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женидѣба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оста-

вивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно
 ему были не нужны. За дѣтьми однакожь при-
 сматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня
 никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ
 за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка
 со всякими съѣздами и балами; онъ уже въ одно
 мгновеніе ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумя-
 тицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно
 всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ
 картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы,
 игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная
 много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей,
 и потому игра весьма часто оканчивалась другою
 игрою: или поколачивали его сапогами, или же зада-
 вали передержку его густымъ и очень хорошимъ
 бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ
 иногда съ одной только бакенбардой и то до-
 вольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его
 такъ хорошо были сотворены, и вмѣщали въ се-
 бѣ столько растительной силы, что бакенбарды
 скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежнихъ.
 И что всего страннѣе, что можетъ только на од-
 ной Руси случиться, онъ чрезъ нѣсколько времени
 уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, ко-
 торые его тузили, и встрѣчался какъ ни въ чемъ
 не бывало, и онъ, какъ говорится ничего, и они
 ничего.

Поздравъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какаянибудь исторія непременно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или припуждены бывають вытолкать свои же пріатели. Если же этого не случится, то все-таки чтонибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ, или нарѣжется въ буфетъ, такимъ образомъ, что только смѣется, или проврется самымъ жестокимъ образомъ, такъ что наконецъ самому сдѣлается совѣстно. И навреть совершенно безъ всякой нужды: вдругъ расскажетъ, что у него была лошадь какойнибудь голубой, или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе наконецъ всѣ отходятъ произнеши: ну, братъ, ты кажется ужъ началъ пули лить! Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностію, со звѣздою на груди, будетъ вамъ жать руку, разговаривать съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, передъ вашими глазами и нагадитъ вамъ. И нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздою на груди, разговаривающій о предметахъ, вы-

зывающихъ на размышленіе; такъ что стойшь только, да удивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Такую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходилъ, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небывлицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстроивалъ свадьбу, торговую сдѣлку, и вовсе не почиталъ себя нашимъ непріателемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь подружески, и даже говоримъ: вѣдь ты такой подлець, никогда ко мнѣ не заѣдешь. Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человекъ, то есть человекъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти въ какое хотите предпріятіе, мѣнять все что ни есть, на все что хотите. Ружье, собака, лошадь — все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ чтобы выиграть, это происходило просто отъ какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ покупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупчатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую

посуду на сколько хватало денегъ. Впрочемъ рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня совѣмъ: съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Поздревъ! Можетъ быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Поздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Поздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами, и, можетъ быть, только ходить въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Поздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ принятію. Посрединѣ столовой стояли деревянные козлы, и два мужика стоя на нихъ, бѣлили стѣны, затягивая какую-то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлками. Поздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы вошъ, и выбѣжалъ въ другую комнату от-

давать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать апетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что ни было у него на деревнѣ; и, въ два часа съ небольшимъ, показалъ рѣшительно все, такъ, что ничего ужъ больше не осталось показывать. Прежде всего пошли они осматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ гнѣдаго жеребца, на видъ и не казистаго, но за котораго Ноздревъ божился, что заплатилъ десять тысячъ.

— Десяти тысячъ ты за него не далъ, замѣтилъ зять. Онъ и одной не стоить.

— Ей Богу, далъ десять тысячъ, сказалъ Ноздревъ.

— Ты себѣ можешь божиться, сколько хочешь, отвѣчалъ зять.

— Ну, хочешь, побьемся объ закладъ! сказалъ Ноздревъ.

Объ закладъ зять не захотѣлъ биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго, по старому

повѣрю, почитали необходимымъ держать при лошадахъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волчепка, бывшаго на привязи! »Вотъ волченокъ!« сказалъ онъ, »я его нарочно кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ!«

Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ однакожь родственникъ не преминулъ усумниться. »Я тебѣ, Чичиковъ, сказалъ Ноздревъ, покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ просто наводитъ изумленіе, щитокъ—игла!« и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво, маленькому домику, окруженному большимъ загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черно-ухихъ, сѣро-ухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣлай, обругай, порхай, по-жарь, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ, совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ они, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ правіями, полетѣли прямо

навстрѣчу гостямъ, и стали съ ними здороваться, Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Поздреву на плеча. Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову, и поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, паводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ — хорошія были собаки. Потомъ пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слѣпая, и, по словамъ Поздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назадъ, была очень хорошая сука: осмотрѣли и суку — сука точно была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мѣльницу, гдѣ недоставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретенѣ, порхающій, по чудному выраженію русскаго мужика. А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница! сказалъ Поздревъ. Немного прошедши, они увидѣли точно кузницу, осмотрѣли и кузницу.

— Вотъ на этомъ полѣ, сказалъ Поздревъ, указывая пальцемъ на поле, русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги. »Ну, русака ты не поймалъ рукою!« замѣтилъ зять. — А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ! отвѣчалъ Поздревъ. Теперь я поведу тебя посмотрѣть, продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову, границу, гдѣ оканчивается моя земля.

Поздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогамъ и взбороченными пивамъ. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду, до такой степени мѣсто было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потомъ увидя, что это ни къ чему не служитъ, брели прямо, не разбирая, гдѣ бѣлая, а гдѣ мѣлая грязь. Прошедши порядочное разстояніе, увидѣли точно границу, состоявшую изъ деревяннаго столбика и узенькаго рва. Вотъ граница! сказалъ Поздревъ: все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что за лѣсомъ, все мое.

— Да когда же этотъ лѣсъ сдѣлался твоимъ? спросилъ зять. Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.

— Да, я купилъ его недавно, отвѣчалъ Поздревъ.

— Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?

— Какъ же, я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, далъ.

— Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ.

— Эхъ ты Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время, и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну я былъ на ярмаркѣ, а прикащикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.

— Да, ну развѣ прикащикъ! сказалъ зять, но и тутъ усумнился и покачалъ головою. Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому. Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ впрочемъ не было замѣтно слѣдовъ того, что бываетъ въ кабинетахъ, то есть книгъ, или бумаги; висѣли только сабли и два ружья, одно въ триста, а другое въ восемьсотъ рублей. Зять осмотрѣвши, покачалъ только головою. Потомъ были показаны турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ по ошибкѣ было вырѣзано: мастеръ Савелій Сибиряковъ. Вслѣдъ затѣмъ показалась гостямъ шарманка. Ноздревъ, тутъ же, повертѣлъ предъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ срединѣ ея, кажется, что-то случилось: ибо мазурка оканчивалась пѣснею: Мальбругъ въ походъ поѣхалъ; а Мальбругъ въ походъ поѣхалъ неожиданно завершался какимъ-то давнознакомымъ вальсомъ. Уже Ноздревъ давно пересталъ вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ не хотѣвшая утомиться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показались трубки деревянные, глиняныя, пѣшковые, обкуреныя и не-

обкуренныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисеть, вышитый какою-то графинею, гдѣ-то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительной сюперфлю, слово, вѣроятно означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близъ пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составлялъ у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорѣло, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеніемъ, и клалъ первое, что попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ, онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попалась — совалъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ, словомъ катать-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой нибудь вѣрно выдетъ. За то Ноздревъ налегъ на вина: еще не подавали супа, онъ уже налилъ гостямъ по большому стакану портвейна и по другому гототерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простаго сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ. Мадера точно даже горѣла во рту, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что

все вынесутъ русскіе желудки. Потомъ Поздревъ велѣлъ еще принести какую - то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана, и направо и налѣво, и зятю и Чичикову; Чичиковъ замѣтилъ однако же, какъ - то вскользь, что самому себѣ онъ не много прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ только Поздревъ какъ нибудь заговаривался, или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Поздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой къ изумленію слышна была сивуишица во всей своей силѣ. Потомъ пили какой - то бальзамъ, носившій такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ называлъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вины были перепробованы, но гости все еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить съ Поздревымъ при зятѣ, на счетъ главнаго предмета. Все - таки зять былъ челоѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ зять врядъ ли могъ быть челоѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился кажется вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался посомъ. Замѣтивъ и самъ, что

находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ наконецъ отпрашиваться домой, но такимъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, какъ будто бы, по русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

— И ни ни! не пушу! сказалъ Поздревъ.

— Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право поѣду, говорилъ зять, ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! мы соорудимъ сію минуту банчишку.

— Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу, жена будетъ въ большой претензіи, право, я долженъ ей рассказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право нужно доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!

— Ну ее жену къ!.... важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!

— Нѣтъ, братъ! она такая почтенная и вѣрная! Услуги оказываетъ такія.... повѣришь, у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ, ты не держи меня; какъ честный человекъ, поѣду. И тебя въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти.

— Пусть его ѣдетъ, что въ немъ проку! сказалъ тихо Чичиковъ Поздреву.

— А и въ правду! сказалъ Поздревъ, смерть не любно такихъ разстепелей! и прибавилъ вслухъ: ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабнться съ женою, Остюкъ!

— Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня Остюкомъ (*), отвѣчалъ зять; я ей жизнью обязанъ. Такая право добрая, милая, такія ласки оказываетъ.... до слезъ разбираеть, спросить, что видѣлъ на ярмаркѣ, нужно все разсказать, такая право милая.

— Ну поѣзжай, ври ей чепуху! вотъ картузь твой.

— Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться; этимъ ты, можно, сказать, меня самого обижаешь, она такая милая.

— Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!

— Да, братъ, поѣду, извини, что не могу остаться. Душой радъ бы былъ, но не могу. — Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ уже давно сидѣлъ въ бричкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмаркѣ.

— Такая дрянь! говорилъ Поздревъ, стоя передъ окномъ и глядя на уѣзжавшій экипажъ. Вонъ какъ потащился! конскъ пристяжной не дурень,

(*) Остюкъ слово обидное для мужчины, происходитъ отъ О, буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою.

я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтись. Оетюкъ , просто Оетюкъ !

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подалъ свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина, неизвѣстно откуда взявшуюся, колоду картъ.

— А что, братъ, говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка. Ну, для препровожденія времени, держу триста рублей банку !

Но Чичиковъ прикинулся какъ будто и не слышалъ о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ бы вдругъ припомнивъ: — А! чтобъ не позабыть: у меня къ тебѣ просьба.

— Какая ?

— Дай прежде слово, что исполнишь.

— Да какая просьба ?

— Ну, да ужь дай слово !

— Изволь.

— Честное слово ?

— Честное слово.

— Вотъ какая просьба : у тебя есть чай много умершихъ крестьянъ , которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи ?

— Ну есть ; а что ?

— Переведи ихъ на меня, на мое имя.

— А на что тебѣ ?

— Ну да мнѣ нужно.

— Да на что ?

— Ну да ужь нужно.... ужь это мое дѣло, словомъ нужно.

— Ну ужь вѣрно что нибудь затѣмъ. При-
знайся, что ?

— Да чтожь затѣмъ ? изъ этакого пустяка и
затѣмъ ничего нельзя.

— Да зачѣмъ же они тебѣ ?

— Охъ, какой любопытный ! ему всякую дрянъ
хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать !

— Да къ чемужь ты не хочешь сказать ?

— Да что же тебѣ за прибыль знать ? ну, про-
сто такъ , прищла фантазія.

— Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ , пока не ска-
жешь, не сдѣлаю !

— Ну вотъ видишь, вотъ ужь и не честно съ
твоей стороны: слово далъ, да и на понятный дворъ.

— Ну какъ ты себѣ хочешь , а не сдѣлаю ,
пока не скажешь на что.

Что бы такое сказать ему, подумалъ Чичиковъ, и послѣ минутнаго размышленія объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстевъ большинхъ не имѣетъ, такъ до того времени хоть бы какія нибудь душонки

— Врешь, врешь! сказалъ Поздrevъ, не давши окончить, врешь, братъ!

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ. — Ну, такъ яжъ тебѣ скажу прямѣе, сказалъ онъ поправившись, только пожалуста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая право коммиссія: не радъ, что связался, хотятъ непременно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехъ сотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутора ста крестьянъ не достаетъ...

— Ну врешь! врешь! закричалъ опять Поздrevъ.

— Ну вотъ ужъ здѣсь, сказалъ Чичиковъ, ни вотъ на столько не солгалъ, и показалъ большимъ пальцемъ на своемъ мизинцѣ самую маленькую часть.

— Голову ставлю, что врешь!

— Однакожь , это обидно ! что же я такое въ самомъ дѣлѣ ! почему я непременно лгу ?

— Ну да вѣдь я знаю тебя : вѣдь ты большой мошенникъ : позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ ! Ежели бы я былъ твоимъ начальникомъ , я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ .

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ . Уже всякое выраженіе , сколько нибудь грубое , или оскорбляющее благопристойность , было ему непріятно . Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамиліарнаго обращенія , развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія . И потому теперь онъ совершенно обидѣлся .

— Ей Богу повѣсилъ бы , повторилъ Поздrevъ , я тебѣ говорю это откровенно , не съ тѣмъ , чтобы тебя обидѣть , а просто подружески говорю .

— Всему есть границы , сказалъ Чичиковъ , съ чувствомъ достоинства . Если хочешь поцѣговать подобными рѣчами , такъ ступай въ казармы , и потомъ присовокупилъ : не хочешь подарить , такъ продай . *29/11*

— Продать ! Да вѣдь я знаю тебя , вѣдь ты подлець , вѣдь ты дорого не дашь за нихъ ?

— Эхъ ! да ты вѣдь тоже хорошъ ! смотри ты ! что они у тебя , брилліантовыя , что ли ?

— Ну, такъ и есть. Я ужь тебя зналъ.

— Помилуй, братъ, чтожь у тебя за жидовское побужденіе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ.

— Ну, послушай, чтобъ доказать тебѣ, что я вовсе не какой нибудь скалдырникъ, я не возму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу.

— Помилуй, на что-жь мнѣ жеребецъ? сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ.

— Какъ на что? да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре.

— Да на что мнѣ жеребецъ? завода я не держу.

— Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ.

— Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!

— Ну, купи каурюю кобылу.

— И кобылы не пужно.

— За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи.

— Да не пужны мнѣ лошади.

— Ты ихъ продашь: тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ вдвое больше.

— Такъ лучше-жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь вдвое.

— Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду.

Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня, и отъ кауры кобылы.

— Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто морозъ по кожѣ подираетъ! брдастая съ усами, шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина. Бочковатость ребръ уму непостижимая, лапа вся въ комкѣ, земли не задѣнетъ!

— Да зачѣмъ мнѣ собаки? я не охотникъ.

— Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку, чудная шарманка; самому, какъ честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдаю за 900 рублей.

— Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы тащася съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги.

— Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носить нѣмцы. Это органъ ; посмотри нарочно : вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще ! Здѣсь Поздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату , и , какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ , и ни увѣрялъ , что онъ знаетъ уже какая шарманка , но долженъ былъ услышать еще разъ , какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ. — Когда ты не хочешь на деньги , такъ вотъ что , слушай : я тебѣ дамъ шарманку и всѣ сколько ни есть у меня мертвыя души , а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи.

— Ну вотъ еще , а я-то въ чемъ поѣду ?

— Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай , я тебѣ покажу ее ! Ты ее только перекрасишь , и будетъ чудо бричка.

— Эхъ его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ ! подумалъ про себя Чичиковъ , и рѣшился во что бы ни стало отдѣлаться отъ всякихъ бричекъ , шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ , не смотря на непостижимую уму бочковатость ребръ и комкость лапъ.

— Да вѣдь бричка , шарманка и мертвыя души , все вмѣстѣ !

— Не хочу ! сказалъ еще разъ Чичиковъ.

— Отъ чего-жь ты не хочешь?

— Отъ того, что просто не хочу, да и полно.

— Экой ты право такой! съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами, такой право!.... Сей часъ видно, что двуличный человѣкъ!

— Да что же я, дуракъ что ли? ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь рѣшительно для меня ненужную?

— Ну ужъ пожалуста не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая право ракамія! Ну послушай, хочешь метнемъ банчикъ. Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже.

— Ну, рѣшаться въ банкъ, значитъ подвергаться неизвѣстности, — говорилъ Чичиковъ, и между тѣмъ взглянулъ изкоса на бывшія въ рукахъ у него карты. Обѣ таліи ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

— Отъ чего-жь неизвѣстности? сказалъ Ноздревъ. — Никакой неизвѣстности! будь только на твоей сторонѣ счастье, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! экое счастье! говорилъ онъ начиная метать для возбужденія задору: экое счастье! экое счастье! вонъ: такъ и коло-

титъ! вотъ та проклятая девятка, на которой я все просадишь! Чувствовалъ, что продашь, да уже зажмуривъ глаза, думаю себѣ: чортъ тебя по-бери, продавай, проклятая! — Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

— Отъ чего-жъ ты не хочешь играть? сказалъ Ноздревъ.

— Ну отъ того, что не расположенъ. Да признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть.

— Отъ чего-жъ не охотникъ?

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ: потому что не охотникъ.

— Дрянъ же ты!

— Что-жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ.

— Остюкъ просто! Я думалъ было прежде, что ты хоть сколько нибудь порядочный человекъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человекомъ близкимъ.... никакого прямодушія, ни искренности! совершенный Собакевичъ, такой подлецъ!

— Да за что же ты бранишь меня? Виновать развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ

однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздору.

— Чорта лысаго получишь! хотѣлъ было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хотя три царства давай, не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкой! Съ этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно.

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

— Лучше бы ты мнѣ просто на глаза не показывался! сказалъ Ноздревъ.

Не смотря однакожь на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ-то кипрскимъ, которое было то, что называютъ кислятина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель: вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ!

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то,

что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время. Но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ, поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого рода, чтобы быть ввѣрену Ноздреву.... Ноздревъ человекъ-дрянь, Ноздревъ можетъ наврать, прибавить, распустить чортъ знаетъ-что, выйдутъ еще какія нибудь сплетни.... не хорошо, не хорошо! Просто дуракъ я, говорилъ онъ самъ себѣ. Ночь спалъ онъ очень дурно. Какія-то маленькія пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая: а, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ! Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться черезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубною въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его подружески и спросилъ: каково ему спалось?

— Такъ себѣ, отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

— А я, братъ, говорилъ Ноздревъ, такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнусно рассказывать, и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь: снилось, что меня вы-

сѣкли, ей, ей! и вообрази кто? Вотъ ни зачто не угадаешь: штабсъ-ротмистръ Поцѣлусвъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.

— Да, подумалъ про себя Чичиковъ: хорошо бы, еслибъ тебя отодрали наяву.

— Ей Богу! да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается, вѣрно вѣдьмы блохи. Ну, ты ступай теперь одѣвайся, я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлеца прикащика.

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина; кажется половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, не замедлившій скоро войти, ничего не имѣлъ у себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ подобно цирюльнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

— Ну, такъ какъ же думаешь? сказалъ Поздревъ, немного помолчавши, не хочешь играть на души?

— Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю, купить, изволь куплю.

— Продать я не хочу, это будетъ не по пріятельски. Я не стану снимать плевые съ чортъ знаетъ чего. Въ банчикъ — другое дѣло. Прокинемъ хоть талино!

— Я ужъ сказалъ, что нѣтъ.

— А мѣняться не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, послушай, сыиграемъ въ шашки, выиграешь твои всѣ. Въдѣ у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу.

— Напрасенъ трудъ, я не буду играть.

— Да въдѣ это не въ банкъ; тутъ никакого не можетъ быть счастія, или фальши: все въдѣ отъ искусства; я даже тебя предвараю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что нибудь мнѣ дашь впередъ.

— Сѣмъ-ка я, подумалъ про себя Чичиковъ, сыиграю съ нимъ въ шашки! Въ шашки игривалъ я не дурно, а на штуки ему здѣсь трудно подняться.

— Изволь, такъ и быть, въ шашки сыиграю.

— Души идутъ въ ста рубляхъ!

— Зачѣмъ же? довольно, если пойдутъ въ пятидесяти.

— Нѣтъ, чтожъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше-жъ въ эту сумму я включу тебѣ какогонибудь щсика средней руки, или золотую печатку къ часамъ.

— Ну, изволь! сказалъ Чичиковъ.

— Сколько же ты мнѣ дашь впередъ? сказалъ Поздrevъ.

— Это съ какой стати? конечно ничего.

— По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода.

— Не хочу, я самъ плохо играю.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете! сказалъ Поздrevъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ! говорилъ Чичиковъ, подвигая тоже шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете! сказалъ Поздrevъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ! говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете! сказалъ Поздrevъ, подвигая шашку, да въ то же самое время подвинулъ общлагомъ рукава и другую шашку.

— Давненько не брали я въ руки!Э, э! это, братъ, что? отсади-ка ее назадъ! говорилъ Чичиковъ.

— Кого?

— Да шашку-то, сказалъ Чичиковъ, и въ то же время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки, откуда она взялась, это одинъ только Богъ зналъ. — Нѣтъ, сказалъ Чичиковъ, вставши изъ-за стола, съ тобой нѣтъ никакой возможности играть! Этакъ не ходятъ, по три шашки вдругъ!

— Отъ чего-же по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно, я ее отодвину, изволь.

— А другая-то откуда взялась?

— Какая другая?

— А вотъ эта, что пробирается въ дамки?

— Вотъ тебѣ на, будто не помнишь!

— Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!

— Какъ гдѣ мѣсто? сказалъ Поздревъ покраснѣвши, да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!

— Нѣтъ, братъ, это кажется ты сочинитель, да только неудачно.

— За кого-жь ты меня считаешь? говорилъ Поздrevъ, стану я развѣ плутовать?

— Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться, говорилъ Поздrevъ горячась, игра начата!

— Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человеку.

— Нѣтъ врешь, ты этого не можешь сказать!

— Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!

— Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь, ты долженъ кончить партію!

— Этого ты меня не заставишь сдѣлать, сказалъ Чичиковъ хладнокровно, и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Поздrevъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

— Я тебя заставляю играть! Это ничего, что ты смѣшалъ шашки! я помню всѣ ходы. Мы ихъ поставимъ опять такъ, какъ были.

— Нѣтъ, братъ, дѣло кончено, я съ тобою не стану играть.

— Такъ ты не хочешь играть?

— Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ возможности играть.

— Нѣтъ, скажи напрямикъ, ты не хочешь играть? говорилъ Ноздревъ, подступая еще ближе.

— Не хочу! сказалъ Чичиковъ, и поднесъ однакожь обѣ руки на всякой случай поближе къ лицу, ибо дѣло становилось въ самомъ дѣлѣ жарко. Эта предосторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся рукой.... и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и полныхъ щекъ нашего героя покрылась бы несмываемымъ безчестіемъ; но счастливо отведши ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя его руки и держалъ его крѣпко.

— Порфирій, Павлушка! кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было бесполезно, выпустилъ его руки. Въ это самое время вошелъ Порфирій и съ

нимъ Павлушка, парень дюжій, съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

— Такъ ты не хочешь оканчивать партіи? говорилъ Поздревъ. Отвѣчай мнѣ напрямикъ!

— Партіи нѣтъ возможности оканчивать, говорилъ Чичиковъ, и заглянулъ въ окно: онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая, а Селифанъ ожидалъ, казалось, мановенія, чтобы подкатить подъ крыльцо, но изъ комнаты не было никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣпостныхъ дурака.

— Такъ ты не хочешь доканчивать партіи? повторилъ Поздревъ съ лицомъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ.

— Если-бъ ты игралъ какъ прилично честно-му челоуѣку.... но теперь не могу.

— А! такъ ты не можешь, подлецъ! когда увидѣлъ, что не твоя беретъ, такъ и не можешь! Бейте его, кричалъ онъ изступленно, обратившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ. Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука.

— Бейте его! кричалъ Поздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару,

въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость. Бейте его! кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричить своему взводу: ребята, впередъ! какой нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже приобрѣла такую извѣстность, что дается парочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ голову его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. Ребята, впередъ! кричить онъ порываясь, не помышляя, что вредить уже обдуманному плану общаго приступа, что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ какъ пухъ на воздухъ его безсильный взводъ и что уже свистеть роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступившаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Уже стулъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его, уже зажмурилъ глаза, ни живъ ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать черкесскаго чубука своего хозяина и

Богъ знаетъ , чего бы не случилось съ нимъ ; но судьбамъ угодно было спасти бока , плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ какъ съ облаковъ задребезжавшіе звуки колокольчика , раздався ясно стукъ колесъ подметѣвшей къ крыльцу телеги , и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно : кто-то, съ усами, въ полувоенномъ сюртукѣ , выѣзжалъ изъ телеги. Освѣдомившись въ передней , вошелъ онъ въ ту самую минуту , когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

— Позвольте узнать , кто здѣсь Г. Ноздревъ ? сказалъ незнакомецъ , посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноздрева , который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ , и на Чичикова , который едва начиналъ оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

— Позвольте прежде узнать , съ кѣмъ имѣю честь говорить ? сказалъ Ноздревъ , подходя къ нему ближе.

— Капитанъ - исправникъ.

— А что вамъ угодно ?

— Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе, что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу.

— Что за вздоръ, по какому дѣлу? сказалъ Поздrevъ.

— Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ.

— Вы врете! я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова!

— Милостивый государь! позвольте вамъ доложить, что я офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ!

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что будетъ отвѣчать на это Поздrevъ, скорѣе за шанку, да по за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

ГЛАВА V.

LIBRARY

Герой нашъ трухнулъ однакожь порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую, и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками, но онъ все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ — вотъ наметить погоня. Дыханіе его переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось какъ перепелка въ клеткѣ. »Экъ какую баню задалъ! смотри ты какой!« Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; понались даже и нехорошія слова. Что жъ дѣлать? Русской человѣкъ, да еще и въ сердцахъ!

Къ томужъ дѣло было совсѣмъ не шуточное. »Что ни говори, сказалъ онъ самъ въ себѣ, а не подоспѣй капитанъ - исправникъ, мнѣ, можетъ быть, не далось бы болѣе и на свѣтъ Божій взглянуть! Пропалъ бы какъ волдырь на водѣ безъ всякаго слѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія, ни честнаго имени! Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

— Экой скверной баринъ! думалъ про себя Селифанъ, я еще не видалъ такого барина. То есть плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любить овесъ. Это его продовольство: что примѣромъ намъ коштъ, то для него овесъ, онъ его продовольство.

Кони тоже, казалось, «думали» невыгодно объ Поздревѣ: не только гнѣдой и засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпалъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: «эхъ ты подлецъ! но однакожъ это все-таки былъ овесъ, а не простое сѣно: онъ жевалъ его съ удовольствіемъ, и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно: не хорошо! всѣ были недовольны.

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди измѣнѣй своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самаго кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на нихъ наскочила коляска съ шестерикомъ коней, и почти надъ головами ихъ раздался крикъ сидѣвшихъ въ коляскѣ дамъ, брань и угрозы чужаго кучера: Ахъ ты мошенникъ эдакой! вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: сворачивай, ворона, на право! Пьянъ ты, что ли? Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ Руской человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ пріосамаясь: А ты что такъ разскакался? глаза - то свои въ кабакъ заложилъ, что ли? Вслѣдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было, все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ сидѣвшія въ коляскѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій овалъ лица ея кругился, какъ свѣженькое личко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, толь-

ко что спесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключицы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца; ея тоненькія ушки также сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы — все это въ ней было такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами. «Отсаживай что ли, Нижегородская ворона!» кричалъ чужой кучерь. Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучерь сдѣлалъ тоже, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ обстоятельстве чубарому коню такъ понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колен, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что-то нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣроятно чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхивалъ ушами.

На такую сумятицу успѣли однакожь собраться мужики изъ деревни, которая была къ счастію неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика сушая благодать, все равно что для Нѣмца газеты, или клубъ, то скоро около экипажа нако-

нилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только
 старыя бабы, да малыя ребята. Постромки отвя-
 зали; нѣсколько тычковь чубарому коню въ мор-
 ду заставили его попятиться; словомъ, ихъ раз-
 рознили и развели. Но досада ли, которую почув-
 ствовали прїѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ
 съ прїятелями, или просто дурь, только, сколько
 ни хлыстали ихъ кучеръ, они не двигались и сто-
 яли какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возросло до
 невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался
 съ совѣтомъ: »Ступай, Андриюшка, проведи-ка ты
 пристяжного, что съ правой стороны, а дядя Ми-
 тай пусть сидеть верхомъ на коренного! Садись,
 дядя Митяй!« Сухощавый и длинный дядя Митяй
 съ рыжей бородой взобрался на коренного коня и
 сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню,
 или лучше на крючокъ, которымъ достаютъ воду
 въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, но не
 тутъ-то было, ничего не пособилъ дядя Митяй.
 »Стой, стой! кричали мужики, садись-ка ты, дядя
 Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть ся-
 деть дядя Миняй!« Дядя Миняй, широкоплечій му-
 жикъ съ черною какъ уголь бородою, и брюхомъ,
 похожимъ на тотъ исполнинскій самоваръ, въ ко-
 торомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго
 рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который
 чуть не пригнулся подъ нимъ до земли. »Те-
 перь дѣло пойдетъ! кричали мужики. »Накаливай,

накаливай его! прищипандоръ кнутомъ воиъ того-то соловаго, что онъ корячется какъ корамора (*)!» Но увидѣвши, что дѣло не шло, и не могло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Мнйяй сѣли оба, на кореннаго, а на пристяжнаго посадили Андрюшку. Наконецъ кучеръ, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя и дядю Мнйяя, и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватали, не переводя духа, станцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою. Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ, скрылась какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли чорствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно - хладныхъ и скудно - опрятныхъ

(*) Корамора большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ въ комнату и торчитъ гдѣ нибудь одиночкой на стѣнѣ. Къ нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ, что онъ только топырится или корячится, какъ говорить народъ.

сословій высшихъ , вездѣ хотѣ разѣ встрѣтится на пути (человѣку) явленіе , не похожее на все то , что случалось ему видѣть дотолѣ , которое хотѣ разѣ пробудить въ немъ чувство , не похожее на тѣ , которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ поперегъ какимъ бы ни было печалямъ , изъ которыхъ плетется жизнь наша , весело промчитсѣ блистающая радость , какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью , картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ , вдругъ неожиданно пронесется мимо какой нибудь заглухнувшей бѣдной деревушки , не выдавшей ничего , кромѣ сельской телеги , и долго мужики стоятъ , зѣвая съ открытыми ртами , не падывая шапокъ , хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка , тоже вдругъ совершенно неожиданнымъ образомъ показалась въ нашей повѣсти и также скрылась. Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова , какой нибудь двадцатилѣтній юноша ; гусаръ ли онъ , студентъ ли онъ , или просто , только что начавшій жизненное поприще , и Боже ! чего бы не проснулось , не зашевелилось , не заговорило въ немъ ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ , вперивши безсмысленно очи въ даль , позабывъ и дорогу , и всѣ ожидающіе впереди выговоры и распеканья за промедленіе , позабывъ и себя , и службу , и міръ , и все что ни есть въ мірѣ.

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотнительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумаясь и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. „Славная бабёшка!“ сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку. Но вѣдь что главное въ ней хорошо? Хорошо то, что она сей-часъ только, какъ видно, выпущена изъ какого нибудь пансіона, или института, что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то есть именно того, что у нихъ есть самага непріятнаго. Она теперь какъ дитя, все въ ней просто, она скажетъ, что ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выдти и дрянъ, и выдѣтъ дрянъ! Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнять всякимъ бабьёмъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возмется и надутость, и чопорность, станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ, и какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть, всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно, запутается наконецъ сама и кончится тѣмъ, что станетъ наконецъ врать всю жизнь, и выдѣтъ просто—чортъ знаетъ что!“ Здѣсь онъ нѣсколько времени по-

молчалъ и потомъ прибавилъ: »А любопытно бы знать, чѣмъ она? что, какъ ея отецъ? богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава, или просто благомыслящій человѣкъ съ капиталомъ, приобретеннымъ на службѣ? Вѣдь если положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка.« Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, за чѣмъ въ продолженіи хлопотни около экипажей не развѣдалъ отъ форейтора, или кучера, кто такіе были проезжающіе. Скоро однакожь показавшаяся деревня Собакевича разстѣла его мысли, и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету. Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла, одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слева; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темнобрыми, или лучше дикими стѣнами, домъ въ родѣ тѣхъ, какъ у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства, и, какъ видно, въ слѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ от-

вѣчающія окна и повертѣль на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну съ боку выкинуть, и отъ того очутилось не четыре колонны какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомерно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сарай и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленные на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тожь срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодезь былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы, да на корабли. Словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна почти въ одно время два лица: женское въ чепцѣ, узкое, длинное какъ огурецъ, и мужское круглое, широкое какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигага и щеголя, и подмигивающаго и посвистываю-

щаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошеихъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей въ сѣрой курткѣ съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто: прошу! и повелъ его во внутреннія жилища.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривъ, и вкосъ, и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица, имѣлъ каменный, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдышкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мѣлкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубима со всего плеча,хватила топоромъ разъ — вышелъ носъ,хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза, и не обскобливши пустила на свѣтъ, сказавши: живеть! Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ,

шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповороту, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголь печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ: не побеспокоилъ ли я васъ? Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого беспокойства.

Вошедъ въ гостинную, Собакевичъ показалъ на кресла, сказавши опять: прошу! Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими Греками неизвѣстно какимъ образомъ и для чего помѣстился Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала

героння греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щоголей, которые наполняютъ нынѣшнія гостинныя. Хозяинъ, будучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины у самого окна висѣла клятка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиную отворилась, и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепецъ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо какъ пальма.

— Это моя Θεοδουλѣ Ивановна! сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Θεοδουλѣ Ивановны, которую она почти впихнула ему въ губы, причемъ онъ имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ рассоломъ.

— Душенька, рекомендую тебѣ, продолжалъ Собакевичъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться.

Θεοδουλѣ Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: прошу! и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ.

За тѣмъ она усѣлась на диванъ , накрылась своимъ мериносовымъ платкомъ и уже не двинула болѣе ни глазомъ , ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Капари съ толстыми ляжками и пестокчаемыми усами , Бобелину и дрозда въ клеткѣ.

Почти въ теченіи цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый посоомъ дрозда о дерево деревянной клетки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернушки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату , и все, что въ ней ни было, — все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени, и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома : въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣныхъ четырехъ ногахъ , совершенный медвѣдь. Столъ , креслы , стулья , все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства, словомъ, каждый предметъ , каждый стулъ казалось говорилъ : и я тоже Собакевичъ ! или : и я тоже очень похожъ на Собакевича !

— Мы объ васъ вспоминали у председателя Палаты , у Ивана Григорьевича , сказалъ наконецъ Чичиковъ , видя , что никто не располагается начинать разговора , — въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время.

— Да, я не былъ тогда у предсѣдателя, отвѣчалъ Собакевичъ.

— А прекрасный человѣкъ!

— Кто такой? — сказалъ Собакевичъ, глядя на уголь печи.

— Предсѣдатель.

— Ну, можетъ быть это вамъ такъ показалось: онъ только что массонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ.

Чичиковъ немного озадачился такимъ отчасти рѣзкимъ опредѣленіемъ, но потомъ поправившись продолжалъ: — Конечно, всякой человѣкъ не безъ слабостей, но за то губернаторъ, какой превосходный человѣкъ!

— Губернаторъ превосходный человѣкъ?

— Да, не правда-ли?

— Первый разбойникъ въ мірѣ!

— Какъ, губернаторъ разбойникъ! сказалъ Чичиковъ, и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники. Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ, продолжалъ онъ. Но позвольте однако-же замѣтить: поступки его совершенно не такіе, напротивъ скорѣе даже мягкости въ немъ много. — Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошелекъ, вышитые его соб-

ственными руками, и отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

— И лицо разбойничье! сказалъ Собакевичъ. Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу, зарѣжетъ, за копѣйку зарѣжетъ! Онъ, да еще вице-губернаторъ, это гога и магога!

— Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ, подумалъ про себя Чичиковъ. А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицеймейстерѣ? онъ, кажется, другъ его. Впрочемъ что до меня, сказалъ онъ, мнѣ признаюсь: болѣе всѣхъ нравится полицеймейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что-то простосердечное.

— Мошенникъ! сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно, продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами! Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники, весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ хриstopродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ: прокуроръ; да и тотъ, если сказать правду, свинья.

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ біографій, Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любитъ ни о комъ хорошо отзываться.

— Чтожь, душенька, пойдемъ обѣдать, сказала Собакевичу его супруга.

— Прощу! сказалъ Собакевичъ. За симъ подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, порюмкъ водки, закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли все въ столовую; впереди ихъ, какъ плавающий гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро, трудно сказать утвердительно кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка, или просто проживающая въ домѣ; что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ нестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки, или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держать голову, ихъ почти готовъ принять за мебель, и думаешь, что отъ роду еще не выходило слово изъ такихъ устъ; а гдѣ нибудь въ дѣвичей, или въ кладовой, окажется просто: ого-го!

— Щи, моя душа, сегодня очень хороши, сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго

блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневою кашей, мозгомъ и ножками. Эдакой няни, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову, вы не будете ѣсть въ городѣ, тамъ вамъ чортъ знаетъ что подаватьъ!

— У губернатора однакожь не дурень столъ, сказалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли, изъ чего это все готовится? вы ѣсть не станете, когда узнаете.

— Не знаю какъ готовится, объ этомъ я не могу судить, но свиныя котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что они на рынкѣ покупаютъ. Купить вонъ тотъ каналья поваръ, что выучился у Француза, кота, обдеретъ его, да и подаетъ на столъ вмѣсто зайца.

— Фу! какую ты неприятность говоришь, сказала супруга Собакевича.

— А чтожь, душенька, такъ у нихъ дѣлается, я не виновать, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все, что ни есть ненужнаго, что Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лохань, они его въ супъ! да въ супъ! туда его

— Ты за столомъ всегда эдакое разскажешь ,
возразила опять супруга Собакевича.

— Чтожь , душа моя , сказалъ Собакевичъ ,
еслибъ я самъ это дѣлалъ , по я тебѣ прямо въ
глаза скажу , что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ
лягушку хоть сахаромъ облѣпи , не возму ся въ
ротъ , и устрицы тоже не возму : я знаю , на что
устрица похожа. Возмите барана , продолжалъ онъ
обращаясь къ Чичикову ; это бараній бокъ съ ка-
шей ! Это не тѣ фрикасе , что дѣлаются на бар-
скихъ кухняхъ изъ баранины , какая сутокъ по че-
тыре на рынокъ валяется ! Это все выдумали до-
ктора нѣмцы , да французы , я бы ихъ перевѣшалъ
за это ! Выдумали діету , лечить голодомъ ! Что
у нихъ нѣмецкая жидкокостная натура , такъ они
воображаютъ , что и съ русскимъ желудкомъ сла-
дять ! Нѣтъ , это все не то , это все выдумки , это
все.... Здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ го-
ловою. Толкують просвѣщеніе , просвѣщеніе , а
это просвѣщеніе — фукъ ! Сказалъ бы и другое
слово , да вотъ только что за столомъ неприлично.
У меня не такъ. У меня когда свинина , всю свинью
давай на столъ ; баранина , всего барана тащи , гусь—
всего гуся ! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ , да съѣмъ
въ мѣру , какъ душа требуетъ. Собакевичъ подтвер-
дилъ это дѣломъ : онъ опрокинулъ половину барань-

яго бока къ себѣ на тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

— Да, подумаль Чичиковъ, у этого губа не дура.

— У меня не такъ, говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руку, у меня не такъ, какъ у какого нибудь Плюшкина: 800 душъ имѣеть, а живеть и обѣдаетъ хуже моего пастуха.

— Кто такой этотъ Плюшкинъ? спросилъ Чичиковъ.

— Мошенникъ, отвѣчалъ Собакевичъ. Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Вправду! подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ, и вы говорите, что у него точно люди умирають въ большомъ количествѣ?

— Какъ мухи мрутъ.

— Не уже ли какъ мухи! А позвольте спросить, какъ далеко живеть онъ отъ васъ?

— Въ пяти верстахъ.

— Въ пяти верстахъ! воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ небольшое сердечное

біеніе. Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо, или налѣво?

— Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собакѣ! сказалъ Собакевичъ. Извинительный сходить въ какое нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему.

— Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ либо, а потому только, что интересуюсь познаніемъ всякаго рода мѣстъ, отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ бокомъ послѣдовали вотрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый всякимъ добромъ: яицами, рисомъ, печенками и ни вѣсть чѣмъ, что все ложилось комомъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше. Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье, ни груша, ни слива, ни иная ягода, до котораго впрочемъ не дотронулись, ни гость, ни хозяинъ. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы накласть его и на другія блюдечки. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая по-

минутно его рукою. Чичиковъ обратился къ нему съ такими словами :

— Я хотѣлъ - было поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ.

— Вотъ еще варенье! сказала хозяйка , возвращаясь съ блюдечкомъ : рѣдка вареная въ меду !

— А вотъ мы его послѣ ! сказалъ Собакевичъ. Ты ступай теперь въ свою комнату , мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фракъ , маленько пріотдохнемъ !

Хозяйка уже изъявила - было готовность послать за пуховиками и подушками , но хозяинъ сказалъ : Ничего , мы отдохнемъ въ креслахъ , и хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка принагнулъ голову , приготовляясь слушать , въ чемъ было дѣльцо.

Чичиковъ началъ какъ - то очень отдаленно , коснулся вообще всего Русскаго государства и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ , сказалъ , что даже самая древняя Римская монархія не была такъ велика , и иностранцы справедливо удивляются.... Собакевичъ все слушалъ наклонивши голову. И что по существующимъ положеніямъ этого государства , въ славѣ которому нѣтъ равнаго , ревизскія души , окончивши жизненное поприще , числятся однакожь , до подачи новой ре-

визской сказки, наравнѣ съ живыми, хотя въ замѣнъ того и вновь родившіяся не вносятся въ подушные списки, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственные мѣста множествомъ мелочныхъ и бесполезныхъ справокъ и не увеличить сложности, и безъ того уже весьма сложнаго, государственнаго механизма.... Собакевичъ все слушалъ наклонивши голову, — и что однако-же, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ вносить подати, такъ какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность. На счетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не назвалъ души умершими, а только несуществующими.

Собакевичъ слушалъ все по прежнему, нагнувши голову, и хоть бы что нибудь похожее на выраженіе показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а какъ у безсмертнаго кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

— И такъ?... сказалъ Чичиковъ, ожидая не безъ нѣкотораго волненія отвѣта.

— Вамъ нужно мертвыхъ душъ? спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

— Да, отвѣчалъ Чичиковъ, и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши: несуществующихъ.

— Найдутся, почему не быть.... сказалъ Собакевичъ.

— А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія.... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?

— Извольте, я готовъ продать, сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покупатель вѣрно долженъ имѣть здѣсь какую нибудь выгоду.

— Чортъ возми, подумалъ Чичиковъ про себя, этотъ ужъ продаетъ прежде, чѣмъ я заикнулся! и проговорилъ вслухъ: А на примѣръ, какъ же цѣна, хотя впрочемъ это такой предметъ.... что о цѣнѣ даже странно....

— Да что бы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку! сказалъ Собакевичъ.

— По сту ! вскричалъ Чичиковъ , разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза , не зная , самъ-ли онъ ослышался , или языкъ Собакевича , по своей тяжелой натурѣ , не такъ поворотившись , брякнулъ , вмѣсто одного , другое слово .

— Чтожь , развѣ это для васъ дорого ? произнесъ Собакевичъ , и потомъ прибавилъ : А какая бы однакожь ваша цѣна ?

— Моя цѣна ! Мы вѣрно какъ нибудь ошиблись , или не понимаемъ другъ друга , позабыли , въ чемъ состоитъ предметъ . Я полагаю съ своей стороны , положи руку на сердце : по восьми гривенъ за душу , это самая красная цѣна !

— Экъ куда хватили , по восьми гривенокъ !

— Чтожь , по моему сужденію , какъ я думаю , больше нельзя .

— Вѣдь я продаю не лапти .

— Однакожь согласитесь сами : вѣдь это тоже и не люди .

— Такъ вы думаете , сыщете такого дурака , который бы вамъ продалъ , по двугривенному ревизскую душу ?

— Но позвольте : зачѣмъ вы ихъ называете ревизскими ? вѣдь души-то самыя давно уже умер-

ли, остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ. Впрочемъ, чтобы не входить въ дальнѣйшіе разговоры по этой части, по полтора рубли извольте дамъ, а больше не могу.

— Стыдно вамъ и говорить такую сумму! вы торгуйтесь, говорите настоящую цѣну!

— Не могу, Михаилъ Семеновичъ, повѣрьте моей совѣсти, не могу: чего ужъ невозможно сдѣлать, того невозможно сдѣлать, говорилъ Чичиковъ, однако-жъ по полтинку еще прибавилъ.

— Да чего вы скупитесь? сказалъ Собакевичъ, право не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянъ, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какойнибудь здоровый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ напримѣръ каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только ресорные. И не то, какъ бываетъ Московская работа, что на одинъ часъ, прочность такая, самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!

Чичиковъ открылъ ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева однако-же давно нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую силу рѣчи, откуда взялась рысь и даръ слова:

— А Пробка Степапъ, плотникъ! я голову прокладую, если вы гдѣ сыщете такого мужика. Въдь что за силища была! Служи онъ въ гвардіи, ему бы Богъ знаетъ что дали, трехъ аршинъ съ вершкомъ ростомъ!

Чичковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевича, какъ видно, пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать:

— Милушкинъ кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмѣльнаго. А Еремей Сорокоплѣхинъ! да этотъ мужикъ одинъ станеть за всѣхъ, въ Москвѣ торговаль, одного оброку приносилъ по пяти сотъ рублей. Въдь вотъ какой народъ! Это не то, что вамъ продасть какой нибудь Плюшкинъ.

— Но позвольте, сказали наконецъ Чичковъ, изумленный такимъ обильнымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было, за чѣмъ вы исчисляете всѣ ихъ качества? въдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, въдь это все народъ мертвый. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай, говоритъ пословица.

— Да, конечно мертвые, сказалъ Собакевичъ, какъ бы одумавшись и припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые, а потомъ прибавилъ: впрочемъ и то сказать: что изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими? что это за люди? мухи, а не люди!

— Да все же они существуютъ, а это вѣдь мечта.

— Ну нѣтъ, не мечта! Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ вы такихъ людей не сыщете: машинница такая, что въ эту комнату не войдетъ: нѣтъ, это не мечта! А въ плечищахъ у него была такая силища, какой нѣтъ у лошади; хотѣлъ бы я знать, гдѣ бы вы въ другомъ мѣстѣ нашли такую мечту? Последнія слова онъ уже сказалъ, обратившись къ висѣвшимъ на стѣнѣ портретамъ Багратіона и Колокотрони, какъ обыкновенно случается съ разговаривающими, когда одинъ изъ нихъ вдругъ, неизвѣстно почему, обратится не къ тому лицу, къ которому относятся слова, а къ какому нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, отъ котораго знаетъ, что не услышитъ ни отвѣта, ни мнѣнія, ни подтвержденія, но на котораго однакожь такъ устремить взглядъ, какъ будто призываетъ его въ посредники: и нѣсколько смѣшав-

шійся въ первую минуту незнакомецъ не знаетъ , отвѣчать ли ему на то дѣло , о которомъ ничего не слышалъ , или такъ постоятъ , соблюдши надлежащее приличіе , и потомъ уже уйти прочь.

— Нѣтъ , больше двухъ рублей я не могу дать , сказалъ Чичиковъ.

— Извольте , чтобъ не претендовали на меня , что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія , извольте по семидесяти пяти рублей за душу , только ассигнаціями , право только для знакомства !

— Что онъ въ самомъ дѣлѣ , подумалъ про себя Чичиковъ , за дурака что ли принимаетъ меня ! и прибавилъ потомъ вслухъ : Мнѣ странно право : кажется между нами происходитъ какое-то театральное представленіе , или комедія , иначе я не могу себя объяснить.... Вы кажется человекъ довольно умный , владѣете свѣдѣніями образованности. Въдѣ предметъ просто : фу фу! Чтожъ онъ стоить ? кому нуженъ ?

— Да , вотъ , вы же покупаете , стало быть нуженъ.

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелся , что отвѣчать. Онъ сталъ-было говорить про какія-то обстоятельства фамилныя и семейственныя , но Собакевичъ отвѣчалъ просто :

— Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамилійныя не мѣшаюсь, это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, и будете раскаяваться, что не купили.

— Два рублика, сказалъ Чичиковъ.

— Экъ право, затвердила сорока Якова, одно про всякаго, какъ говорить пословица; какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну!

— Ну ужъ чортъ его побери, подумалъ про себя Чичиковъ, по полтинѣ ему прибавлю, собакъ на орѣхи! Извольте, по полтинѣ прибавлю.

— Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово: пятьдесятъ рублей! право убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите, такого хорошаго народа!

— Экой кулакъ! сказалъ про себя Чичиковъ, и потомъ продолжалъ вслухъ съ нѣкоторою досадою: Да что въ самомъ дѣлѣ.... какъ будто точно сурьезное дѣло; да я въ другомъ мѣстѣ ни почемъ возму. Еще мнѣ всякой съ охотой сбудетъ ихъ, чтобы только поскорѣй избавиться. Дуракъ развѣ станетъ держать ихъ при себѣ и платить за нихъ подати!

— Но знаете-ли, что такого рода покупки, а это говорю между нами, по дружбѣ, не всегда

позволительны, и расскажи я, или кто иной, такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактовъ, или вступленія въ какія нибудь выгодныя обязательства.

— Вишь куды мѣтитъ, подлець! подумалъ Чичиковъ, и тутъ же произнесъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ: какъ вы себѣ хотите, я покупаю не для какой-либо надобности какъ вы думаете, а такъ, по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтиною не хотите, прощайте!

— Его не собьешь, неподатливъ! подумалъ Собакевичъ. Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!

— Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать, прощайте!

— Позвольте, позвольте! сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки, и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ побережься, въ наказанье за что долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.

— Прощу прощенья! я кажется васъ побеспокоилъ. Пожалуйте, садитесь сюда! Прощу! Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣетъ и перевертываться и дѣлать разныя штуки на вопросы: а покажи, миша,

какъ бабы парятся? или: а какъ, миша, малые ребята горохъ крадутъ?

— Право я напрасно время трачу, мнѣ нужно спѣшить.

— Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово. Тутъ Собакевичъ подсѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо какъ будто секретъ: хотите уголь?

— То есть двадцать пять рублей? Ни, ни, ни, даже четверти угла не дамъ, копѣйки не прибавлю.

Собакевичъ замолчалъ, Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ посомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку?

— Какая-же ваша будетъ послѣдняя цѣна? сказалъ наконецъ Собакевичъ.

— Два съ полтиною.

— Право у васъ душа человѣческая все равно, что пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубли дайте!

— Не могу.

— Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убытокъ, да ужъ нравъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему. Вѣдь я чай нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ.

— Разумѣется.

— Ну вотъ то-то же, нужно будетъ ѣхать въ городъ.

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городъ и управиться съ купчей крѣпостью. Чичиковъ попросилъ списочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно, и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выписывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

А Чичиковъ, отъ нечего дѣлать, занялся, находясь позади, разсматриваніемъ всего просторнаго его оклада. Какъ взглянулъ онъ на его спину, широкую, какъ у вятскихъ, приземистыхъ лошадей, и на ноги его, походившія на чугуныя тумбы, которыя ставятъ на тротуарахъ, не могъ не воскликнуть внутренно: Экъ наградила-то тебя Богъ! вотъ ужъ точно, какъ говорятъ, неладно скроено, да крѣпко сшито!.... Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные поѣввы, возня съ мужиками, и ты черезъ нихъ сдѣлался то, что называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургъ, а не въ захолустыи. Вся разница въ томъ, что теперь ты унишешь полъ-бараньяго бока съ кашей;

закусивши вотрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу, и конечно ихъ не обидишь, потому что они твои, тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смѣкнувши, что они не твои же крепостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ, или два пальца, выдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой нибудь науки, дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую нибудь науку. Эхъ, если бы всѣ кулаки!....

— Готова записка! сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

— Готова? пожалуйста ее сюда! Онъ пробѣжалъ ее глазами, и подивился акуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ пахотились особенныя отмѣтки на счетъ поведенія, трезвости, словомъ, любо было глядѣть.

— Теперь пожалуйста же задаточекъ! сказалъ Собакевичъ.

— Къ чему же вамъ задаточекъ? Вы получите въ городъ за однимъ разомъ всѣ деньги.

— Все знаете, такъ ужъ водится, возразилъ Собакевичъ.

— Не знаю, какъ вамъ дать, я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть.

— Что-жъ десять! дайте покрайней мѣрѣ хоть пятьдесятъ!

Чичиковъ сталъ бымо отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши:

— Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, и того двадцать пять. Пожалуйте только росписку!

— Да на чтожь вамъ росписка?

— Все знаете, лучше росписку. Не ровень часъ, все можетъ случиться.

— Хорошо, дайте же сюда деньги!

— На чтожь деньги? у меня вотъ онъ въ рукъ! какъ только напишете росписку; въ ту же минуту ихъ возьмете.

— Да позвольте, какъ же мнѣ писать росписку? прежде нужно видѣть деньги.

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

— Бумажка - то старенькая! произнесъ онъ, рассматривая одну изъ нихъ на свѣтъ; немножко разорвана, ну да между пріятелями нечего на это глядѣть.

— Кулакъ, кулакъ! подумалъ про себя Чичиковъ, да еще и бестія въ придачу!

— А женскаго пола не хотите?

— Нѣтъ, благодарю.

— Я бы не дорого и взялъ. Для знакомства по рублику за штуку.

— Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь.

— Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: кто любитъ попа, а кто попадю, говоритъ пословица.

— Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами, говорилъ Чичиковъ прощаясь.

— Да ужь само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать; что по искренности происходитъ между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посѣтили; прошу и впередъ не забывать: коли выберется свободный часикъ, прїѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ быть опять случится услужить чѣмъ нибудь другъ другу.

— Да, какъ бы не такъ! думалъ про себя Чичиковъ, садясь въ бричку. По два съ полтиною содралъ за мертвую душу, чортовъ кулакъ!

Онъ былъ недоволенъ поведеніемъ Собакевича. Все-таки, какъ бы то ни было, человѣкъ знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступилъ какъ бы совершенно чужой, за дрянъ взялъ деньги! Когда бричка выѣхала со двора, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Собакевичъ все еще стоялъ на крыльцѣ и, какъ казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поѣдетъ.

— Подлецъ, до сихъ поръ еще стоитъ! проговорилъ онъ сквозь зубы, и велѣлъ Селифану поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отѣхать такимъ образомъ, чтобы нельзя было видѣть экипажа со стороны господскаго двора. Ему хотѣлось заѣхать къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали какъ мухи, но не

хотѣлось, чтобы Собакевичъ зналъ про это. Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который поднявши гдѣ-то на дорогѣ, претолстое бревно, тащилъ его на плечѣ, подобно неустоимому муравью, къ себѣ въ избу.

— Эй, борода! а какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину, такъ чтобъ не мимо господскаго дома?

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

— Чтожь, не знаешь?

— Нѣтъ, баринъ, не знаю.

— Эхъ ты! А и съдымъ волосомъ еще подернуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того что плохо кормить людей?

— А! заплатанной, заплатанной! вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову заплатанной, очень удачное, но неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а потому мы его пропустимъ. Впрочемъ можно догадываться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что Чичиковъ, хотя мужикъ давно уже пропалъ изъ виду, и много уѣхали впередъ, однакожь все еще усмѣхался, сидя въ бричкѣ. Выражается сильно Россійской народъ! и если наградить кого словомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащить онъ его съ собою и на службу, и въ

отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужь потомъ ни хитри и ни облагороживай свое поприще, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все свое воронье горло, и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужь куды бывать мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни Нѣмецкихъ, ни Чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ-самородокъ, живой и бойкой Русской умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высниживаетъ сго, какъ пасѣдка цыплятъ, а влѣпливается съ разу, какъ пашпортъ на вѣчную поску, и исчего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ, или губы — одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырѣй съ куполами, главами, крестами, разсыпано на Святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, нестрѣсть и мечется по лицу земли. И всякой народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенноти, и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ выражая какой ни есть предмѣтъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственного сво-

его характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово Британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово Француза; затѣйливо придумаетъ свое, не всякому доступное, умнохудошавое слово Нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное Русское слово.



ГЛАВА VI.

1847

Дрежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный, уѣздный городишка, село ли, слободка, любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что пошло только на себѣ напечатлѣнье какой нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли, казенный домъ, извѣстной архитектуры съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ одинешенекъ торчавшій среди бревенчатой тесанной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ, обыва-

тельскихъ домиковъ , круглый ли , правильный куполь , весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ , вознесенный надъ , выбѣленною какъ снѣгъ , новою церковью , рынокъ ли , франтъ ли уѣздный , попавшійся среди города , ничто не ускользало отъ свѣжаго , тонкаго вниманья , и высунувши носъ изъ походной телеги своей , я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого нибудь сюртука , и на деревянные ящики съ гвоздями , съ сѣрой , желтѣвшей вдали , съ изюмомъ и мыломъ , мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ Московскихъ конфетъ , глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера , занесеннаго , Богъ знаетъ , изъ какой губерніи на уѣздную скуку , и на купца , мелькнувшаго въ сибирскѣ на бѣговыхъ дрожкахъ , и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался : Куда онъ идетъ , на вечеръ ли къ какому нибудь своему брату , или прямо къ себѣ домой , чтобы посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ , пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки , сѣсть за ранній ужинъ , съ матушкой , съ женой , съ сестрой жены и всей семьей , и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ , въ то время , когда дворовая дѣвка въ монистахъ , или мальчикъ въ толстой курткѣ , принесетъ , уже послѣ супа , сальную свѣчу въ долговѣчномъ , домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого нибудь по-

мѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую узкую, деревянную колокольню, или широкую, темную, деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою паружностью, и по немъ старался я угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли онъ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмурень какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говорить про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ, и равнодушно гляжу на ея пошлую паружность; моему охлажденному взору неприютно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О моя юность! о моя свѣжесть!

Покаместъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужи-

ками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ вѣхалъ въ средину обширнаго села со множествомъ избъ и улицъ. Скоро однако же далъ замѣтить ему это препорядочный толчекъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и небережливый ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить преболѣно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тѣсь, разсуждая, и конечно справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ, бабится же въ ней незачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабацѣ, и на большой дорогѣ, словомъ, гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой, или зипуномъ: балкончики подъ крышами съ перилами неизвѣстно для какихъ причинъ, дѣлаемые въ иныхъ Русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клады хлѣба, застоявшіяся какъ видно долго; цвѣ-

томъ походили они на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ, возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой: опустѣвшая деревянная, и каменная, съ желтепккими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями, сталъ выказываться господскій домъ, и наконецъ глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанноюгородьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный цѣпомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ падежно защищавшей его старость, торчали два бельведера одинъ противъ другаго, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома оцеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку, и какъ видно много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна съ своей стороны были тоже под-

слѣповаты; на одномъ изъ нихъ темѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полъ, заросшій и засохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполне живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣнн. Зелеными облаками и неправильными, трепетоллистыми куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревь. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурей, или грозой, подымался изъ этой зеленой гущи, и кругллся на воздухъ какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косою, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капителя, темѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревь, или же висѣлъ на воздухъ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленые чащи, озаренныя солн-

цемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окнунто тѣнью, и чуть чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, съдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ - за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся, листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листья, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце, превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ не вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и невольнѣ отдѣленные вѣтви, висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ наскрытый, нагой планъ, и даетъ чудную тепло-

ту, всему, что, создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ, или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плеснь уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній: людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налево видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего незамѣтно было оживляющаго картину, ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телегою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполнѣй. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телегѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура: баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ, на головѣ колпакъ, ка-

кой носить деревенскія, дворовыя бабы, только одинъ голосъ показался ему нѣсколько слышимъ для женщины. Ой баба! подумалъ онъ про себя, и тутъ же прибавилъ: ой нѣтъ! Конечно баба! наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура съ своей стороны глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, цѣняя съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ, и потому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это вѣрно ключница.

— Послушай, матушка, сказалъ онъ, выходя изъ брички, что баринъ?...

— Нѣтъ дома, прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ спустя минуту, прибавила: а что вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты! сказала, ключница отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ

подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту, и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домъ происходило мытье половъ, и сюда на время нагромодили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкафъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюрѣ, выложенномъ перламутровою мозанкой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенкіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мѣлко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ на верху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочикъ сургучика, кусочикъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву Французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ трехугольных шкяпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками, изъ бронзовыми же кружками по угламъ. Врядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду, и висѣвшую, головою внизъ, утку. Съ середины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что поглубже и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки: замѣтишь прочаго высовывался оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась боковая дверь, и взошла таже самая ключница, ко-

торуую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣветъ бороды, а этотъ напротивъ того брилъ, и казалось довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже съ своей стороны ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

— Чтожь баринъ? у себя, что ли?

— Здѣсь хозяинъ, сказалъ ключникъ.

— Гдѣ же? повторилъ Чичиковъ.

— Что, батюшка, слѣпы-то что ли? сказалъ ключникъ. Эхва! А вить хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нашъ по неволѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случилось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у мно-

гихъ худощавыхъ стариковъ ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ , такъ что онъ долженъ былъ всякой разъ закрывать его платкомъ , чтобы не заплывать ; маленькіе глазки еще не потухнули и бѣгали , изъ-подъ высоко выросшихъ бровей , какъ мыши , когда высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды , насторожа уши и моргая усомъ , онѣ высматриваютъ , не затаился ли гдѣ котъ , или шалунъ мальчишка , и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ . Гораздо замѣчательнѣе былъ парядъ его : никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться , изъ чего состряпанъ былъ его халатъ : рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились , что походили на юфть , какая идетъ на сапоги ; назади вмѣсто двухъ болталось четыре полы , изъ которыхъ хлопьями лѣзла хлопчатая бумага . На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое , котораго нельзя было разобрать : чулокъ ли , повязка ли , или набрюшникъ , только никакъ не галстухъ . Словомъ , если бы Чичиковъ встрѣтилъ его , такъ принаряженнаго , гдѣнибудь у церковныхъ дверей , то вѣроятно далъ бы ему мѣдный грошъ . Ибо къ чести героя нашего нужно сказать , что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться , чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша . Но предъ нимъ стоялъ не нищій , предъ нимъ стоялъ помѣщикъ . У этого помѣщика была

тысяча слишкомъ душъ, и попробоваль бы кто най-
ти у кого другаго столько хлѣба, зерномъ, му-
кою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, ам-
бары и сушныя загромождены были такимъ мно-
жествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ выдѣланныхъ
и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой
овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто никуда
къ нему на рабочий дворъ, гдѣ наготовлено было
на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не
употреблявшейся — ему бы показалось, ужъ не по-
палъ ли онъ какъ никуда въ Москву на щепной
дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя
тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать
свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣтъ
всякое дерево шитое, точеное, лаженое и плете-
ное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны
съ крыльцами и безъ крылецъ, побратимы, лукош-
ки, мыкольникы, откуда бабы кладутъ свои мочки,
и прочій дразгъ, коробья изъ тонкой гнутой оси-
ны, бураки изъ плетеной берестки, и много все-
го, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси.
На чтобы казалось, нужна была Плюшкину такая
гибель подобныхъ издѣлій? во всю жизнь не при-
шлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣ-
нія, какія были у него, — по ему и этого каза-
лось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще
каждый день по улицамъ своей деревни, заглядыва-
лъ подъ мостики, подъ перекладыны, и все, что

ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. Въонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту! говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигомъ отправилась въ известную кучу; если баба, какъ нибудь заѣзжавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ боялся, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнату своей, онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро, или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! былъ жепать и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размереннымъ ходомъ: двигались мѣльницы, валильни, работали сукошныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозя-

ина, и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, по расторопно, по всемъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виднѣть умъ; опытностію и познаниемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ милостивыя дочки, обѣ бѣлокуроыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всеми, мало обращающаго вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гостю. Въ домѣ были открыты все окна, антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брлся и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробыныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компаніонка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сертукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе, и, какъ все вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и

былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка; и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мошенники. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться; учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ, и написалъ къ отцу уже по своему опредѣленію, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это, то, что называется въ простонародіи, шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе;

человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мѣли ежеминутно, и каждый день что нибудь ^{hâvilles} утрачивалось въ этой изношенной ^{racine} развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему, отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтъ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства; и мѣлкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались, и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, кладки и стогны обращались въ чистый навозъ, хотъ разводили на нихъ капусту, мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: онъ обращался въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу

графничикъ съ остаткомъ какой нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ памѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему: столько же оброку долженъ былъ принести мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же ^{поставокъ} холста должна была наткать ткачиха — все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на челоуѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сыномъ, пытаясь, нельзяли чего нибудь получить; видно походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ однако-же ее простилъ, и даже далъ маленькому внуку поиграть какую-то пуговницу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другаго на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадахъ, куличъ и халатъ взялъ, по

дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

И такъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадаетъ на Руси, гдѣ все любить скорѣе развернуться, нежели сѣзжиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же въ сосѣдствѣ подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину Русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжіи остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный Принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные дома съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями и плошками, оглашенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрално выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе, является чрезъ то ночное небо, и далеко трепеща листьями въ вы-

шинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ-было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія, но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Изкоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово добродѣтель и рѣдкія свойства души можно съ успѣхомъ замѣнить словами: экономія и порядокъ; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, ибо зубовъ не было, что именно, неизвѣстно,

но вѣроятно смыслъ былъ таковъ : »А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ !« Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу , что скряга не въ силахъ преступить его законовъ , то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятіе : прошу покорнѣйше садиться !

— Я давненько не вижу гостей, сказалъ онъ, да признаться сказать въ нихъ мало вижу проку. Завели пренепримчивый обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствахъ — то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба — то совсѣмъ развалилась, начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.

— Воиъ оно какъ ! подумалъ про себя Чичковъ, хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку, да ломоть бараньяго бока.

— И такой скверный анекдотъ, что сына хотъ бы kloкъ въ цѣломъ хозяйствѣ ! продолжалъ Плюшкинъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ бережешь его ? землянка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ какъ бы въ кабакъ.... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру !

— Мнѣ однако же сказывали, скромно замѣтилъ Чичковъ, что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ бають, тысячи душъ, а подитка со-считай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровѣй-ной кушъ мужиковъ.

— Скажите! и много выморила? воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, спесли многихъ.

— А позвольте узнать: сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я по-лагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?

— Это бы еще слава Богу, сказалъ Плюш-кинъ, да лихъ-то, что съ того времени до ста-двадцати, наберется.

— Вправду? цѣлыхъ сто двадцать? восклик-нулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седь-мой десятокъ живу! сказалъ Плюшкинъ. Онъ, ка-

залось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же, и сказалъ, что соболѣзнуеть.

— Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь, сказалъ Плюшкинъ. Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся! говоритъ — родственникъ: дядюшка, дядюшка! и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику чай на смерть придерживается. Вѣрно спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актриса выманцла, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуеть!

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его, и не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же, изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе казалось совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво, служилъ по статской.

— По статской? повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что нибудь кушалъ. Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ - то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой! вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густого кофея, и помы халата, раскрывшись, показали платью, не весьма приличное для разсматриванья. »Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! ахъ, Святители вы мои!«... Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, также мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и свернувши его въ комокъ, сталъ имъ водить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякой годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ, или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

— Да, купчую крѣпость.... сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. Въдѣ вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну сказалъ бы ему какъ нибудь душеспасительное слово! Въдѣ словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

— Ну ты, я думаю, устоишь! подумалъ про себя Чичиковъ, и произнесъ тутъ же, что изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ однакожь не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣ-

шеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: »Эй, Прошка.« Черезъ минуту было слышно, кто-то вбѣжалъ въ попыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сей-часъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякой призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги, и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ, и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! — сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. Глупъ вѣдь какъ дерево, а по-

пробуй что нибудь положить, мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего? — Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прощка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. »Поставь самоваръ, слышишь, да вотъ возьми ключъ, да отдай Мавръ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подали его къ чаю!... постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ что ли чешется?.... ты выслушай прежде: сухарь-то сверху чай поиспортился, такъ пусть соскоблеть его ножомъ; да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую, не то я тебя, знаешь! березовымъ-то вѣшникомъ, чтобы для вкуса — то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ лучше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прощка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: Вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить, да напиться чаю, а

потомъ и уѣдетъ! А потому изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хотъ сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками, и наконецъ произнесъ: Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ сливный ликерчикъ, если только не выпили! народъ, такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ? Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. — Еще покойница дѣлала, продолжалъ Плюшкинъ; мошенница ключница совсѣмъ было его забросила, и даже не закупила, каналья! Казавки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ — то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ палью рюмочку.

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

— Пили уже и ѣли! сказалъ Плюшкинъ. Да, конечно, хорошаго общества человѣка хотъ гдѣ

узнаешь : онъ не ѣсть, а сытъ ; а какъ эдакой какой нибудь воришка, да его сколько ни корми..... Въдь вотъ капитанъ пріѣдетъ : дядюшка, говоритъ, дайте чего нибудь поѣсть ! А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть вѣрно нечего, такъ вотъ онъ и шатается ! Да, въдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ ? Какъ же, я какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы при первой подачѣ ревизіи всѣхъ ихъ вычеркнуть. — Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Пармоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай не доѣдешь ; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

— Въ городъ ? Да какъ же ? ...а домъ-то какъ оставишь ? Въдь у меня народъ или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого нибудь знакомаго ?

— Да кого же знакомаго? Все мои знакомые перемерли, или раззнакомились, Ахъ, батюшка! какъ не имѣть, имѣю! вскричалъ онъ. Вѣдь знакомъ самъ Предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ, какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! какъ не знакомый? ужь такой знакомый! такъ ужь не къ нему ли написать?

— Конечно къ нему.

— Какъ же, ужь такой знакомый! въ школь были пріятели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства, явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина, или утомленныя бореньемъ руки — появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ стало еще безчувственный и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, сказалъ онъ, да не знаю куда запропастилась: лю-

ди у меня такіе негодные! — Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ, и наконецъ закричалъ: Мавра! а Мавра! На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ извоили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на чтожь бы я подтибрила? Въдь мнѣ проку съ ней никакого; я грамотъ не знаю.

— Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

— Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!

— Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужь скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти - то тебя и припекутъ! скажутъ : а вотъ тебѣ , мошенница , за то , что барина-то обманывала , да горячими - то тебя и припекутъ !

— А я скажу, не за что! Ей Богу, не за что, не брама я.... Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете !

Плюшкинъ увидѣлъ точно четвертку и на минуту остановился , пожевалъ губами и произнесъ : »Ну , что жъ ты расходилась такъ : экая занозистая ! Ей скажи только одно слово , а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой , ты схватишь сальную свѣчу , сало дѣло топкое : сгорить — да и нѣтъ , только убытокъ , а ты принеси-ко мнѣ лучинку !

Мавра ушла , а Плюшкинъ , сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо , долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку , придумывая : нельзя ли отдѣлнить отъ нея еще осьмушку , но наконецъ убѣдился , что никакъ нельзя ; всунулъ перо въ чернильницу съ какою - то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ , и сталъ писать , выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты , придерживая поминутно прыть руки , которая раскакивалась по всей бумагѣ , лѣтя скупю строка на строку ,

и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду; все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество; забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ — не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосердіе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

— А не знаете ли вы какого нибудь вашего пріятеля; — сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо, которому бы понадобились бѣглыя души?

— А у васъ есть и бѣглыя? быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

— Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говорить, будто и слѣдъ простылъ, но вѣдь онъ человѣкъ военный: мастеръ

сампата, шпорой
притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ....

— А сколько ихъ будетъ числомъ?

— Да десятковъ до семи тоже наберется.

— Нѣтъ?

— А ей Богу такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего.... А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посоветуйте вашему другу-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная! денга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.

— Нѣтъ, этого мы другу и понюхать не дадимъ, сказалъ про себя Чичиковъ, и потомъ объяснилъ, что такого друга никакъ не найдется, что однѣ *минуты* издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе; ибо отъ судовъ нужно отрѣзать по *полы* собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно такъ стиснуть, то будучи подвигнуть участіемъ, онъ готовъ дать.... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

— А сколько бы вы дали? спросилъ Плюшкинъ, и самъ оживясь; руки его задрожали, какъ ртуть.

— Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за душу.

— А какъ, вы покупаете на чистыя?

— Да, сей-часъ деньги.

— Только, батюшка, ради ^{Копѣекъ} нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ.

— Почтеннѣйшій! сказалъ Чичиковъ, не только по сорока копѣекъ, по пяти сотъ рублей заплатилъ бы! съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу, почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.

— А ей Богу такъ! ей Богу правда! сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и ^{векновенно} сокрушительно покачавъ ее. Все отъ добродушія.

— Ну, видите ли, я вдругъ ^{потомъ} постигнулъ вашъ характеръ. И такъ почемужъ не дать бы мнѣ по пяти сотъ рублей за душу, но.... состоянья нѣтъ; по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, что бы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните. ^{прибавитъ}

— По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? вы, кажется, говорили семдесятъ?

— ПѢТЬ. Всего наберется семьдесятъ восемь.

— Семдесятъ восемь, семдесятъ восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ.... здѣсь герой нашъ одну секунду не болѣе подумалъ и сказалъ вдругъ: это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копѣекъ! онъ былъ въ ариометикѣ силенъ. Тутъ-же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки, и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую нибудь жидкость, ежеминутно боясь разхлестать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядывалъ ихъ еще разъ, и уложилъ тоже чрезвычайно осторожно въ одинъ изъ ящичковъ, гдѣ вѣрно имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неопи-санной радости зятя и дочери, а можетъ быть и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти материн, о чемъ говорить.

— А что, вы ужъ собираетесь ѣхать? сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ незачѣмъ болѣе ^{винить} мѣшкать. — Да, мнѣ пора! произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

— А чайку? ^{чайку}

— Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда нибудь въ другое время.

— Какъ же, а я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ ^{нравится} дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась ^{аномально} немилосердная. Прощка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Мавръ, слышишь: пусть его положить на то же мѣсто, или нѣтъ, подай его сюда, я уже снесу его самъ. Прощайте, батюшка, да благословить васъ Богъ, а письмо-то председателю вы отдайте. Да! пусть прочтеть, онъ мой ^{старый} знакомый. Какъ же! были съ нимъ ^{отношения} однокорытниками!

За снѣмъ, это странное явленіе, этотъ съѣжившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть, потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, ^{двѣ} колотя деревянными лопатками ^{досками} въ пустой ^{боченокъ} боченокъ, на мѣсто чугушной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ ^{видомъ} подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, пѣлся препорядочно шей съ кашею, и вы-

тотъ
 бранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дур-
 ное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Остав-
 шись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы
 ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣ-
 лѣ, безпримѣрное великодушіе. Я ему подарю, по-
 думалъ онъ про себя, карманные часы: они вѣдь
 хорошіе, серебряные часы, а не то чтобы какіе
 нибудь томпаковые, или бронзовые, немножко по-
 испорчены, да вѣдь онъ себѣ переправить; онъ чело-
 вѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные ча-
 сы, чтобы поправиться своей *жизнью* невѣсть! Или нѣтъ,
 прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія,
 лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ
тестamentѣ духовной, чтобы воспоминалъ обо мнѣ. 13/м.

Но герой нашъ и безъ часовъ былъ въ самомъ
 веселомъ расположеніи духа. Такое неожиданное
приобрѣтеніе было сущій подарокъ. Въ самомъ дѣ-
 лѣ, что ни говори, не только однѣ мертвыя ду-
 ши, но еще и бѣглыя, и всего двѣсти слишкомъ
 чело^{вѣ}къ! Конечно, еще подѣзжая къ деревнѣ
 Плюшкина, онъ уже предчувствовалъ, что будетъ
 кое-какая пожива, но такой *прибыточной* никакъ
 не ожидалъ. Всю дорогу онъ былъ веселъ не-
 обыкновенно, посвистывалъ, наигрывалъ губами, при-
 ставивши ко рту кулакъ, какъ будто игралъ на
 трубѣ, и наконецъ затанулъ какую-то пѣсню,
 до такой степени необыкновенную, что самъ Се-

лифанъ слушалъ, слушалъ, и потомъ покачавъ
вѣтромъ, слегка головой, сказалъ: вишь ты, какъ баринъ
поетъ! Были уже густые сумерки, когда подъ-
ѣхали они къ городу. Тѣнь со свѣтомъ перемѣ-
шалась совершенно и, казалось, самые предметы
перемѣшались тоже. Пестрый ^{много} шлагбаумъ при-
нялъ какой-то ^{чуждый} неопредѣленный цвѣтъ; усы у
стоявшаго на часахъ солдата казались на лбу и
гораздо выше глазъ; а носа какъ будто не было
вовсе. Громъ и прыжки дали замѣтить, что брич-
ка въѣхала на ^{мостовую}. Фонари еще не зажига-
лись, кое-гдѣ только начинались освѣщаться окна
домовъ, а въ переулкахъ и ^{переулки} закоулкахъ происходи-
ли сцены и разговоры, ^{разговаривали} перазлучные съ этимъ вре-
менемъ во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдатъ,
извозчиковъ, работниковъ и особеннаго рода су-
ществъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ шаляхъ и баш-
макахъ безъ чулокъ, которыя, какъ летучія мы-
ши, шныряютъ по перекресткамъ. Чичиковъ не за-
мѣчалъ ихъ, и даже не замѣтилъ многихъ тонень-
кихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, въро-
ятно, сдѣлавши прогулку за городомъ, возвращались
домой. Изрѣдка доходили до слуха его какія-то, ка-
зались, женскія ^{женскія} восклицанія: «врешь, пьяница! я
никогда не позволяла ему такого грубѣйства!» или:
«ты не дерись, невѣжа, а ступай въ Частъ, тамъ
я тебѣ докажу!».... Словомъ, тѣ слова, кото-
рыя вдругъ обдадутъ какъ варомъ какого-нибудь

замечтававшегося двадцати - лѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, нестѣ онъ въ головѣ Испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ, и что не грезится въ головѣ его? онъ въ небесахъ, и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости — и вдругъ раздаются надъ нимъ какъ громъ роковыя слова, и видитъ онъ, что ^{индустри} вповѣ очутился на землѣ, и даже на Стѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновѣ пошла по будничному ^{антикваріат} щеголять передъ нимъ жизнь.

Наконецъ бричка, сдѣлавши ^{Давидъ Бикторі} порядочный скачокъ, опустилась какъ будто въ яму, въ ворота гостиницы, и Чичиковъ былъ встрѣченъ Петрушкою, который одною рукою придерживалъ ^{скачки} полу своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились ^{аппарат} полы, а другою сталъ помогать ему выбѣзять изъ брички. Половой тоже выбѣжалъ, со свѣчею въ рукѣ и салфеткою на плечѣ. Обрадовался ли Петрушка ^{аппарат} пріѣзду барина, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ они ^{мѣръ} перемигнулись съ Селифаномъ, и обыкновенно ^{мѣръ} суровая его ^{мѣръ} наружность, на этотъ разъ, какъ будто нѣсколько прояснилась.

— Долго изволили погулять, сказалъ половой, ^{валентин} освѣщая лѣстницу.

— Да, сказалъ Чичиковъ, когда взошелъ на лѣстницу. Ну, а ты что?

— Слава Богу, отвѣчалъ, полойой, кланяясь. ^{antim' as}
 Вчера пріѣхалъ поручикъ какой-то военный, занялъ ^{antim' as}
 шестнадцатый номеръ.

— Поручикъ?

— Неизвѣстно какой изъ Рязани, ^{Timin'uskes} гнѣдыя до-
 шадн.

— Хорошо, хорошо, веди себя и впередъ хо-
 рошо! сказалъ Чичиковъ, и вошелъ въ свою комна-
 ту. Проходя переднюю, онъ ^{kurta} покрутилъ носомъ и
 сказалъ Петрушкѣ: Ты бы покрайней мѣрѣ, хотъ
 окна отперъ!

— Да я ихъ отпиралъ, сказалъ Петрушка, да
 и совралъ. Впрочемъ баринъ и самъ зналъ, что онъ
 совралъ, но ужъ не хотѣлъ ничего ^{danos vastan} возражать. По-
 слѣ сдѣланной повѣдки, онъ чувствовалъ сильную
 усталость. Потребовавши самый легкій ужинъ, со-
 стоявшій только въ поросенкѣ, онъ тотъ же часъ
 раздѣлся, и забравшись подъ одѣяло, заснулъ силь-
 но, крѣпко, заснулъ чуднымъ образомъ, какъ
 спятъ одни только тѣ счастливыя, которые не въ-
^{tebe} даютъ ни ^{perap'kamtan'} гемороя, ни ^{a = kuryu} блохъ, ни слишкомъ силь-
 ныхъ умственныхъ способностей.



ГЛАВА VII.

IV 1111

Счастливъ путникъ , который послѣ длинной , скучной дороги съ ея холодами , слякотью , грязью , невыспавшимися станціонными зрителями , бряканьями колокольчиковъ , починками , перебранками , ямщиками , кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами , видитъ наконецъ знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками , и предстануть передъ нимъ знакомыя комнаты , радостный крикъ выбѣжавшихъ навстрѣчу людей , шумъ и бѣготня дѣтей и успокоительныя тихія рѣчи , прерываемыя пылающими лобзаніями , властными истребить все печальное изъ памяти. Счастливъ семьянинъ , у кого есть такой уголъ , по горе холостяку !

Счастливъ писатель , который мимо характеровъ скучныхъ , противныхъ , поражающихъ печальною своею дѣйствительностью , приближается къ характерамъ , являющимъ высокое достоинство человека , который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ , избралъ однѣ немногія исключенія , который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры , не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ , и не касаясь земли , весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличепные образы. Вдвойнѣ завиднѣ прекрасный удѣлъ его : онъ среди ихъ , какъ въ родной семьѣ ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окуривъ упоительнымъ куревомъ людскія очи ; онъ чудно польстилъ имъ , сокрывъ печальное въ жизни , показавъ имъ прекраснаго человека. Все , рукоплеща , несется за нимъ , и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его , парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра , какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодая пыкія сердца , отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ.... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ ! Но не таковъ удѣлъ , и другая судьба писателя , дерзнувшаго вызвать наружу все , что ежеминутно предъ очами , и чего не зрятъ равнодушныя очи , всю страшную , потрясающую типу

мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подъ часть горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать наконецъ отъ современнаго суда, лицемерно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ мелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ челоуѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героев, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солицы, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высо-

кимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скормороха! Не признаётъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношеніе непризнанному писателю; безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участія, какъ ^{напѣва} безсемеинный путникъ останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почувуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей....

Въ дорогу! въ дорогу! прочь набѣжавшая на чело ^{морщина} морщина и строгій ^{сумракъ} сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотримъ что дѣлаетъ Чичиковъ.

Чичиковъ проснулся, потянулъ руки и ноги и почувствовалъ, что выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ. Тутъ же вско-

чилъ онъ съ постели, не посмотрѣлъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно, и въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ предъ кѣмъ нибудь изъ пріятелей, особливо если это происходило во время бритья. »Вотъ, посмотри, говорилъ онъ обыкновенно поглаживая его рукою: какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!« — Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ, ни на лицо, а прямо, такъ какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги съ рѣзными выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденьямъ русской натуры, и по шотландски въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣта, произвелъ по комнатѣ два прыжка, прилепнувъ себя весьма ловко пяткой ноги. Потомъ въ ту же минуту приступилъ къ дѣлу: передъ шкатулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ потираетъ ихъ, выѣхавшій на слѣдствіе, неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ, и тотъ же часъ вынулъ изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ долгій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпості, написать и переписать, чтобы не платить ничего подъячимъ. Форменный порядокъ былъ ему совершенно извѣстенъ: бойко выставилъ онъ большими буквами: тысяча восемьсотъ такого-то года,

потомъ вслѣдъ за тѣмъ мелкими ^{онъ вѣдалъ} помѣщикъ такой-то, и все что слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые точно были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а можетъ быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ будто имѣла какой-то особенный характеръ, и чрезъ то, какъ будто бы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочкѣ, всѣ почти были съ ^{дѣла} придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостію въ слогъ: часто были выставлены только начальныя слова именъ и отчествъ, и потомъ двѣ точки. Реэстръ Собакевича ^{дѣла} поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностью: ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено: объ одномъ было сказано »хорошій столяръ,« къ другому приписано было »смыслить и ^{вѣрно} хмѣльнаго не беретъ.« Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать, и какого оба были поведенія; у одного только какого-то Федотова было написано »отецъ неизвѣстно кто, а родился отъ ^{дѣла} дворовой дѣвки Капитоліны, но хорошаго нрава и не воръ.« Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ будто мужики еще вчера были живы.

Смотря долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и вздохнувши произнесъ : Батюшки мои , сколько васъ здѣсь напичкано ! что вы , сердечные мои , подбывали на вѣку своемъ ? какъ перебивались ? И ^и глаза его невольно остановились на одной фамилин : это былъ извѣстный Петръ Савельевъ Неуважай-корыто , принадлежавшій когда-то помѣщицѣ Коробочкѣ . Онъ опять не утерпѣлъ , чтобъ не сказать : Эхъ какой длинный , во всю строку разѣхался ! Мастеръ ли ты былъ , или просто мужикъ , и какою смертью тебя прибрало ? въ кабакъ ли , или среди дороги переѣхалъ тебя соннаго ^{соннаго} неуклюжиаго ^{неуклюжаго} обозъ ? Коробка Степанъ , плотникъ , трезвости примѣрной . А ! вотъ онъ , Степанъ Пробка , вотъ тотъ богатырь , что въ гвардію годился бы ! Чай всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за ^{за} поясомъ и сапогами на плечахъ , сѣдалъ на грошъ хлѣба , да на два сушеной рыбы , а въ мошнѣ чай притаскивалъ всякой разъ домой . цѣлковиковъ по сту , а можетъ и ассигнаціо зашивалъ въ холстяные штаны , или затыкалъ въ сапогъ , — гдѣ тебя прибрало ? Взмостился ли ты для большаго прибытку на колокольню и поскользнувшись оттуда съ перекладины , шлепнулся о земь , и только какой нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей , почесавъ рукою въ затылкъ , примолвилъ : »Эхъ , Ваня , угораздило тебя !« а самъ подвязавшись веревкой , полѣзъ на твое мѣсто . Максимъ Телятниковъ , са-

пожникъ. Хе, сапожникъ! пьянъ какъ сапожникъ, говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу: учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неакуратность, и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ, и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой, или съ комрадомъ. А какъ кончилось твое ученье: а вотъ теперь я заведу съ своимъ домкомъ, сказалъ ты, да не такъ какъ нѣмецъ, что изъ копѣйки тянется, а вдругъ разбогатѣю. И вотъ давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты мавчонку, набравъ заказовъ кучу и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то въ три - дешева. гуашки кожи, и выигралъ точно вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣлю двѣ перелопатилъ твои сапоги, и выбрали тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ мавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать, да валяться по улицамъ, приговаривая: Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! нѣтъ житья Русскому человѣку, все нѣмцы мѣшаютъ. Это что за мужикъ: Елизавета Воробей. Фу ты пропасть: баба! она какъ сюда затесалась! Подлецъ Собакевичъ, и здѣсь надулъ! Чичиковъ былъ правъ: это была точно баба. Какъ она забралась туда неизвѣстно, но такъ искусно была приписана, что издали можно было принять ее за мужика и даже имя оканчивалось на букву ѣ, то

есть не Елизавета, а Елизаветъ. Однако же онъ это не принялъ въ уваженіе и тутъ же ее вычеркнулъ. Григорій Добзжай - педоѣдешъ! Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промышлялъ, и заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дому, отъ родной берлоги, и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку. На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ремешья твои рукавицы и тройка приземистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или можетъ и самъ лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, да ни съ того, ни съ другаго заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и помпай какъ звали. Эхъ русской народецъ! не любитъ умирать своею смертію! А вы что, мои голубчики? продолжалъ онъ, переводя глаза на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина, вы хоть и въ живыхъ еще, а что въ васъ толку! тоже что и мертвые, и гдѣ-то посятъ васъ теперь ваши быстрые поги? Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или просто по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ, да дерете проѣзжихъ? По тиорьмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и начете землю? Еремей Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антопъ Волокита — эти и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны. Поповъ дворовый человѣкъ, долженъ быть грамо-

тѣй: ножа я чай не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя безпашпортнаго поймалъ капитанъ - исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ. Чей ты? говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ при сей вѣрной оказіи кое-какое крѣпкое словцо. »Такого-то и такого-то помѣщика,« отвѣчаешь ты бойко. Зачѣмъ ты здѣсь? говоритъ капитанъ - исправникъ. »Отпущенъ на оброкъ,« отвѣчаешь ты безъ запинки. Гдѣ твой паспортъ? »У хозяина, мѣщанина Пименова.« Позвать Пименова! Ты Пименовъ? — »Я Пименовъ.« — Давалъ онъ тебѣ паспортъ свой? »Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого паспорта.« Что-жъ ты врешь? говоритъ капитанъ-исправникъ съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца. »Такъ точно, отвѣчаешь ты бойко, я не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на поддержаніе Антипу Прохорову, звонарю.« — Позвать звонаря! Давалъ онъ тебѣ паспортъ? »Нѣтъ, не получалъ я отъ него паспорта.« Что-жъ ты опять врешь! говоритъ капитанъ - исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ. Гдѣ-жъ твой паспортъ? »Онъ у меня былъ, говоришь ты проворно, да статья можетъ, видно какъ нибудь дорогой пообронилъ его.« А солдатскую шинель, говоритъ капитанъ - исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое словцо, зачѣмъ стащилъ? и у священника тоже сундукъ съ мѣд-

ными деньгами? — »Никакъ нѣтъ, говоришь ты не сдвинувшись, въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался.« А почему же шинель нашли у тебя? »Не могу знать: вѣрно кто нибудь другой принёсъ ее.« Ахъ ты, бестія, бестія! говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головою и взявшись подъ бока. А набейте ему на ноги колодки, да сведите въ тюрьму. »Извольте! я съ удовольствіемъ,« отвѣчаешь ты. И вотъ вынувши изъ кармана табакерку, ты подчиваешь дружелюбно какихъ-то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и спрашиваешь ихъ, давно ли они въ отставку и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты-себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣстъ въ судѣ производится твое дѣло. И пишетъ судъ: препроводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого-то города, а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой нибудь Весъегонскъ, и ты переѣзжаешь-себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и говоришь, осматривая новое обиталище: Нѣтъ, вотъ Весъегонская тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки такъ есть мѣсто, да и общества больше!« Абакумъ Оыровъ! ты братъ что? гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Запесло ли тебя на Волгу, и взлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ?....« Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участію Абакума Оырова, или задумался такъ самъ

собою , какъ задумывается всякой Русской , какихъ бы ни былъ лѣтъ , чина и состоянія , когда замыслить объ разгулѣ широкой жизни. И въ самомъ дѣлѣ гдѣ теперь Оыровъ ? гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани , порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ , вся веселится бурлацкая ватага , прощаясь съ любовницами и женами , высокими , стройными , въ монистахъ и лентахъ ; хороводы , пѣсни , кипитъ вся площадь , а носильщики между тѣмъ при крикахъ , браняхъ и поуканьяхъ нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину , съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда , валяютъ кули съ овсомъ и крупной , и далече виднѣются по всей площади кучи наваленыхъ въ пирамиду , какъ ядра , мѣшковъ , и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналь , пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки , и не понесется гусемъ вмѣстѣ съ веселыми льдами безконечный флотъ. Тамъ-то вы наработаетесь , бурлаки ! и дружно , какъ прежде гуляли и бѣспились , приметесь за трудъ и потъ , таща лямку подъ одну безконечную , какъ Русь , пѣсню.

— Эхе , хе ! двѣнадцать часовъ ! сказалъ наконецъ Чичиковъ , взглянувъ на часы. Чтожь я такъ закопался ? Да еще пусть бы дѣло дѣлалъ , а то ни съ того , ни съ другаго , сначала загородилъ околесину , а потомъ задумался. Экой я дуракъ въ самомъ

дѣла! Сказавши это, онъ перемѣнилъ свой шотландскій костюмъ на европейскій, стануль покрѣпить пряжкой свой полный животъ, вспрыснулъ себя одеколономъ, взялъ въ руки теплый картузь и бумаги подъ мышку, и отправился въ гражданскую палату совершать купчую. Онъ спѣшилъ не потому, что боялся опоздать, опоздать онъ не боялся, ибо предсѣдатель былъ человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить по его желанью присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и посылавшему быстрыя почты, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ, или дать имъ средство додраться, но онъ самъ въ себѣ чувствовалъ желаніе скорѣе какъ можно привести дѣла къ концу; до тѣхъ поръ ему казалось все не спокойно и не ловко; все-таки приходила мысль: что души не совѣсть настоящія, и что въ подобныхъ случаяхъ такую обузу всегда нужно поскорѣе съ плечъ. Не успѣвъ онъ выйти на улицу, размышляя обо всемъ этомъ и въ тоже время таща на плечахъ медвѣдя, крытаго коричневымъ сукномъ, какъ на самомъ поворотѣ въ переулокъ столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ, это былъ Маниловъ. Они заключили тутъ же другъ друга въ объятія, и минутъ пять оставались на улицѣ въ такомъ положеніи. Поцѣлуй съ обѣихъ

сторонъ такъ были сильны, что у обоихъ весь день почти болѣли передніе зубы. У Манилова отъ радости остались только носъ да губы на лицѣ, глаза совершенно исчезли. Съ четверть часа держалъ онъ обѣими руками руку Чичикова и нагрѣлъ ее страшно. Въ оборотахъ самыхъ тонкихъ и пріятныхъ онъ разсказалъ, какъ летѣлъ обнять Павла Ивановича; рѣчь была заключена такимъ комплиментомъ, какой развѣ только приличенъ одной дѣвицѣ, съ которой идутъ танцовать. Чичиковъ открылъ ротъ, еще не зная самъ, какъ благодарить, какъ вдругъ Маниловъ вынулъ изъ-подъ шубы бумагу, свернутую въ трубочку и связанную розовою ленточкой.

— Это что ?

— Мужички.

— А! Онъ тутъ же развернулъ ее, пробѣжалъ глазами, и подивился чистотѣ и красотѣ почерка: славно написано, сказалъ онъ, не нужно и переписывать. Еще и коемка вокругъ! кто это такъ искусно сдѣлалъ коемку?

— Ну, ужъ не спрашивайте, сказалъ Маниловъ.

— Вы ?

— Жена.

— Ахъ Боже мой! мнѣ право совѣстно, что нанесъ столько затрудненій.

— Для Павла Ивановича не существует затрудненій.

Чичиковъ поклонился съ признательностью. Узнавши, что онъ шелъ въ палату за совершеніемъ купчей, Маниловъ изъявилъ готовность ему сопутствовать. Пріятели взялись подъ руку, и пошли вмѣстѣ. При всякомъ небольшомъ возвышеніи, или горкѣ, или ступенькѣ, Маниловъ поддерживалъ Чичикова, и почти приподнималъ его рукою, присовокупляя съ пріятною улыбкою, что онъ не допуститъ никакъ Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиковъ совѣстился, не зная какъ благодарить¹, ибо чувствовалъ, что пѣсколько былъ тяжеленекъ. Во взаимныхъ услугахъ, они дошли наконецъ до площади, гдѣ находились присутственныя мѣста; большой трехъ - этажный каменный домъ весь бѣлый, какъ мѣлъ, вѣроятно для изображенія чистоты душъ номѣщавшихся въ немъ должностей; прочія зданія на площади не отвѣчали огромностію каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ - три извозицы биржи, и наконецъ длинныя заборы съ извѣстными заборными подписями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ; болѣе не находилось ничего на сей уединенной, или, какъ у насъ выражаются, красивой площади. Изъ окопъ второго и третьего этажа высывались неподкупныя головы жре-

цовъ Оемиды, и въ тужь минуту прятались опять, вѣроятно въ то время входилъ въ комнату начальникъ. Пріятели не взошли, а взбѣжали по лѣстницѣ, потому что Чичиковъ, стараясь избѣгнуть поддерживанья подъ руки со стороны Манилова, ускорялъ шагъ, а Маниловъ то-же съ своей стороны летѣлъ впередъ, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили въ темный коридоръ. Ни въ коридорахъ, ни въ комнатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотою. Тогда еще не заботились о ней; и то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Оемида просто, какова есть, въ пегинже и халатѣ принимала гостей. Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, которыми проходили наши герои, но авторъ питаетъ сильную робость ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагороженномъ видѣ съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать какъ можно скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши видѣли много бумаги и черновой и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сертуки губерискаго покроя и даже просто какую-то свѣтлосѣрую куртку, отдѣлившу-

юся весьма рѣзко, которая своротивъ голову на бокъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой нибудь протоколъ объ оттяганьи земли, или опискѣ имѣнія, захваченнаго какимъ нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей, и внуковъ подъ его покровомъ, да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: »Одолжите, Федосѣй Федосѣвичъ, дѣльцо за N 368 !« »Вы всегда куда нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы !« Иногда голосъ болѣе величавый, безъ сомнѣнія, одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно : « На, перепиши ! а не то снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ не ѣвши. « Шумъ отъ перьевъ былъ большой, и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телегъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.

Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу, гдѣ сидѣли два чиновника еще юныхъ лѣтъ, и спросили : Позвольте узнать, гдѣ здѣсь дѣла по крѣпостямъ ?

— А что вамъ нужно ? сказали оба чиновника, оборотившись.

— А мнѣ нужно подать просьбу.

— А вы что купили такое?

— Я бы хотѣлъ прежде знать, гдѣ крѣпостной столъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ?

— Да скажите прежде, что купили и въ какую цѣну, такъ мы вамъ тогда и скажемъ гдѣ, а такъ нельзя знать.

Чичиковъ тотчасъ увидѣлъ, что чиновники были просто любопытны, подобно всѣмъ молодымъ чиновникамъ, и хотѣли придать болѣе вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ.

— Послушайте, любезные, сказалъ онъ, я очень хорошо знаю, что всѣ дѣла по крѣпостямъ, въ какую бы ни было цѣну, находятся въ одномъ мѣстѣ, а потому прошу васъ показать намъ столъ, а если вы не знаете, что у васъ дѣлается, такъ мы спросимъ у другихъ. Чиновники на это ничего не отвѣчали, одинъ изъ нихъ только тыкнулъ пальцемъ въ уголъ комнаты, гдѣ сидѣлъ за столомъ какой-то старикъ, перемѣчавшій какія-то бумаги. Чичиковъ и Маниловъ прошли промежъ столами прямо къ нему. Старикъ занимался очень внимательно.

— Позвольте узнать, сказалъ Чичиковъ съ поклономъ, здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкою: здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ.

— А гдѣ же ?

— Это въ крѣпостной экспедиціи.

— А гдѣ же крѣпостная экспедиція ?

— Это у Ивана Антоновича.

— А гдѣ же Иванъ Антоновичъ ?

Старикъ тыкнулъ пальцемъ въ другой уголь комнаты. Чичиковъ и Маниловъ отправились къ Ивану Антоновичу. Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ назадъ и оглянулъ ихъ изкоса, но въ ту же минуту погрузился еще внимательнѣе въ писаніе.

— Позвольте узнать, сказалъ Чичиковъ съ поклономъ, здѣсь крѣпостной столъ ?

Иванъ Антоновичъ какъ будто бы и не слыхалъ, и углубился совершенно въ бумаги, не отвѣчая ничего. Видно было вдругъ, что это былъ уже человекъ благоразумныхъ лѣтъ, не то что молодой болтуни и вертоплясъ. Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала у него впередъ, и пошла въ носъ, словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ общежитіи кувшиннымъ рымомъ.

— Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція ? сказалъ Чичиковъ.

— Здѣсь! сказалъ Иванъ Антоновичъ, повернулъ свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

— А у меня дѣло вотъ какое: куплены мною у разныхъ владѣльцевъ здѣшняго уѣзда крестьяне на выводъ: купчая есть, остается совершить.

— А продавцы на лицо?

— Нѣкоторые здѣсь, а отъ другихъ довѣренность.

— А просьбу принесли?

— Принесъ и просьбу. Я бы хотѣлъ, мнѣ нужно поторопиться.... такъ нельзя ли, на примѣръ, кончить дѣло сегодня?

— Да, сегодня! сегодня нельзя, сказалъ Иванъ Антоновичъ. Нужно навести еще справки, итъ ли еще запрещеній.

— Впрочемъ что до того, чтобъ ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, председатель, мнѣ большой другъ....

— Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ; бываютъ и другіе! сказалъ сурово Иванъ Антоновичъ.

Чичиковъ понялъ закавыку, которую завернулъ Иванъ Антоновичъ, и сказалъ: другіе тоже не будутъ въ обидѣ, я самъ служилъ, дѣло знаю....

— Идите къ Ивану Григорьевичу, сказалъ Иванъ Антоновичъ, голосомъ нѣсколько поласковѣе, пусть онъ дастъ приказъ кому слѣдуетъ, а за нами дѣло не постоитъ.

Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ, и накрылъ тотчасъ ее книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать.

— Вотъ, онъ васъ проведетъ въ присутствіе! сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ тутъ же находившихся, приносившій съ такимъ усердіемъ жертвы Оемидъ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, получившій за ту службу въ свое время коллежскаго регистратора, прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту, и провелъ ихъ въ комнату присутствія, гдѣ стояли однѣ только широкія кресла, и въ нихъ передъ столомъ за зеркаломъ и двумя толстыми книгами сидѣлъ одинъ, какъ солнце, предсѣдатель. Въ этомъ мѣстѣ новый Виргилій почувствовалъ такое благоговѣніе, что никакъ не осмѣлился зайти туда погу и поворотилъ назадъ, показавъ свою спину, вытертую какъ рогожка, съ прилипнув-

шимъ гдѣ-то куринымъ перомъ. Вошедши въ залу присутствія, они увидѣли, что предсѣдатель былъ не одинъ,—подлѣ него сидѣлъ Собакевичъ, совершенно заслоненный зеркаломъ. Приходъ гостей произвелъ восклицаніе, правительственныя кресла были отодвинуты съ шумомъ. Собакевичъ тоже привсталъ со стула и сталъ видѣнъ со всѣхъ сторонъ съ длинными своими рукавами. Предсѣдатель принялъ Чичикова въ объятія, и комната присутствія огласилась поцѣлуями; спросили другъ друга о здоровьѣ; оказалось, что у обоихъ побаливаетъ поясница, что тутъ же было отнесено къ сидячей жизни. Предсѣдатель, казалось, уже былъ увѣдомленъ Собакевичемъ о покупкѣ, потому что принялся поздравлять, что сначала нѣсколько смѣшало нашего героя, особливо когда онъ увидѣлъ, что и Собакевичъ, и Маниловъ, оба продавцы, съ которыми дѣло было улажено келейно, теперь стояли вмѣстѣ лицомъ другъ къ другу. Однако-же онъ поблагодарилъ предсѣдателя и обратившись тутъ же къ Собакевичу, спросилъ:

— А ваше какъ здоровье?

Слава Богу: не пожалуюсь, сказалъ Собакевичъ. И точно не на что было жаловаться: скорѣе жельзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформованный помѣщикъ.

— Да, вы всегда славились здоровьем, сказалъ председатель, а ны покойный вашъ батюшка былъ также крѣпкій человекъ.

— Да, на медвѣдя одинъ хаживалъ, отвѣчалъ Собакевичъ.

— Мнѣ кажется однакожь, сказалъ председатель, вы бы тоже поваили медвѣдя, если бы захотѣли выдти противъ него.

— Пѣть, не поваило, отвѣчалъ Собакевичъ, покойникъ былъ с меня покрѣпче, и вздохнувши продолжалъ пѣть, теперь не тѣ люди; вотъ хоть и моя жизнь, что за жизнь? такъ какъ — то себѣ....

— Чѣмъ же ваша жизнь не красна? сказалъ председатель.

— Не хорошо, не хорошо! сказалъ Собакевичъ, покачавъ головою. Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ: пятый десятокъ живу, ни разу не былъ болей, хотъ бы горло заболѣло, вередъ, или чирей выскочилъ.... Нѣтъ, не къ добру! когда нибудь придется поплатиться за это. Тутъ Собакевичъ погрузился въ меланхолю.

— Экъ его! подумали въ одно время и Чичиковъ и председатель, на что вздумалъ пенять!

— Къ вамъ у меня есть письмецо, сказалъ Чичиковъ, вынувъ изъ кармана письмо Плюшкина.

— Отъ кого? сказалъ председатель, и распечатавши, воскликнулъ: А! отъ Плюшкина. Онъ еще до сихъ поръ прозябаетъ на свѣтъ. Вотъ судьба, вѣдь какой былъ умѣйшій; богатѣйшій человекъ! а теперь....

— Собака, сказалъ Собакевичъ, мошенникъ, всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Извольте, извольте, сказалъ председатель, прочитавъ письмо, я готовъ быть повѣреннымъ. Когда вы хотите совершить купчую, теперь, или послѣ?

— Теперь, сказалъ Чичиковъ, я буду просить даже васъ, если можно, сегодня; потому что мнѣ завтра хотѣлось бы выѣхать изъ города: я принесъ и крѣпости и просьбу.

— Все это хорошо, только ужъ какъ хотите, мы васъ не выпустимъ такъ рано. Крѣпости будутъ совершены сегодня, а вы все-таки съ нами поживите. Вотъ я сейчасъ отдамъ приказъ, сказалъ онъ, и отворилъ дверь въ канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивымъ пчеламъ, разсыпавшимся по сотамъ, если только соты можно упо-

добить канцелярскимъ дѣламъ : — Иванъ Антоновичъ здѣсь ?

— Здѣсь ! отозвался голосъ извнутри.

— Позовите его сюда !

Уже извѣстный читателямъ Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, показался въ залѣ присутствія и почтительно поклонился.

— Вотъ возьмите, Иванъ Антоновичъ, всѣ эти крѣпости ихъ....

— Да не позабудьте, Иванъ Григорьевичъ, подхватилъ Собакевичъ, нужно будетъ свидѣтелей, хотя по два съ каждой стороны. Пошлите теперь же къ прокурору, онъ человекъ праздный и вѣрно сидитъ дома,— за него все дѣлаетъ стряпчій Золотуха, первѣйшій хапуга въ мірѣ. Инспекторъ Врачебной Управы, онъ также человекъ праздный и вѣрно дома, если не потѣхалъ куда нибудь играть въ карты, да еще тутъ много есть кто поближе, Трухачевскій, Бѣгушкинъ, они всѣ даромъ бременять землю !

— Именно, именно ! сказалъ предсѣдатель, и тотъ же часъ отрядилъ за ними всѣми канцелярскаго.

— Еще я попрошу васъ, сказалъ Чичиковъ, пошлите за повѣренными одной помѣщицы, съ ко-

торой я тоже совершилъ сдѣлку, сыномъ протопопа отца Кирила; онъ служить у васъ же.

— Какъ же, пошлемъ и за нимъ! сказалъ председатель — все будетъ сдѣлано; а чиновнымъ вышнему не давайте ничего, объ этомъ я васъ прошу. Пріятели мои не должны платить. Сказавши это, онъ тутъ же далъ какое-то приказанье Ивану Антоновичу, какъ видно ему не поправившееся. Крѣпости произвели, кажется, хорошее дѣйствіе на председателя, особливо когда онъ увидѣлъ, что всѣхъ покупокъ было почти на сто тысячъ рублей. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ въ глаза Чичикову съ выраженіемъ большаго удовольствія и наконецъ сказалъ: Такъ вотъ какъ! Этакимъ-то образомъ, Павелъ Ивановичъ! такъ вотъ вы приобрѣли.

— Приобрѣлъ, отвѣчалъ Чичиковъ.

— Благое дѣло, право, благое дѣло!

— Да я вижу самъ, что болѣе благаго дѣла не могъ бы предпринять. Какъ бы то ни было, цѣль человека все еще не опредѣлена, если онъ не сталъ наконецъ твердой стопою на прочное основаніе, а не на какую нибудь вольнодумную химеру юности. Тутъ онъ весьма кстати выбралъ за либерализмъ, и по дѣломъ, всѣхъ молодыхъ людей.

Но замѣчательно, что въ словахъ его была все какая-то неопредѣленность, какъ будто бы тутъ же сказалъ онъ самъ себѣ: Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно! Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова, изъ боязни встрѣтить что нибудь на ихъ лицахъ. Но напрасно боялся онъ: лицо Собакевича не сморщилось, а Маниловъ, обвороженный фразою, отъ удовольствія только потряхивалъ одобрительно головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещеголяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, какая не въ мочѣ и птичьему горлу.

— Да что жь вы не скажете Ивану Григорьевичу, отозвался Собакевичъ, что такое именно вы приобрѣли; а вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое приобретеніе они сдѣлали? Въдь какой народъ! просто золото. Въдь я имъ продалъ и каретника Михѣева.

— Нѣтъ, будто и Михѣева продали? сказалъ предсѣдатель. Я знаю каретника Михѣева: славный мастеръ; онъ мнѣ дрожки передѣлалъ. Только позвольте, какъ же.... Въдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ....

— Кто, Михѣевъ умеръ? сказалъ Собакевичъ, ни чуть не смѣшавшись. Это его братъ умеръ;

а онъ преживехонькой и сталъ здоровье прежняго. На дняхъ такую брчку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по настоящему, только на одного Государя и работать.

— Да, Михѣевъ славный мастеръ, сказалъ председатель, и я дивлюсь даже, какъ вы могли съ нимъ разстаться.

— Да будто одинъ Михѣевъ! А Пробка Степанъ плотникъ, Милушкинъ кирпичникъ, Телятниковъ Максимъ сапожникъ, вѣдь всѣ пощли, всѣхъ продалъ. А когда председатель спросилъ, за чѣмъ же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ, махнувши рукой: А! такъ просто щаша дурь: дай, говорю, продамъ, да и продалъ сдуру! За симъ онъ повѣсилъ голову, такъ какъ будто самъ раскаявался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ: Вотъ и съдой чelовѣкъ, а до сихъ поръ не набрался ума.

— Но позвольте, Павелъ Ивановичъ, сказалъ председатель, какъ же вы покупаете крестьянъ, безъ земли? развѣ на выводъ?

— На выводъ.

— Ну, на выводъ другое дѣло. А въ какія мѣста?

— Въ мѣста.... въ Херсонскую губернію.

— О, тамъ отличныя земли! сказалъ предсѣдатель, и отозвался съ большою похвалою на счетъ рослости тамошнихъ травъ.

— А земли въ достаточномъ количествѣ?

— Въ достаточномъ, столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ.

— Рѣка, или прудъ?

— Рѣка. Впрочемъ и прудъ есть. Сказавъ это, Чичиковъ взглянулъ ненарокомъ на Собакевича, и хотя Собакевичъ былъ по прежнему неподвиженъ, но ему казалось, будто бы было написано на лицѣ его: Ой врешь ты! врядъ ли есть рѣка и прудъ, да и вся земля!

Пока продолжались разговоры, начали мало по малу появляться свидѣтели: знакомый читателю Прокуроръ моргуиъ, Инспекторъ Врачебной Управы, Трухачевскій, Бѣгушкинъ и прочіе, по словамъ Собакевича, даромъ бременящіе землю. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ незнакомы Чичикову: недостававшіе и лишніе набраны были тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ. Привели также не только сына протопопа отца Кирила, но даже и самого протопопа. Каждый изъ свидѣтелей помѣстилъ себя со всѣми своими достоинствами и чинами, кто обратнымъ шрифтомъ, кто косяками,

кто просто чует не сверху ногами, помѣщая такія буквы, какихъ даже и не свидано было въ Русскомъ алфавитѣ. Известный Ивацъ Антоновичъ управился весьма проворно, крѣпости были записаны, помѣчены, занесены въ книгу и куда слѣдуетъ, съ принятіемъ полупроцентovýchъ и за припечатку въ Ведомостяхъ, и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, отнесена была на счетъ какого-то другаго просителя.

— И такъ, сказалъ предсѣдатель, когда все было кончено, остается теперь только всприснуть *мажакант* покупочку.

— Я готовъ, сказалъ Чичиковъ. Отъ васъ зависитъ только назначить время. Былъ бы грѣхъ съ моей стороны, если бы для эдакаго пріятнаго общества да не раскупорить другую-третью бутылочку шипучаго.

— Нѣтъ, вы не такъ приняли дѣло шипучаго мы сами поставимъ, сказалъ предсѣдатель, это наша обязанность, нашъ долгъ. Вы у насъ гость: намъ должно угощать. Знаете ли что, господа! Покаместъ что, а мы вотъ какъ едѣлаемъ: отправимтесь-ка всѣ, такъ какъ есть, къ полицей-

мейстеру; онъ у насъ чудный чело^векъ: ему сто^итъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда, или погреб^а, такъ мы, знаете ли, какъ закусимъ! да при этой о^казіи и въ вистіишку.

Отъ такого предложенія никто не могъ отка^заться. Свидѣтели, уже при одномъ наименованіи рыбнаго ряда, почувствовали ^{покачали} а^ппетитъ; ^{ажено} взяли всѣ тотъ же часъ за картузы и шапки, и ^{ажено} присутствіе кончилось. Когда проходили они канцелярію, Иванъ Антоновичъ кувшинное, рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку Чичикову:

— Крестьянъ ^{тѣмъ} накупили на сто тысячъ, а за ^{тѣмъ} труды дали только одну бѣлинькую.

— Да вѣдь какіе крестьяне, отвѣчалъ ему на это тоже шопотомъ Чичиковъ — препустой и пре^впичтожный народъ, и половины не сто^итъ. Иванъ Антоновичъ понялъ, что по^сѣтитель былъ характера твердаго и больше не дастъ.

— А почемъ купили душу у Плюшкина? шеп^тнулъ ему на другое ухо Собакевичъ.

— А Воробья за чѣмъ приписали? сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ.

— Какого Воробья? сказалъ Собакевичъ.

— Да бабу, Елисавету Воробья, еще и букву
а поставили на концы.

— Нѣтъ, никакого Воробья я не приписы-
валъ, сказалъ Собакевичъ и отошелъ къ другимъ
гостямъ.

Гости добрались наконецъ ^{ручница} гурьбой къ дому
полицеймейстера. Полицеймейстеръ точно былъ чуж-
дый человѣкъ: какъ только услышалъ онъ въ чемъ
дѣлю, въ ту-жъ минуту кликнулъ квартальнаго,
бойкаго малаго въ лакированныхъ ботфортахъ, и
кажется всего два слова шепнулъ ему на ухо,
да прибавилъ только: понимаешь! а ужъ тамъ въ
другой комнатѣ, въ продолженіи того времени,
какъ гости ^{relaxivat} рѣзались въ вистъ, появилась на сто-
лѣ ^{north} бѣлуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свѣ-
жепросоленная, селедки, севрюшки, сыры, копченые
языки и балыки, это все было со стороны рыб-
наго ряда. Потомъ появились прибавленія съ хо-
зяйской стороны, ^{mollet} издѣлія кухни: пирогъ съ голо-
визною, куда вошли хрящъ и щеки 9 ти-пудоваго
осетра, другой пирогъ съ груздями, пряженцы, ма-
слянцы, взваренцы. Полицеймейстеръ былъ нѣко-
торымъ образомъ отецъ и благотворитель въ го-
родѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно какъ
въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостинный дворъ
^{покупал} навѣдывался, какъ въ собственную ^{витан} кладовую. Во-

Борог

Даже всѣ ^{Kaufmannsleute} сидѣльцы, обыкновенно въ это время снявши шапки, съ удовольствіемъ поглядывали другъ на друга и какъ будто бы хотѣли сказать: «Алексѣй Ивановичъ, хорошій человѣкъ!» Словомъ, онъ успѣлъ приобрести совершенную ^{можно} народность и мнѣніе купцовъ было такое, что Алексѣй Ивановичъ хоть оно и возьметъ, но зато ужь никакъ тебя не выдастъ. Замѣтивъ, что закуска была готова, полицеймейстеръ предложилъ гостямъ окончить вистъ послѣ завтрака, и всѣ пошли въ ту комнату, откуда несшійся запахъ давно начиналъ пріятнымъ образомъ ^{enthüllen} щекотать поздри гостей, и куда уже Собакевичъ давно заглядывалъ въ дверь, намѣтивъ издали осетра, лежавшаго въ сторонѣ на большомъ ^{Landesman} блюдѣ. Гости, выпивши по рюмкѣ водки темнаго, оливковаго цвѣта, какой бываетъ только на Сибирскихъ ^{Kunstabrille} прозрачныхъ камняхъ, изъ которыхъ рѣжутъ на Руси печати, приступили со всѣхъ сторонъ съ вилками къ столу, и стали ^{arbeiten} обнаруживать; какъ говорится, каждый свой характеръ и склонности, ^{Lebens} налегая, кто на икру, кто на семгу, кто на сыръ. Собакевичъ, оставивъ безъ всякаго вниманія всѣ эти мѣлочн, ^{Lebens} пристроился къ осетру, и покамѣстъ тѣ пили, разговаривая и ѣли, онъ въ четверть часа съ небольшимъ

добдалъ его всего, такъ что когда полицеймейстеръ вспомнилъ было и о немъ и сказавши: «а, каково вамъ, господа, покажется, вотъ это произведе^{ннѣе} природы?» подошелъ было къ нему съ вилкою вмѣстѣ съ другими, то увидѣлъ, что отъ произведенья природы оставался всего одинъ хвостъ; а Собакевичъ прищипился такъ, какъ будто и не онъ, и подошедши къ тарелкѣ, которая была по^{дальше} прочихъ, тыкалъ вилкою въ какую-то сушеную, маленькую рыбку... Отдѣлавши осетра, Собакевичъ сѣлъ въ кресла и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только жмүрилъ и хлопалъ глазами. Полицеймейстеръ, кажется, не любилъ жалѣть вина: то^{гда} стамъ не было числа. Первый то^{стъ} былъ выпить, какъ читатели можетъ быть и сами догадуются, за здоровье поваго Херсонскаго помѣщи^{ка}ка, потомъ за благоденствіе крестьянъ его и счастливое ихъ переселеніе, потомъ за здоровье будущей жены его красавицы, что сорвало пріятную улыбку съ устъ нашего героя. Приступили къ нему со всѣхъ сторонъ и стали упрашивать убѣдительно остаться хоть на двѣ недѣли въ городѣ: «Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! какъ вы себѣ хотите, это вы ходите избу только выхолаживать: на поро^{гъ}гъ да и назадъ! нѣтъ, вы проведите время съ нами! Вотъ мы васъ женимъ: не правда ли, Иванъ Григорьевичъ, женимъ его?»

— Женимъ, женимъ! подхватилъ председатель! Ужъ какъ ни упирайтесь руками и ногами, мы васъ женимъ! Нѣтъ, батюшка, понами сюда, такъ не жалуйтесь. Мы шутить не любимъ.

— Что-жь? зачѣмъ упираться руками и ногами, сказалъ усмѣхнувшись Чичиковъ: женитьба еще не такая вещь, чтобы того, быма бы ^{мужика} певѣста.

— Будеть и невѣста, какъ не быть, все будеть, все, что хотите!....

— А коли будетъ...

Браво, остается! закричали; всѣ, вивать, ура, Павелъ Ивановичъ! ура! И всѣ подошли къ нему чокаться, съ бокалами въ рукахъ. Чичиковъ перечекался со всѣми. Нѣтъ, нѣтъ, еще! говорили тѣ, которые были позадорнѣе, и вновь перечекались; потомъ полѣзли въ третій разъ чокаться, перечекались и въ третій разъ. Въ непродолжительное время всѣмъ сдѣлалось весело, необыкновенно. Предсѣдатель, который былъ премилый человекъ, когда развеселялся, обнималъ и нѣсколько разъ Чичикова, произнесъ въ изліяніи сердечномъ: »Душа ты моя! маменька моя!« и даже щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: Ахъ ты такой и эдакой комаринскій мужикъ! Послѣ шампанскаго раскупо-

рили венгерское, которое придало еще болѣе духу и развеселило общество. Объ вистъ рѣшительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всемъ, объ политикѣ, объ военномъ даже дѣлѣ, излагали вольныя мысли; за которыя въ другое время сами бы высѣкли своихъ дѣтей. Рѣшили тутъ же множество самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Чичиковъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ веселомъ расположеніи, воображалъ себя уже настоящимъ Херсонскимъ помѣщикомъ, говорилъ объ разныхъ ^{улучшеніяхъ} ^{парантис} о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастьи и блаженствѣ ^{an. Immediata} двухъ душъ, и сталъ читать Собакевичу посланіе въ стихахъ Вертера къ Шарлотѣ, на которое тотъ хлопалъ только глазами, сидя въ креслахъ, ибо послѣ осетра чувствовалъ большой позывъ ко сну. Чичиковъ смекнулъ и самъ, что началъ уже слишкомъ развязываться, попросилъ экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одной только рукой, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина. Такимъ образомъ уже на прокурорскихъ дрожкахъ добѣжалъ онъ къ себѣ въ гостиницу, гдѣ долго еще у него вертѣлся на языкѣ всякой вздоръ: блокурая певѣста съ румянцемъ и ямочкой на правой щекѣ, Херсонскія деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какія

хозяйственныя приказанія собрать всѣхъ вновь переселившихся мужиковъ, чтобы сдѣлать всѣмъ лично поголовную перекличку. Селифанъ молча слушалъ очень долго, и потомъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Петрушкѣ: ступай раздѣвать барина! Петрушка принялся снимать съ него сапоги, ии чуть не стащилъ вмѣстѣ съ ними на полъ и самого барина. Но наконецъ сапоги были сняты, баринъ раздѣлся, какъ слѣдуетъ, и поворочавшись нѣсколько времени на постелѣ, на которой скрипѣла немилосердно, заснулъ грѣшительно. Херсонскимъ помѣщикомъ. А Петрушка между тѣмъ вынесъ на коридоръ панталоны и фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой, который растопыривши на деревянную вѣшалку, началъ бить хлыстомъ и щеткой, напустивши пыли на весь коридоръ. Готовясь уже снять ихъ, онъ взглянулъ съ галереи внизъ, и увидѣлъ Селифана, возвращавшагося изъ конюшни. Они встрѣтились взглядами, и чутьемъ поняли другъ друга, баринъ де завалился спать, можно и заглянуть кое-куда. Тотъ же часъ отнесши въ комнату фракъ и панталоны, Петрушка сошелъ внизъ и оба пошли вмѣстѣ, не говоря другъ другу ничего о цѣли путешествія, и балагурия дорогою совершенно о постороннемъ. Прогулку сдѣлали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, къ дому, бывшему насупротивъ го-

стиницы, и вошли въ низенькую, стеклянную, за-
 коптившуюся дверь, приводившую почти въ под-
 валь, гдѣ уже сидѣло за деревянными столами мно-
 го всякихъ : и брившихъ и небрившихъ бороды, и
 въ нагольныхъ тулупахъ, и просто въ рубахъ, а
 кое-кто и во фризовой шинели. Что дѣлали тамъ
 Петрушка съ Селифаномъ, Богъ ихъ вѣдаетъ, но
 вышли они оттуда черезъ часъ, взявшись за руки,
 сохраняя совершенное молчаніе, оказывая другъ дру-
 гу большое вниманіе, и предостерегая взаимно отъ
 всякихъ угловъ. Рука въ руку, не выпуская другъ
 друга, они цѣлая четверть часа взбирались на лѣст-
 ницу, наконецъ одолѣли ее, и взошли. Петрушка
 остановился съ минутою передъ низенькою своею
 кроватью, придумывая какъ бы лечь приличнѣе, и
 легъ совершенно поперекъ, такъ что ноги его упи-
 рались въ полъ. Селифанъ легъ и самъ на той же
 кровати, помѣстивъ голову у Петрушки на брюхѣ
 и позабывъ о томъ, что ему слѣдовало спать вовсе
 не здѣсь, а, можетъ быть, въ людской, если не въ
 конюшнѣ близъ лошадей. Оба заснули въ ту же ми-
 нуту, поднявши храпъ неслыханной густоты, на
 который баринъ изъ другой комнаты отвѣчалъ
 тонкимъ, псовымъ свистомъ. Скоро вслѣдъ за ни-
 ми все угомонилось, и гостинница объялась непро-
 буднымъ сномъ; только въ одномъ оконечкѣ ви-
 дѣнъ еще былъ свѣтъ, гдѣ жилъ какой-то прі-

ѣхавшій изъ Рязани поручикъ, большой повидимому охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже четыре пары и безпрестанно примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги точно были хорошо сшиты, и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачанный каблукъ.

ГЛАВА VIII.

THE HISTORY OF

Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводѣ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета. »Конечно, говорили иные, это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ точно хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой.« »Это бы еще ничего, что нѣтъ воды, это бы ничего, Степапъ Дмитріевичъ, но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ: на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него

нѣтъ — ни избы, ни двора, убѣжить какъ дважды два, наострить такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь.» »Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжить. Русской чело-вѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всяко-му климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ рука-ми, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ но-вую избу.» »Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, ка-ковъ мужикъ у Чичикова? Позабылъ то, что вѣдь хорошаго чело-вѣка не продасть помѣщикъ; я го-товъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздно-шатайка, и буйнаго поведенія.» »Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы, но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они те-перь негодянъ, а переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужь было не мало такихъ примѣровъ: просто въ міръ, да и по исторіи тоже.» »Никогда, никогда, говорилъ управляющій казенными фабриками, по-вѣрьте, никогда это не можетъ быть. Ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага: первый врагъ есть близость губерній Мало-

россійскихъ , гдѣ , какъ извѣстно , свободная продажа вина. Я васъ увѣряю : въ двѣ педѣли они изопыются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтается крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ , чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова и чтобъ онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ , гонялъ бы ихъ за всякой вздоръ , да и не то чтобы , полагаясь на другаго , а чтобы самъ-таки лично , гдѣ слѣдуетъ , далъ бы и зуботычину и подзатыльника.» »За чѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники , онъ можетъ найти и управителя.» »Да , найдете управителя : всѣ мошенники !« »Мошенники потому , что господа не занимаются дѣломъ.» »Это правда ! подхватили многіе. Знай господинъ самъ , хотя сколько нибудь толку въ хозяйствѣ , да умѣй различать людей : у него будетъ всегда хорошій управитель. Но управляющій сказалъ , что меньше , какъ за 5,000 , нельзя найти хорошаго управителя. Но председатель сказалъ , что можно и за 3,000 сыскать. Но управляющій сказалъ : гдѣ же вы его сыщете ? развѣ у себя въ носу ? Но председатель сказалъ : нѣтъ не въ носу , а въ здѣшнемъ же уѣздѣ , именно : Петръ Петровичъ Самойловъ : вотъ управитель , какой нужень для мужиковъ Чичикова !« Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова , и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ

чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицмейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что въ отвращеніе его существуетъ власть капитана - исправника, что капитанъ - исправникъ хоть самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузь свой, то одинъ этотъ картузь погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія на счетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обурававшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезъ-чуръ отзывались военною жестокостію и строгостію, едва ли не излишнею; были однако же и такія, которыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцемъ, по его выраженію; ввести даже благотѣльное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отзывался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побѣждаемые участіемъ, сообщили даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденія крестьянъ до мѣста жительства.

За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отменно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.

IV
 Всѣ эти толки и разсужденія произвели однакожь самыя ^{наивнѣйшія} ^{легкомысленнѣйшія} благопріятныя слѣдствія, какихъ только могъ ожидать Чичиковъ. Именно, пронесли ^{слухи} слухи, что онъ ни болѣе, ни менѣе какъ милліонщикъ. Жители города и безъ того, какъ уже мы видѣли въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь послѣ такихъ слуховъ полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они все были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно попріятельски и безъ ^{непріятности} ^{непріязни} ихъ носили печать какого-то особеннаго простодушія и ^{честности} кротости: «любезный другъ Ильѣ Ильичъ! послушай братъ, Антипаторъ Захарьевичъ! Ты заврался, мамочка, Иванъ Григорьевичъ. Къ почтмейстеру, котораго звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли: шпрыхень зи дейчь, Иванъ Андрейчъ? словомъ, все было очень семейственно. Многіе были не безъ ^{интереса} образованія: предсѣдатель палаты зналъ наизусть Людмилу Жуков-

скаго, которая еще была тогда непростывшею новостію, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно: ^{звѣта} »боръ заснулъ; ^{домна} долина спитъ« и слово: »чу!« такъ что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ будто долина спитъ; для бѣльшаго сходства онъ даже въ это время ^{мелко} зажимуривалъ глаза. Почтмейстеръ вдавался болѣе въ философію и читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ, Юнговы Ночи и Ключъ къ тайнствамъ природы Эккартсгаузена, изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки, но какого рода онъ были, это никому не было извѣстно; впрочемъ онъ былъ острякъ, цвѣтистъ въ словахъ и любилъ, какъ самъ выражался, уснастить рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ - то: »судыръ ты мой, эдакой какой нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ,« и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; уснащивалъ онъ рѣчь тоже довольно удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что все придавало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ. Прочіе тоже были, болѣе или менѣе, люди просвѣщенные: кто читалъ Карамзина, кто Московскія Вѣдомости, кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то, что называютъ тюрюкъ, то есть челоуѣкъ, котораго нужно было подымать пинкомъ на что нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говоритъ

ся, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать: не встанетъ ни въ какомъ случаѣ. На счетъ благовидности уже извѣстно, всѣ они были люди надежные, чохоточнаго между ними никого не было. Всѣ были такого рода, которымъ жены въ нѣжныхъ разговорахъ, происходящихъ въ уединеніи, давали названія: кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но вообще они были народъ добрый, полны гостепріимства, и человекъ, ^{нѣтъ} вкусившій съ ними хлѣбасоли, или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ-то близкимъ, тѣмъ болѣе Чичиковъ съ своими обворожительными ^{личными} качествами и ^{нѣтъ} приемами, ^{даже} знавшій въ самомъ дѣлѣ великую тайну нравиться. Они такъ полюбили его, что онъ не видѣлъ ^{нѣтъ} средствъ, какъ вырваться изъ города; только и слышалъ онъ: ну, недѣлку, еще одну недѣлку поживите съ нами, Павелъ Ивановичъ! словомъ, онъ былъ носимъ, какъ говорится, на рукахъ. Но несравненно замѣчательнѣе было впечатлѣніе (совершенный предметъ изумленія!), которое произвелъ Чичиковъ на дамъ. Чтобъ это сколько ^{нѣтъ} ни-будь изъяснить, слѣдовало бы сказать многое о самихъ дамахъ, объ ихъ обществѣ, описать, какъ говорится, ^{живыми} живыми красками ихъ душевныя качества; но для автора это очень трудно. Съ одной стороны останавливаетъ его неограниченное почитеніе къ супругамъ саоновниковъ, а съ другой

стороны съ другой стороны просто трудно. Дамы города N. были нѣтъ, никакимъ образомъ не могу: чувствуется точно робость. Въ дамахъ города N. больше всего замѣчательно было то.... Даже странно, совсѣмъ не подымается перо, точно будто свинецъ какой нибудь сидитъ въ немъ. Такъ и быть: о характерахъ ихъ видно нужно предоставить сказать тому, у котораго поживѣе краски и побольше ихъ на палитрѣ, а намъ придется развѣ слова два о наружности, да о томъ, что поповерхностнѣй. Дамы города N. были то, что называютъ, презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что до того, какъ вести себя, соблюсти тоиъ., поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а особенно наблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ Петербургскихъ и Московскихъ. Одевались онѣ съ большимъ вкусомъ, развѣзжали по городу въ коляскахъ, какъ предписывала послѣдняя мода, сзади покачивался лакей и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ, или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манки-

ровала контр - визитомъ. И ужь какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ, оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтъ; одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались во взаимномъ нерасположеніи, по выраженію городского свѣта. На счетъ занятія первыхъ мѣстъ, происходило то же множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія великодушныя понятія о заступничествѣ. Дуэли конечно между ними не происходило, потому что всѣ были гражданскіе чиновники, но за то одинъ другому старался напакостить, гдѣ было можно, что, какъ извѣстно, подъ часъ бываетъ тяжелѣе всякой дуэли. Въ нравахъ дамы города N. были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ними происходило какое нибудь то, что называютъ *другое-третье*, то оно происходило втайнѣ, такъ, что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ *другое-третье*, или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла. Еще нужно сказать, что дамы города N. отличались, подобно

многимъ дамамъ Петербургскимъ , необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ : я высморкалась, я вспотѣла , я плюнула , а говорили : я облегчила себѣ носъ , я обошлась посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать : этотъ стаканъ , или эта тарелка воняетъ. И даже нельзя было сказать ничего такого , что бы подавало намекъ на это , а говорили вмѣсто того : этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя , или что нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить Русскій языкъ , половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора , и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ Французскому языку , за то ужъ тамъ , по-французски , другое дѣло , тамъ позволялись такія слова , которыя были гораздо жесточе упомянутыхъ. И такъ вотъ что можно сказать о дамахъ города N. , говоря по-поверхностный. Но если заглянуть поглубже , то конечно откроется много иныхъ вещей ; но весьма опасно заглядывать поглубже въ дамскія сердца. И такъ , ограничась поверхностію , будемъ продолжать. До сихъ поръ всѣ дамы какъ-то мало говорили о Чичиковѣ , отдавая впрочемъ ему полную справедливость въ пріятности свѣтскаго обращенія : но съ тѣхъ поръ какъ пронеслись слухи объ его миліонствѣ , отыскались и другія качества. Впрочемъ дамы были вовсе не интересанки ; виною

всему слово : миллионщикъ , не самъ миллионщикъ ,
 а именно одно слово ; ибо въ одномъ звукѣ этого
 слова , мимо всякаго денежнаго мѣшка , заключается
 что - то такое , которое дѣйствуетъ и на людей
 подлецовъ , и на людей ни то , ни се , и на людей
 хорошихъ , словомъ на всѣхъ дѣйствуетъ . Милли-
 онщикъ имѣетъ ту выгоду , что можетъ видѣть
 подлость , совершенно безкорыстную , чистую под-
 лость , не основанную ни на какихъ расчетахъ :
 многіе очень хорошо знаютъ , что ничего не полу-
 чать отъ него и не имѣютъ никакого права по-
 лучить , но непременно хотъ забѣгутъ ему впе-
 редъ , хотъ засмѣются , хотъ снимутъ шляпу ,
 хотъ попросятъ насильно на тотъ обѣдъ , куда
 узнѣаютъ , что приглашенъ миллионщикъ . Нельзя
 сказать , чтобы это нѣжное расположеніе къ под-
 лости было почувствовано дамами ; однако же въ
 многихъ гостиныхъ стали говорить , что конечно
 Чичиковъ не первый красавецъ , но за то таковъ ,
 какъ слѣдуетъ быть мушину , что будь онъ не-
 много толще , или полнѣе , ужъ это было бы не хо-
 рошо . При этомъ было сказано какъ-то даже нѣ-
 сколько обидно на счетъ тоненькаго мушины , что
 онъ больше ничего какъ что - то въ родъ зубо-
 чистки , а не человека . Въ дамскихъ нарядахъ ока-
 залось многія разныя прибавленія . Въ гостининомъ
 дворѣ сдѣлалась толкотня , чуть не давка ; образо-
 валось даже гулянье : до такой степени наѣхало

экипажей. Купцы изумились, увидя, какъ нѣсколь-
ко кусковъ матерій, привезенныхъ ими съ ярмар-
ки, и не сходившихъ съ рукъ по причинѣ цѣны,
показавшейся высокою, пошли вдругъ въ ходъ, и
были раскуплены на расхватъ. Во время обѣдни у
одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое ру-
ло, которое растопырило его на пол-церкви, такъ
что частный приставъ, находившійся тутъ же,
далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то
есть поближе къ паперти, чтобъ какъ нибудь не
измялся туалетъ ея высокоблагородія. Самъ да-
же Чичиковъ не могъ отчасти не замѣтить та-
кого необыкновеннаго вниманія. Одинъ разъ, воз-
вратясь къ себѣ домой, онъ нашелъ на столѣ у
себя письмо: откуда и кто принесъ его, ничего
нельзя было узнать; трактирный слуга отозвал-
ся, что принесли де, и не велѣли сказывать отъ
кого. Письмо начиналось очень рѣшительно, имен-
но такъ: Нѣтъ, я должна къ тебѣ писать! По-
томъ говорено было о томъ, что есть тайное со-
чувствіе между душами; эта истина скрѣплена бы-
ла нѣсколькими точками, занявшими почти полстро-
ки; потомъ слѣдовало нѣсколько мыслей, весьма
замѣчательныхъ по своей справедливости, такъ что
считаемъ почти необходимымъ ихъ выписать: Что
жизнь наша? Долнина, гдѣ поселились горести. Что
свѣтъ? Толпа людей, которая не чувствуетъ. За-
тѣмъ писавшая упоминала, что омочаетъ слезами

строки нѣжной матери, которая, протекло двадцать пять лѣтъ, какъ уже не существуетъ на свѣтѣ; приглашали Чичикова въ пустыню, оставить навсегда городъ, гдѣ люди въ душевныхъ оградахъ не пользуются воздухомъ; окончаніе письма отзывалось даже рѣшительнымъ отчаяньемъ и заключалось такими стихами:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя томно скажутъ,
Что она умерла во слезахъ.

Въ послѣдней строкѣ не было размѣра, но это впрочемъ ничего: письмо было написано въ духѣ тогдашняго времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамиліи, ни даже мѣсяца и числа. Въ postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую, и что на балѣ у губернатора, имѣющемъ быть завтра, будетъ присутствовать самъ оригиналъ.

Это очень его заинтересовало. Въ анонимѣ было такъ много заманчиваго и подстрекательнаго любопытства, что онъ перечелъ и въ другой и въ третій разъ письмо, и наконецъ сказалъ: любопытно бы однакожь знать, кто бы такая была писавшая! Словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось сурьезно; болѣе часу онъ все думалъ объ этомъ; наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ:

А письмо очень, очень кудряво написано! Потом, само собой разумеется, письмо было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою-то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, семь лѣтъ сохранявшимся въ томъ же положеніи и на томъ же мѣстѣ. Немного спустя припесли къ нему точно приглашеніе на балъ къ губернатору — дѣло весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ подлежащей любви и уваженія со стороны дворянства.

Все постороннее было въ ту-жъ минуту оставлено и отстранено прочь, и все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо точно было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. За то, можетъ быть, отъ самаго созданья свѣта не было употреблено столько времени на туалетъ. Цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопровожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, подмигнулъ бровью и

губами, и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ ; словомъ, мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, чувствуя притомъ, что хороши, да къ тому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку. Наконецъ онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: ахъ ты мордашка эдакой! и сталъ одѣваться. Самое довольное расположеніе сопровождало его во все время одѣванія: надѣвая подтяжки, или повязывая галстухъ, онъ расшаркивался и кланялся съ особенною ловкостію, и хотя никогда не танцевалъ, но сдѣлалъ антрача. Это антрача произвело маленькое невинное слѣдствіе: задрожалъ комодъ и упала со стола щетка.

Появленіе его на балъ произвело необыкновенное дѣйствіе. Все, что ни было, обратилось къ нему навстрѣчу, кто съ картами въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора произнесши: «а нижній земскій судъ отвѣчаетъ на это».... но что такое отвѣчаетъ земскій судъ, ужь это онъ бросилъ въ сторону, и слѣшилъ съ привѣтствіемъ къ нашему герою: «Павелъ Ивановичъ! Ахъ Боже мой, Павелъ Ивановичъ! Любезный Павелъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ! Душа моя Павелъ Ивановичъ! Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ онъ нашъ Павелъ Ивановичъ! Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! Давайте его сюда, вотъ я его поцѣлую покрѣпче мо-

его дорогаго Павла Ивановича ^{la} Чичиковъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ ^{мгновѣннѣ} объятіяхъ. Не успѣлъ совершенно выкарабкаться изъ объятій предсѣдателя, какъ очутился уже въ объятіяхъ полицеймейстера: полицеймейстеръ ^{сильно} сдалъ его инспектору Врачебной Управы; инспекторъ Врачебной Управы откупщику, откупщикъ архитектору.... Губернаторъ, который въ то время стоялъ возлѣ дамъ, и держалъ въ одной рукѣ конфетный билетъ и болонку, увидя его, бросилъ на полъ и билетъ и болонку, только завизжала собаченка; словомъ, распространилъ онъ радость и веселье ~~ис~~обыкновенное. Не было лица, на которомъ бы не выразилось удовольствіе, или по крайней мѣрѣ ^{въ высшей} отраженіе всеобщаго удовольствія. Такъ бываетъ на лицахъ чиновниковъ во время осмотра пріѣхавшимъ начальникомъ ввѣренныхъ управленію ихъ мѣстъ: послѣ того какъ уже первый ^{неловко} страхъ прошелъ, они увидѣли, что многое ему правится, и онъ самъ изволилъ наконецъ ^{свѣдѣнія} пошутить, то есть произнести съ пріятною усмѣшкой нѣсколько словъ. Смѣются вдвое въ отвѣтъ на это обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые впрочемъ нѣсколько плохо услышали произнесенныя имъ слова, и наконецъ стоящій далеко у дверей у самаго выхода, какой нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и

тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выра-
жаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку, хотя
эта улыбка болѣе похожа на то, какъ бы кто
нибудъ собирался чихнуть послѣ крѣпкаго та-
баку. Герой нашъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому
и чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную:
раскланивался направо и ^{направо} налѣво, по обыкновенію
своему, нѣсколько на ^{направо} бокъ, но совершенно свобод-
но, такъ что очаровалъ ^{всѣхъ} всѣхъ. Дамы тутъ же
обступили его блистающею гирляндой и ^и нанесли
съ собою цѣлыя облака всякаго рода благоуханій:
одна дышала розами, отъ другаго несло весной и
фіалками, третья вся насквозь была продушена
резедой; Чичиковъ подымалъ только носъ къ вер-
ху, да нюхалъ. Въ ^{рукахъ} нарядахъ ихъ ^{артиа} вкусу было про-
пасть: муслины, атласы, кисен были такихъ блѣд-
ныхъ модныхъ цвѣтовъ, : какимъ даже и названья
нельзя было прибрать (до такой степени дошла
тонкость вкуса). Ленточные банты и цвѣточныя
букеты порхали тамъ и тамъ по платьямъ, въ
самомъ картинномъ ^{кажущемуся} безпорядкѣ, хотя надъ этимъ
безпорядкомъ трудилась много порядочная голова.
Легкій головной уборъ держался только на однихъ
ушахъ, и казалось говорилъ: »Эй, улечу, жаль
только, что не подыму съ собою красавицу!« Та-
ли были обтянуты и имѣли самыя крѣпкія и
пріятныя для глазъ формы (нужно замѣтить, что
вообще всѣ дамы города N. были нѣсколько пол-

ны, но шнуровались такъ искусно, и имѣли такое пріятное обращеніе, что ^{лишнее} толщины никакъ нельзя было примѣтить). Все было у нихъ придумано и предусмотрѣно съ необыкновенною осмотрительно-стію; шея, плечи были открыты именно на столько, на сколько нужно, и никакъ не дальше; каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала по собственному убѣжденію, что онѣ способны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ: или какой нибудь легонькій галстукъ изъ ленты легче пирожного, извѣстнаго подъ именемъ поцѣлуя, эфирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечь, изъ-подъ платья, маленькія зубчатые стѣнки изъ тонкаго батиста, извѣстныя подъ именемъ скромностей. Эти скромности скрывали наперед и сзади то, что уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ заставляли подозрѣвать, что тамъ-то именно и была самая погибель. Длинные перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительныя части рукъ выше локтя, которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденныя надвинуться далѣе, словомъ, кажется какъ будто на всемъ было написано: нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ! Только мѣстами вдругъ высовывался ка-

кой нибудь невиданный землею чепецъ, или даже какое-то чуть не павлиное перо въ противоположность всѣмъ модамъ по собственному вкусу. Но ужъ безъ этого нельзя, таково свойство губернскаго города: гдѣ нибудь ужъ онъ непременно оборвется. Чичиковъ, стоя передъ ними, думалъ: которая однако же сочинительница письма, и высунуть бымо впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, общаговъ, рукавовъ, концевъ лентъ, душистыхъ шемизетокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалюю: Почтмейстерша, Капитанъ-Исправникъ, Дама съ голубымъ перомъ, Дама съ бѣлымъ перомъ, Грузинскій Князь Чинхайхилидзеъ, Чиновникъ изъ Петербурга, Чиновникъ изъ Москвы, Французъ Кукку, Перхуновскій, Беребендовскій — все поднялось и понеслось....

— Вона! пошла писать губернія! проговорилъ Чичиковъ, понятившись назадъ, и какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь началъ выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ, которая была сочинительница. Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимотонкое, у! какое тонкое!.... Нѣтъ, — сказалъ самъ

въ себѣ Чичиковъ, — женщины, это такой предметъ.... Здѣсь онъ и рукой махнулъ; просто и говорить нечего! Поди-ка попробуй рассказать, или передать все то, что бѣгаетъ на ихъ лицахъ, всѣ тѣ излучинки, намеки, а вотъ просто ничего не передашь. Одни глаза ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человѣкъ — и поминай какъ звали! Ужъ его оттуда ни крючкомъ, ничѣмъ не вытащишь. Ну, попробуй напримѣръ рассказать одинъ блескъ ихъ: влажный, бархатный, сахарный. Богъ ихъ знаетъ какого нѣтъ еще! и жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или, какъ иные говорятъ, въ нѣтъ, или безъ нѣги, но пуще нежели въ нѣтъ, такъ вотъ зацѣпить за сердце, да и поведетъ по всей душѣ, какъ будто смычкомъ. Нѣтъ, просто не приберешь слова: галантерейная половина человѣческаго рода, да и ничего больше.

Виновать! кажется изъ устъ нашего героя излетѣло слово, подмѣченное на улицѣ. Чтожь дѣлать? таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виновать, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго Русскаго слова, а Французскими, Нѣмецкими и Англійскими они пожалуй надѣлать въ такомъ количествѣ,

что и не захочешь, и надѣлать даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній, по Французски въ носъ и картавя, по Англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи; а вотъ только Русскимъ ничѣмъ не надѣлать, развѣ изъ патріотизма выстроить для себя на дачѣ избу въ Русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непременно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ, словомъ, хотятъ, чтобы Русскій языкъ самъ собою спустился вдругъ съ облаковъ, обработанный какъ слѣдуетъ, и сълъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты, да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода; но почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ между тѣмъ въ совершенное недоумѣніе, рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны тоже выражалось что-то такое, шиспосылающее вмѣстѣ и надежду, и слад-

кія мѹки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ наконецъ сказалъ: нѣтъ, никакъ нельзя угадать! Это однако же никакъ не уменьшило веселаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко разбѣялся съ нѣкоторыми изъ дамъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ, мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, съменилъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички - щоголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышинными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посъменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налево, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой въ видѣ коротенькаго хвостика, или наподобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскиали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что-то даже марсовское и военное, что, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъ-за него уже начинали нѣсколько ссориться: замѣтивши, что онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторыя наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не произошла пренепріятная исторія, и многимъ, желавшимъ себѣ сдѣлать тоже, показалось уже черезъ чуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ дамами, или, лучше, дамы такъ заняли и ^{amused} закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій, которыя всѣ нужно было разгадывать, отъ чего даже выступилъ у него на лбу потъ, — что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ уже тогда, когда услышалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ нимъ уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ^{depressed} ласковымъ и лукавымъ голосомъ съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы: «А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!..... въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что-то исполненное большой любезности въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей, охотниковъ описывать гостинныя и похвалиться знаніемъ высшаго тона, въ духѣ того, что неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста, ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами. Герой нашъ повернулся въ ту-жъ минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремнины, и всякіе ловкіе военные

люди, какъ невзначай поднявши глаза, остановился вдругъ, будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ руку молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку съ тоненькими и стройными чертами лица, съ острейшимъ подбородкомъ, съ очаровательно круглившимся оваломъ лица, какое художникъ взялъ бы въ образецъ для мадонны и какое только рѣдкимъ случаемъ попадаетъ на Руси, гдѣ любить все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что ни есть: и горы и лѣса и степи, и лица и губы и ноги; ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда по глупости кучеровъ, или лошадей, ихъ экипажи такъ странно столкнулись перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дядею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова, и пробормоталъ чортъ знаетъ что такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Греминъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

— Вы не знаете еще моей дочери? сказала губернаторша: институтка, только что выпущена.

Онъ отвѣчалъ, что уже имѣлъ счастье нечаяннымъ образомъ познакомиться; попробовалъ

еще кое-что прибавить, но кое-что совсѣмъ не вышло. Губернаторина, сказавъ два-три слова, наконецъ отошла съ дочерью въ другой конецъ залы къ другимъ гостямъ, а Чичиковъ все еще стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ человекъ, который весело вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы прогуляться, съ глазами, расположенными глядѣть на все, и вдругъ неподвижно остановился, вспомнивъ, что онъ позабылъ что-то, и ужъ тогда глупѣе ничего не можетъ быть такого человека: вмгъ беззаботное выраженіе слетаетъ съ лица его; онъ силится припомнить, что позабылъ онъ, не платокъ ли, но платокъ въ карманѣ, не деньги ли, но деньги тоже въ карманѣ, все кажется при немъ, а между тѣмъ какой-то невѣдомый духъ шепчетъ ему въ уши, что онъ позабылъ что-то. И вотъ уже глядитъ онъ растерянно и смутно на движущуюся толпу передъ нимъ, на летающіе экипажи, на кивера и ружья проходящаго полка, на вывѣску, и ничего хорошо не видитъ. Такъ и Чичиковъ вдругъ сдѣлался чуждымъ всему, что ни происходило вокругъ него. Въ это время изъ дамскихъ благовонныхъ устъ къ нему устремилось множество намековъ и вопросовъ, проникнутыхъ насквозь топкостію и любезностію. »Позволено ли намъ бѣднымъ жителямъ земли быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете?» »Гдѣ находятся тѣ счастливыя мѣста,

въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?» «Можно ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?» Но онъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ невниманіемъ, и пріятныя фразы каули какъ въ воду. Онъ даже до того былъ неучтивъ, что скоро ушелъ отъ нихъ въ другую сторону, желая повысмотрѣть, куда ушла губернаторша съ своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотѣли оставить его такъ скоро: каждая внутренно рѣшилась употребить всевозможныя орудія, столь опасныя для сердецъ нашихъ, и пустить въ ходъ все, что было лучшаго. Нужно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дамъ, я говорю у нѣкоторыхъ, это не то, что у всѣхъ, есть маленькая слабость, если онъ замѣтитъ у себя что нибудь особенно хорошее, лобъ ли, ротъ ли, руки ли, то уже думаютъ, что лучшая часть лица ихъ такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза, и всѣ вдругъ заговорятъ въ одинъ голосъ: «посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческій носъ, или какой правильный, очаровательный лобъ!» У которой же хороши плечи, та увѣрена заранѣе, что всѣ молодые люди будутъ совершенно восхищены и то и дѣло станутъ повторять въ то время, когда она будетъ проходить мимо: «ахъ, какія чудесныя у этой плечи!» а на лицо, волосы, носъ, лобъ даже не взглянуть, если же и взглянуть, то какъ на что-то постороннее. Такимъ образомъ думаютъ шныря да-

мы. Каждая дама дала себѣ внутренней обѣтъ быть какъ можно очаровательнѣй въ танцахъ и показывать во всемъ блескъ превосходство того, что у нея было самаго превосходнаго. Почтмейстерша, вальсируя, съ такой томностію опустила на бокъ голову, что слышалось въ самомъ дѣлѣ что-то неземное. Одна очень любезная дама, — которая пріѣхала вовсе не съ тѣмъ, чтобы танцевать, по причинѣ приключившагося, какъ сама выразилась, небольшого инкомодите въ видѣ горошинки на правой ногѣ, вслѣдствіе чего должна была даже надѣть плисовые сапоги, — не вытерпѣла однако же и сдѣлала нѣсколько круговъ въ плисовыхъ сапогахъ, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много себѣ въ голову.

Но все это никакъ не произвело предполагаемаго дѣйствія на Чичикова. Онъ даже не смотрѣлъ на круги, производимые дамами, но безпрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверхъ головъ, куда бы могла забраться занимательная блондинка; присѣдалъ и внизъ тоже, высматривая промежъ плечей и спиць, наконецъ доискался и увидѣлъ ее, сидящую вмѣстѣ съ матерью, надъ которою величаво колебалась какая-то восточная чалма съ перомъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ; весеннее ли распо-

ложе́ніе подѣйствовало на него, или толкалъ его кто сзади, только онъ протѣснялся рѣшительно впередъ не смотря ни на что: откупщикъ получилъ отъ него такой толчекъ, что пошатнулся и чуть чуть удержался на одной ногѣ, не то бы конечно повалилъ за собою цѣлый рядъ; почтмейстеръ тоже отступился и посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ довольно тонкой ироніей, но онъ на нихъ не поглядѣлъ; онъ видѣлъ только вдали блондинку, надѣвавшую длинную перчатку и безъ сомнѣнія сгаравшую желаніемъ, пуститься летать по паркету. А ужъ тамъ въ сторонѣ четыре пары откалывали мазурку; каблучки ломали полъ, и армейскій Штабс-Капитанъ работалъ и душою и тѣломъ, и руками и ногами, отвертывая такіе па, какихъ и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки почти по самымъ каблучкамъ и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой. Однакожь онъ подступилъ къ нимъ очень робко, не сѣменилъ такъ бойко и франтовски ногами, даже нѣсколько замялся, и во всѣхъ движеніяхъ оказалась какая-то неловкость.

Нельзя сказать навѣрно, точно ли пробудилось въ нашемъ героѣ чувство любви, даже сомнительное, чтобы господа такого рода, то есть не такъ чтобы толстые, однакожь и не то чтобы тон-

кіе, способны были къ любви, но при всемъ томъ здѣсь было что-то такое, странное, что-то въ такомъ родѣ, чего онъ самъ не могъ себѣ объяснить: ему показалось, какъ самъ онъ потомъ сознавался, что весь балъ, со всемъ своимъ говоромъ и шумомъ, сталъ на нѣсколько минутъ какъ будто гдѣ-то вдали; скрипки и трубы нарѣзывали гдѣ-то за горами и все подернулось туманомъ, похожимъ на небрежно замалеванное поле на картинѣ. И изъ этого мглистаго, кое-какъ набросаннаго поля выходили ясно и оконченно только однѣ тонкія черты увлекательной блондинки: ея овально-круглившееся личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска, ея бѣлое, почти простое платье, легко и ловко обхватившее во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе стройные члены, которые означались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы.

Видно такъ ужъ бываетъ на свѣтъ, видно и Чичиковы, на нѣсколько минутъ въ жизни, обращаются въ поэтовъ, но слово поэтъ будетъ уже слишкомъ. Покрайней мѣрѣ онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ-то въ родѣ молодаго человѣка,

чуть-чуть не гусаромъ. Увидѣвши возлѣ нихъ пустой стулъ, онъ тотчасъ его занялъ. Разговоръ сначала не клеился, но послѣ дѣло пошло, и онъ началъ даже получать форсъ, но ... здѣсь къ величайшему прискорбію надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности, какъ-то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами; на это мастера господа поручики, и никакъ не далѣе капитанскихъ чиновъ. Какъ они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдастъ: кажется и не очень мудренныя вещи говорятъ, а дѣвица то и дѣло качается на стулѣ отъ смѣха: статскій же совѣтникъ Богъ знаетъ что расскажетъ: или поведетъ рѣчь о томъ, что Россія очень странное государство, или отпуститъ комплиментъ, который конечно выдуманъ не безъ остроумія, но отъ него ужасно пахнетъ кингою; если же скажетъ что нибудь смѣшное, то самъ несравненно больше смѣется, чѣмъ та, которая его слушаетъ. Здѣсь это замѣчено для того, чтобы читатели видѣли, почему блондинка стала зѣвать во время разсказовъ нашего героя. Герой однако же совсѣмъ этого не замѣчалъ, рассказывая множество пріятныхъ вещей, которыя уже случалось ему произносить въ подобныхъ случаяхъ въ разныхъ мѣстахъ: именно въ Симбирской губерніи у Софрона Ивановича Безпечнаго, гдѣ были тогда дочь его Аделаида Софроновна съ тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой

Гавриловной; у Федора Федоровича Перекроева, въ Рязанской губернии; у Фрола Васильевича Побѣдонос-наго, въ Пензенской губернии, и у брата его Петра Васильевича, гдѣ были свояченица его Катерина Михайловна и внучатныя сестры ея Роза Федоровна и Эмилія Федоровна; въ Вятской губернии у Петра Варсонофьевича; гдѣ была сестра невѣстки его Пелагея Егоровна съ племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами Софіей Александровной и Маклатурой Александровной.

Всѣмъ дамамъ совершенно не понравилось такое обхожденіе Чичикова. Одна изъ нихъ нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это замѣтить, и даже задѣла блондинку довольно небрежно толстымъ руло своего платья, а шарфомъ, который порхалъ вокругъ плечь ея, распорядилась такъ, что онъ махнулъ концемъ своимъ ее по самому лицу; въ тоже самое время позади его изъ однихъ дамскихъ устъ изнеслось, вмѣстѣ съ запахомъ фіалокъ, довольно колкое и язвительное замѣчаніе. Но, или онъ не услышалъ въ самомъ дѣлѣ, или прикинулся, что не услышалъ, только это было не хорошо; ибо мнѣніемъ дамъ нужно дорожить: въ этомъ онъ и раскался, но уже послѣ, стало быть поздно.

Негодование, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое, изобразилось во многихъ лицахъ. Какъ ни ве-

ликъ былъ въ обществѣ вѣсь Чичикова, хотя онъ и миллионщикъ и въ лицѣ его выражалось величіе и даже что-то марсовское и военное, но есть вещи, которыхъ дамы не простятъ никому, будь онъ кто бы ни было, и тогда, прямо ниши пропало! Есть случаи, гдѣ женщина, какъ ни слаба и бессильна характеромъ въ сравненіи съ мужчиною, но становится вдругъ тверже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свѣтѣ. Пренебреженіе, оказанное Чичиковымъ, почти неумышленное, возстановило между дамами даже согласіе, бывшее было на краю гибели по случаю завладѣнія стуломъ. Въ произнесенныхъ имъ невзначай какихъ-то сухихъ и обыкновенныхъ словахъ нашли колкіе намеки. Въ довершеніе бѣдъ какой-то изъ молодыхъ людей сочинилъ тутъ же сатирическіе стихи на танцовавшее общество, безъ чего, какъ извѣстно, никогда почти не обходится на губернскихъ балахъ. Эти стихи были приписаны тутъ же Чичикову. Негодованіе росло, и дамы стали говорить о немъ въ разныхъ углахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; а бѣдная институтка была уничтожена совершенно и приговоръ ея уже былъ подписанъ.

А между тѣмъ герою, нашему ^{Löhner} готовилась ^{Kammiller} неприятная неожиданность: въ то время, когда блондинка ^{Kammiller} зѣвала, а онъ рассказывалъ ей кое-какія въ разныя времена случившіяся исторійки и даже

^{Kajani} коснулся было греческаго философа Діогена, пока-
 замся изъ послѣдней комнаты Ноздревъ. Изъ бу-
 фета ли онъ вырвался, или изъ небольшой зеленой
 гостиной, гдѣ производилась игра посильнѣе; чѣмъ
 въ обыкновенный вистъ, своей ли волею, или вы-
 толкали его, только онъ явился веселый, радо-
 стный, ^{pitäen nökösti} ухвативши подъ руку прокурора, котораго
 вѣроятно уже таскалъ ^{rettmattellut} нѣсколько времени, потому
 что бѣдный прокуроръ ^{Käännetty} поворачивалъ на всѣ сто-
 роны свои густыя ^{Kuulakanta} брови, какъ бы придумывая сред-
 ство выбраться изъ этого дружескаго подручнаго
 путешествія. Въ самомъ дѣлѣ оно было ^{tuikkall.} невыпо-
 симо. Ноздревъ, захлебнувъ куражу въ двухъ чаш-
 кахъ чаю, конечно не безъ рома, вралъ ^{armatton.} немилосер-
 до. Завидѣвъ еще издали его, Чичиковъ рѣшился
 даже на пожертвованіе, то есть оставить свое завид-
 ное мѣсто и сколько можно поспѣшнѣе удалиться:
 ничего хорошаго не ^{ennustant} предвѣщала ему эта встрѣча.
 Но какъ на ^{Kindesti} бѣду въ это время подвернулся губер-
 наторъ, изъявившій необыкновенную радость, что
 нашелъ Павла Ивановича, и остановилъ его, прося
 быть судіею въ спорѣ его съ двумя дамами на
 счетъ того, продолжительна ли женская любовь, или
 нѣтъ; а между тѣмъ Ноздревъ уже увидалъ его и
 шелъ прямо навстрѣчу.

— А, Херсонскій помѣщикъ, Херсонскій по-
 мѣщикъ! кричалъ онъ, ^{minut ja minun} подходя и заливаясь смѣхомъ,

отъ котораго ^{сдѣлалъ} дрожали его свѣжія, ^{красныя} румяныя; какъ
веселая роза, щеки, что? много наторговалъ мерт-
выхъ? Вѣдь вы не знаете; ваше превосходитель-
ство, ^{тутъ же} горлашилъ онъ тутъ же, обратившись къ гу-
бернатору, онъ торгуешь мертвыми душами! Ей
Богу! Послушай, Чичиковъ! вѣдь ты, я тебѣ говорю
по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ
и его превосходительство здѣсь, я бы тебя ^{успокоилъ} повѣ-
силъ, ей Богу, повѣсилъ!

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣть.

— Повѣрите ли, ваше превосходительство, про-
должалъ Поздrevъ, какъ сказалъ онъ мнѣ: про-
дай мертвыхъ душъ, я такъ и ^{пошелъ} лошнулъ со смѣха.
Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что купилъ па-
три милліона крестьянъ на выводъ; какихъ на вы-
водъ! да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послу-
шай, Чичиковъ, да ты скотина, ей Богу скотина,
вотъ и его превосходительство здѣсь, не правда ли,
прокуроръ?

Но прокуроръ, и Чичиковъ, и самъ губерна-
торъ пришли въ такое замѣшательство, что не на-
шлись совершенно, что отвѣчать, а между тѣмъ
Поздrevъ, ни мало не обращая вниманія, несъ по-
лутрезвую рѣчь: »Ужъ ты, братъ, ты, ты... я
не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты по-
купалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь

тебѣ право ^{спра}стыдно, у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я. Вотъ и его превосходительство здѣсь, не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то есть просто, если бы вы сказали, вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: Поздравь! скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ? скажу — Чичиковъ, ей Богу.... Позволь, душа, я тебѣ вѣрно одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не ^{оста}противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою! Поздравь былъ такъ оттолкнуть съ своими безе, что чуть не полетѣлъ на землю: отъ него всѣ отступились, и не слушали больше: но все же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку и сопровождаемы такимъ громкимъ смѣхомъ, что привлекли вниманіе даже тѣхъ, которые находились въ самыхъ дальнихъ углахъ комнаты. Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились съ какимъ-то деревяннымъ, глупо-вопросительнымъ выраженіемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что многія дамы перемигнули между собою съ какою-то ^{зача}злобною, ^{хотѣла}вѣскою усмѣшкою, и въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ показалось что-то такое двусмысленное, которое еще болѣе ^{миним}увеличило это ^{заммислѣ}смущеніе. Что Поздравъ ^{валентин}лгунъ отъявленный, это

было извѣстно всѣмъ и вовсе не было въ диковин-^{и ханити} ку слышать отъ него рѣшительную безсмыслицу; но ^{impossible} смертный, право трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непременно ^{must} сообщить ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: »посмотрите, какую ^{valle} ложь распустили!« — а другой смертный съ удовольствіемъ преклонитъ ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: »да это совершенно пошлая ложь, нестоющая никакого вниманія!« и вслѣдъ затѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, рассказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: »какая пошлая ложь!« И это непременно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ ни есть, наговорятся непременно досыта и потомъ признаютъ, что это не стоить вниманія и не достойно, чтобы о немъ говорить.

Это вздорное повидимому происшествіе замѣтно разстроило нашего героя. Какъ ни глупы слова дурака, а иногда бываютъ они достаточны, чтобы смутить умнаго человѣка. Онъ сталъ чувствовать себя неловко, неладно; точь въ точь какъ будто прекрасно вычищеннымъ сапогомъ вступилъ вдругъ въ грязную вонючую лужу, словомъ — не хорошо, совсѣмъ не хорошо! Онъ пробовалъ

объ этомъ не думать, старался разсѣяться, развлечься, прислѣ въ вистъ, но все пошло какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую масть, и позабывъ, что по третьей не быють, размахнулся со всей руки и хватилъ сдуру свою же. Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и можно сказать тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ его пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся какъ на каменную стѣну. Конечно, почтмейстеръ и предсѣдатель и даже самъ полицеймейстеръ, какъ водится, подшучивали надъ нашимъ героемъ, что ужъ не влюбленъ ли онъ, и что мы знаемъ дискать, что у Павла Ивановича сердчишко прихрамываетъ, знаемъ кѣмъ и подстрѣлено; но все это никакъ его не утѣшало, какъ онъ ни пробовалъ усмѣхаться и отшучиваться. За ужиномъ тоже онъ никакъ не былъ въ состояніи развернуться, не смотря на то, что общество за столомъ было пріятное и что Ноздрева давно уже вывели; ибо сами даже дамы наконецъ замѣтили, что поведеніе его черезъ чуръ становилось скандалѣзно. Посреди котильона, онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ, что было уже ни на что не похоже, по выраженію дамъ. Ужинъ былъ очень веселъ; всѣ лица, мелькавшія передъ тройными подсвѣчниками, цвѣтами, конфек-

тами и бутылками, были озарены самымъ непри-
нужденнымъ довольствомъ. Офицеры, дамы, фраки,
все сдѣлалось любезно, даже до приторности. Му-
щины вскакивали со стульевъ и бѣжали отнимать
у слугъ блюда, чтобы съ необыкновенною ловко-
стію предложить ихъ дамамъ. Одинъ полковникъ
подавъ дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ обна-
женной шпаги. Мущины почтенныхъ лѣтъ, между
которыми сидѣлъ Чичиковъ, спорили громко, за-
бывая дѣльное слово рыбой, или говядиной, обмакну-
той нещаднымъ образомъ въ горчицу, и спорили
о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ даже все-
гда принималъ участіе; но онъ былъ похожъ на ка-
кого-то чловѣка, уставшаго или разбитаго даль-
ней дорогой, которому ничто не лѣзетъ на умъ,
и который не въ силахъ войти ни во что. Даже не
дождался онъ окончанія ужина и уѣхалъ къ себѣ не-
сравненно ранѣе, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе уѣзжать.

Тамъ, въ этой комнаткѣ, такъ знакомой чи-
тателю, съ дверью заставленной комодомъ и вы-
глядывавшими иногда изъ угловъ тараканами, по-
ложеніе мыслей и духа его было также неспокой-
но, какъ неспокойны тѣ кресла, въ которыхъ онъ
сидѣлъ. Непріятно, смутно было у него на сер-
дцѣ, какая-то тягостная пустота оставалась тамъ.
«Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ
эти балы!» говорилъ онъ въ сердцахъ. »Ну, чему

сдуру обрадовались? Въ губерніи неурожаи, дороговизна, такъ вотъ они за балы! Экъ штука: разрядились въ бабы тряпки! Невидаль: что иная наvertъла на себя тысячу рублей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ, или, что еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата. Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль, или на разныя роброны, проваль ихъ возьми, какъ ихъ называютъ. А изъ чего? чтобы не сказала, какая нибудь подстѣга Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей. Кричатъ: «балъ, балъ, веселость!» просто дрянъ балъ, не въ Русскомъ духѣ, не въ Русской натурѣ, чортъ знаетъ, что такое: взрослый, совершеннолѣтній вдругъ выскочить весь въ черномъ, общипанный, обтянутый какъ чертикъ, и давай мѣсить погами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ съ другимъ объ важномъ дѣлѣ, а погами въ тоже самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налево.... Все изъ обезьянства, все изъ обезьянства! Что французъ въ сорокъ лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право.... послѣ всякаго бала точно какъ будто какой грѣхъ сдѣлалъ; и вспомнить даже о немъ не хочется. Въ головѣ просто ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣкомъ: всего онъ наговорить, все-

го слегка коснется, все скажетъ, что понадергалъ изъ книжекъ, пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что нибудъ изъ того вынесъ, и видишь потомъ какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Но что изъ него выжмешь — изъ этого бала? Ну если бы положимъ какой нибудъ писатель вздумалъ описывать всю эту сцену, такъ, какъ она есть? Ну и въ книгѣ, и тамъ была бы она такъ же безтолкова, какъ въ натурѣ. Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто чортъ знаетъ что такое! Плюнешь, да и книгу потомъ закроешь.» Такъ отзывался неблагопріятно Чичиковъ о балахъ вообще; но, кажется, сюда вмѣшалась другая причина негодования. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему оборваться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми Богъ знаетъ въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши окомъ благоразумнаго человѣка, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, что глупое слово ничего не значитъ, особливо теперь, когда главное дѣло уже обдѣлано какъ слѣдуетъ. Но страненъ человѣкъ: его огорчало сильно нерасположеніе тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ и на счетъ которыхъ отзывался рѣзко, понося ихъ суетность и наряды. Это тѣмъ болѣе было ему досадно, что разобрав-

ни дѣло ясно, онъ видѣлъ, какъ причиною этого былъ отчасти самъ. На себя однако же онъ не разсердился, и въ томъ конечно былъ правъ. Вся мы имѣемъ маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше пріискать какогонибудь ближняго, на комъ бы выместить свою досаду, напримѣръ на слугъ, на чиновникъ, намъ подвѣдомственномъ, который впору подвернулся, на женъ, или наконецъ на стулъ, который швырнется чортъ знаетъ куда, жъ самымъ дверямъ, такъ что отлетитъ отъ него ручка и спинка, пусть-молъ его знаетъ, что такое гнѣвъ. Такъ и Чичиковъ скоро нашелъ ближняго, который потащилъ на плечахъ своихъ все, что только могла выушить ему досада. Ближній этотъ былъ Ноздревъ, и нечего сказать, онъ былъ такъ отдѣланъ со всѣхъ боковъ и сторонъ, какъ развѣ только какойнибудь плутъ староста, или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимънибудь вѣжалымъ, опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ вы-раженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли.

Но въ продолженіи того, какъ онъ сидѣлъ въ жесткихъ своихъ креслахъ, тревожимый мыслями

и безсонницей, угощая усердно Поздрева и всю родню его, и передъ нимъ теплилась салыная свѣчка, которой свѣтильня давно уже накрылась нагорѣвшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядѣла ему въ окна слѣпая, темная ночь, готовая посинѣть отъ приближавшагося разсвѣта, и пересвистывались вдали отдаленные пѣтухи, и въ совершенно заснувшемъ городѣ, можетъ быть, племась гдѣ-нибудь фризовая шинель, горемыка не извѣстно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишкомъ протертую Русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу, въ это время на другомъ концѣ города происходило событіе, которое готовилось увеличить непріятность положенія нашего героя. Именно въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недоумѣніе на счетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстощокій выпуклый арбузъ, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то есть дверцы, посившія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо по причинѣ плохого состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кистей, валиковъ и просто подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣбами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями изъ заварнаго тѣста. Пи-

рогъ, курникъ и пирогъ - разсолыникъ выглядывали даже наверхъ. Запятки были заняты лицомъ лакейскаго происхожденья, въ курткѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бородою, подернутою легкой просъдью, лицо известное подъ именемъ малаго. Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просонья: что стало мочи: кто идетъ? по увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и подошелъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на потѣ. Послѣ чего оставивши алебарду, опять заснулъ по уставамъ своего рыцарства. Лошади то и дѣло падали на переднія колѣнки, потому что не были подкованы, и притомъ, какъ видно, покойная городская мостовая была имъ мало знакома. Колымага, сдѣлавши нѣсколько поворотовъ изъ улицы въ улицу, наконецъ поворотила въ темный переулокъ мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычкахъ, и остановилась предъ воротами дома протопопши. Изъ брички выѣзла дѣвка съ платкомъ на головѣ, въ тѣлогрѣйкѣ, ихватила обоими кулаками въ ворота такъ сильно, хоть бы и мушкетъ (малый въ курткѣ изъ пеструшки былъ уже потомъ стащенъ за ноги, ибо спалъ мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись,

наконецъ проглотили, хотя съ большимъ трудомъ, это неуклюжее дорожное произведеніе. Экипажъ въѣхалъ въ тѣсный дворъ, заваленный дровами, курятниками и всякими клѣтухами; изъ экипажа выѣзла барыня: эта барыня была помѣщица, Коллежская Секретарша Коробочка. Старушка, вскорѣ послѣ отъѣзда нашего героя, въ такое пришла безпокойство на счетъ могущаго произойти со стороны его обмана, что не проспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ, не смотря на то, что лошади не были подкованы, и тамъ узнать навѣрно, по чемъ ходятъ мертвыя души, и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ быть, въ три - дешева. Какое произвело слѣдствіе это прибытіе, читатель можетъ узнать изъ одного разговора, который произошелъ между однѣми двумя дамами. Разговоръ сей.... но пусть лучше сей разговоръ будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

21 AUG 1917

новость и чувствовала побужденіе непреодолимое скорѣе сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она изъ окна и видѣла, къ несказанной досадѣ, что все еще остается полдороги. Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богатыня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго такъ, что она наконецъ не вытерпѣла не сказать: проклятое строеніе, и конца нѣтъ! Кучеръ уже два раза получалъ приказаніе: поскорѣе, поскорѣе, Андрюшка! ты сегодня неспосно долго ѣдешь! Наконецъ цѣль была достигнута. Коляска остановилась передъ деревяннымъ же одноэтажнымъ домомъ темносѣраго цвѣта съ бѣлыми барельефчиками надъ окнами, съ высокою деревянною рѣшеткою передъ самыми окнами и узенькимъ палисадникомъ, за рѣшеткою котораго находившіяся тоненькія деревца побѣлѣли отъ никогда не сходящей съ нихъ городской пыли. Въ окнахъ мелькали горшки съ цвѣтами, попугай качавшійся въ клѣткѣ, уцѣпясь носомъ за кольцо, и двѣ собаченки, спавшія передъ солнцемъ. Въ этомъ домѣ жила искренняя пріятельница пріѣхавшей дамы. Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы опять не разсердились на него, какъ серживались встарь. Назвать выдуманною фамиліей опасно. Какое ни придумаешь имя, ужь непременно пайдется въ какомъ нибудь углу нашего государства, благо велико, кто нибудь

носяцій его , и непременно разсердится не на животь , а на смерть , станетъ говорить , что авторъ нарочно прїѣзжалъ секретно съ тѣмъ , чтобы вывѣдать все , что онъ такое самъ и въ какомъ тулупчикѣ ходитъ и къ какой Аграфенѣ Ивановнѣ навѣдывается и что любитъ покушать. Назови же по чинамъ , Боже сохрани , и того опаснѣй. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены , что все , что ни есть въ печатной книгѣ , уже кажется имъ личностью : таково ужъ видно расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать только , что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ , это уже и личность : вдругъ выскочить господинъ почтенной наружности и заключить : вѣдь я то-же человѣкъ , стало быть я то-же глупъ , словомъ , вмгъ смекнетъ въ чемъ дѣло. А потому , для избѣжанія всего этого , будемъ называть даму , къ которой прїѣхала гостя , такъ , какъ она называлась почти единогласно въ городѣ N. , именно дамою прїятною во всѣхъ отношеніяхъ. Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ , ибо точно ничего не пожалѣла , чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени. Хотя , конечно , сквозь любезность прокрадывалась ухъ какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подъ часъ въ каждомъ прїятномъ словѣ ея торчала ухъ какая булавка! а ужъ не приведи Богъ , что кипѣло въ сердцѣ противъ той , которая бы пролѣзла какъ нибудь и чѣмъ нибудь въ первыя. Но

все это было облечено самою тонкою свѣтскостію, какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умѣла держать голову, и всѣ согласились, что она точно дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Другая же дама, то есть пріѣхавшая, не имѣла такой многосторонности въ характерѣ, и потому будемъ называть ее: просто пріятная дама. Пріѣздъ гости разбудилъ собаченку, спавшихъ на солнцѣ: мохнатую Адель, безпрестанно путавшуюся въ собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненькихъ ножкахъ. Тотъ и другая съ лаемъ понесли кольцами хвосты свои въ переднюю, гдѣ гостя освобождалась отъ своего клока и очутилась въ платьѣ моднаго узора и цвѣта, и въ длинныхъ хвостахъ на шеѣ; жасмины понесли по всей комнатѣ. Едва только во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама узнала о пріѣздѣ просто пріятной дамы, какъ уже вбѣжала въ переднюю. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули, какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся вскорѣ послѣ выпуска, когда маменьки еще не успѣли объяснить имъ, что отецъ у одной бѣднѣе и ниже чиномъ, нежели у другой. Поцѣлуй совершился звонко, потому что собаченки залаяли снова, за что были хлопнуты платкомъ, и обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже

ширмочками, оббитыми плюшемъ; вслѣдъ за ними побѣжали ворча мохнатая Адель и высокой Попури на тоненькихъ ножкахъ. — Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголочикъ! говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана. Вотъ такъ! вотъ такъ! вотъ вамъ и подушка! Сказавши это, она загнула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ: носъ вышелъ лѣстницею, а губы четвероугольникомъ. — Какъ же я рада, что вы.... Я слышу, кто-то подѣхалъ, да думаю себѣ, кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ: вицъгубернаторша, а я говорю: ну вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать, и ужь хотѣла сказать, что мспя пѣтъ дома....

Гостья уже хотѣла было приступить къ дѣлу и сообщить новость; но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговору.

— Какой веселенькій ситецъ! воскликнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

— Да, очень веселенькій. Прасковья Федоровна однако же находитъ, что лучше, если бы клѣточки были помѣльче, и чтобы не коричневыя были крапинки, а голубыя. Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго просто

нельзя выразить словами, вообразите себѣ: полосочки узенькія, узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки.... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ.

— Милая, это пестро.

— Ахъ, нѣтъ не пестро.

— Ахъ пестро!

Нужно замѣтить, что во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама была отчасти матеріалистка, склонна къ отрицанію и сомнѣнію, и отвергала весьма многое въ жизни.

Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это отнюдь не пестро и вскрикнула.... Да, поздравляю васъ: оборокъ болѣе не носятъ.

— Какъ не носятъ?

— На мѣсто ихъ фестончики.

— Ахъ, это не хорошо, фестончики?

— Фестончики, все фестончики: пелеринка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, эпалетцы изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ фестончики.

— Не хорошо, Софья Ивановна, если все фестончики.

— Мило, Анна Григорьевна, до невѣроятности; шьется въ два рубчика: широкія проймы и сверху.... Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что.... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики попли еще длиннѣе, впереди мыскомъ, и передняя косточка совсѣмъ выходитъ изъ границъ: юбка вся собирается вокругъ, какъ бывало встарину фижмы, даже сзади немножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ.

— Ну ужъ это просто: признаюсь! сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движеніе головою съ чувствомъ достоинства.

— Именно это ужъ точно признаюсь! отвѣчала просто пріятная дама.

— Ужъ какъ вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.

— Я сама тоже.... право какъ вообразишь; до чего иногда доходить мода.... ни на что не похоже! я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣху; Меланья моя принялась шить.

— Такъ у васъ развѣ есть выкройка? вскрикнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама не безъ замѣтнаго сердечнаго движенія.

— Какъ же, сестра привезла!

— Душа моя, дайте ее мнѣ ради всего святаго.

— Ахъ, я ужъ дала слово Прасковѣ Ѳедоровнѣ. Развѣ послѣ нея.

— Ктожь станетъ носить послѣ Прасковьи Ѳедоровны? Это уже слишкомъ странно будетъ, съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочтете своимъ.

— Да вѣдь она тоже мнѣ двоюродная тетка.

— Она вамъ тетка еще Богъ знаетъ какая: съ мужниной стороны.... Нѣтъ, Софья Ивановна, я и слышать не хочу, это выходить: вы мнѣ хотите нанести такое оскорбленіе.... видно я вамъ наскучила уже, видно вы хотите прекратить со мною всякое знакомство.

Бѣдная Софья Ивановна не знала совершенно, что ей дѣлать. Она чувствовала сама, между какихъ сильныхъ огней себя поставила. Вотъ тебѣ и похвасталась! Она бы готова была исколоть за это иголками глупый языкъ.

— Ну что-жь нашъ прелестникъ? сказала между тѣмъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Ахъ Боже мой! что-жь я такъ сижу передъ вами! вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете, Анна

Григорьевна, съ чѣмъ я прѣѣхала къ вамъ? Тутъ дыханіе гостыи сперлось, слова какъ ястребы готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ, и только нужно было [до такой степени быть безчеловѣчной, какова была искренняя пріятельница, чтобы рѣшиться остановить ее.

— Какъ вы ни выхваляйте и ни превозносите его, говорила она съ живостью болѣе нежели обыкновенною, а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ негодный человѣкъ, негодный, негодный, негодный!

— Да послушайте только, что я вамъ открою ...

— Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него ... самый непріятный носъ.

— Позвольте же, позвольте же только разсказать вамъ.... душейшка, Анна Григорьевна, позвольте разсказать! Въдь это исторія, понимаете ли: исторія, сконпель истоаръ — говорила гостыя съ выраженіемъ почти отчаянія и совершенно умоляющимъ голосомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ разговоръ обѣихъ дамъ вмѣшивалось очень много иностранныхъ словъ и цѣлкомъ иногда длинныя французскія фразы. Но какъ ни исполненъ Авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ поль-

замъ , которыя приносятъ французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ сію Русскую свою поэмю. И такъ станемъ продолжать по-Русски.

— Какая же исторія ?

— Ахъ , жизнь моя Анна Григорьевна , если бы вы могли только представить то положеніе , въ которомъ я находилась , вообразите : приходитъ ко мнѣ сегодня протопопша , протопопша , отца Кирилы жена, и что бы вы думали : нашъ-то смиренникъ , пріѣзжій-то нашъ , каковъ , а ?

— Какъ , неужели онъ и протопопшѣ строилъ куры ?

— Ахъ , Анна Григорьевна , пусть бы еще куры , это бы еще ничего ; слушайте только , что рассказала протопопша : пріѣхала , говоритъ , къ ней помѣщица Коробочка , перепуганная и блѣдная какъ смерть , и рассказываетъ , и какъ рассказываетъ , послушайте только , совершенный романъ : вдругъ въ глухую полночь , когда все уже спало въ домъ , раздается въ ворота стукъ , ужаснѣйшій , какой только можно себѣ представить ; кричатъ : отво-

рите, отворите, не то будутъ выломаны ворота !....
каково вамъ это покажется ? Каковъ же послѣ этого
прелестникъ ?

— Да что Коробочка, развѣ молода и хороша
собою ?

— Ничуть, старуха!

— Ахъ прелести ! Такъ онъ за старуху при-
нялся. Ну, хорошъ же послѣ этого вкусъ нашихъ
дамъ, нашли въ кого влюбиться !

— Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ
не то, что вы полагаете. Вообразите себѣ толь-
ко то, что является вооруженный съ ногъ до
головы въ родѣ Ринальда Ринальдина, и требуетъ:
продайте, говоритъ, всѣ души, которыя умерли.
Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ,
я не могу продать, потому что онъ мертвыя.
Нѣтъ, говоритъ, онъ не мертвыя, это моё, го-
воритъ, дѣло знать, мертвыя ли онъ, или нѣтъ,
онъ не мертвыя, не мертвыя ! кричитъ, не мерт-
выя, словомъ, скандальозу надѣмалъ ужаснаго : вся
деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ,
никто никого не понимаетъ, ну, просто оррёръ,
оррёръ, оррёръ !.... Но вы себѣ представить не
можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожи-
лась, когда слышала все это. »Голубушка бары-
ня, говоритъ мнѣ Машка, посмотрите въ зеркало,

вы блѣдныя. Не до зеркала, говорю, мнѣ, я должна ѣхать разсказать Аннѣ Григорьевнѣ. Въ ту-жъ минуту приказываю заложить коляску; кучеръ Андрюшка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза какъ дура; я думаю, что онъ подумалъ, что я сумасшедшая. Ахъ, Анна Григорьевна, если-бъ вы только могли себя представить, какъ я перетревожилась.

— Это однако-жъ странно, сказала во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, что бы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: что нибудь вѣрно же есть.

— Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это. И теперь, говоритъ Коробочка, я не знаю, говоритъ, что мнѣ дѣлать. Заставилъ, говоритъ, подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросилъ пятнадцать рублей ассигнаціями, я, говоритъ, неопытная, безпомощная вдова, я ничего не знаю.... Такъ вотъ происшествія! Но только если бы вы могли сколько нибудь себя представить, какъ я вся перетревожилась!

— Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое.

— Я признаюсь тоже, произнесла не безъ удивленія, просто пріятная дама, и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой: а что-жь вы полагаете здѣсь скрывается?

— Ну, какъ вы думаете?

— Какъ я думаю?... Я, признаюсь, совершенно потеряна.

— Но однако-жь, я бы все хотѣла знать, какія ваши на счетъ этого мысли?

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать. Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое нибудь смѣтливое предположеніе, для этого никакъ ея не ставало, и отъ того, болѣе нежели всякая другая, она имѣла потребность въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ.

— Ну слушайте же, что такое эти мертвыя души, сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостыя при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ; ушки ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диванъ, и не смотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на легкій пухъ, который вотъ такъ и полетитъ на воздухъ отъ дуновенья.

Такъ Русскій баринъ, охотникъ, подъѣзжая къ лѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочить оттопанный доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ конемъ и поднятымъ арапникомъ въ одинъ застывшій мигъ, въ порохъ, къ которому вотъ-вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ очами въ мутный воздухъ и ужъ настигнетъ звѣря, ужъ допечетъ его неотбойный, какъ ни воздымайся противъ него вся мятущая снѣговая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бобровую его шапку.

— Мертвыя души.... произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.

— Что, что? подхватила гостя вся въ волненьи.

— Мертвыя души!....

— Ахъ, говорите ради Бога!

— Это просто выдуманно только для прикрытья, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку.

Это заключеніе точно было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, поблѣднѣла какъ смерть и точно перетревожилась не на шутку. — Ахъ, Боже

мой! вскрикнула она, всплеснувъ руками, ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать.

— А я признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула въ чемъ дѣло, отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!

— Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не останется духа произнести ихъ.

— Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это просто раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла наконецъ безправственность.

— А мущины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я признаюсь, ничего не нахожу въ ней....

— Манерна пестернимо.

— Ахъ жизнь моя, Анна Григорьевна; она статуя, и хоть бы какое нибудь выраженіе въ лицѣ.

— Ахъ какъ манерна! ахъ какъ манерна! Боже, какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю, но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства.

— Душенька! она статуя и блѣдна какъ смерть.

— Ахъ, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно.

— Ахъ, что это вы, Анна Григорьевна, она мѣлъ, мѣлъ, чистѣйшій мѣлъ.

— Милая, я сидѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается какъ штукатурка кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдетъ матушку.

— Ну позвольте, ну положите сами клятву какую хотите, я готова сей же часъ лишиться дѣтей, мужа, всего имѣнья, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тѣнь какогонибудь румянца!

— Ахъ, что вы это говорите, Софья Ивановна! сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и всплеснула руками.

— Ахъ, какія же вы право, Анна Григорьевна! я съ изумленьемъ на васъ гляжу! сказала пріятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю страннымъ, что обѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что видѣли почти въ одно и тоже время. Есть точно на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя

имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя, а взглянетъ другая, выйдутъ красныя, красныя, какъ брусника.

— Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она блѣдна, продолжала пріятная дама: я помню какъ теперь, что я сижу возлѣ Манилова и говорю ему: посмотрите, какая она блѣдная! Право, нужно быть до такой степени безтолковыми, какъ наши мушкетеры, чтобы восхищаться ею. А нашъ-то прелестникъ.... Ахъ, какъ онѣ мнѣ показались противнымъ! Вы не можете себѣ представить, Анна Григорьевна, до какой степени онѣ мнѣ показались противнымъ.

— Да, однако же нашлись нѣкоторыя дамы, которыя были не равнодушны къ нему.

— Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!

— Да я не говорю объ васъ, какъ будто кромѣ васъ никого нѣтъ.

— Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю; а развѣ со стороны какихъ нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль недоступныхъ.

— Ужъ извините , Софья Ивановна ! Ужъ позвольте вамъ сказать , что за мной подобныхъ скандальностей никогда еще не водилось . За кѣмъ другимъ развѣ , а ужъ за мной нѣтъ , ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить .

— Отъ чего же вы обидѣлись ? вѣдь тамъ были и другія дамы , были даже такія , которыя первыя захватили стулъ у дверей , чтобы сидѣть къ нему поближе .

Ну , ужъ послѣ такихъ словъ , произнесенныхъ пріятною дамою , должна была неминуемо послѣдовать буря ; но къ величайшему изумленію обѣ дамы вдругъ пріутихли , и совершенно ничего не послѣдовало . Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама вспомнила , что выкройка для моднаго платья еще не находится въ ея рукахъ , а просто пріятная дама смекнула , что она еще не успѣла вывѣдать никакихъ подробностей на счетъ открытія , сдѣланнаго ея искреннею пріятельницею , и потому миръ послѣдовалъ очень скоро . Впрочемъ обѣ дамы , нельзя сказать , чтобы имѣли въ своей натурѣ потребность нанести непріятность , и вообще въ характерахъ ихъ ничего не было злаго , а такъ нечувствительно въ разговорѣ раждалось само собою маленькое желаніе колынуть другъ друга ; просто одна другой изъ небольшого наслажденія при случаѣ всунетъ иное живое словцо : вотъ-

моль тебѣ! на, возьми, съешь! Разнаго рода бываютъ потребности въ сердцахъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола.

— Я не могу однако же понять только того, сказала просто пріятная дама, какъ Чичиковъ, будучи человекъ заѣзжій, могъ рѣшиться на такой отважный пасажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ.

— А вы думаете нѣтъ ихъ?

— А кто же бы, полагаете, могъ помогать ему?

— Ну да хоть и Ноздревъ.

— Не уже ли Ноздревъ?

— А чтожь? вѣдь его на это станеть. Вы знаете, онъ роднаго отца хотѣлъ продать, или еще лучше — проиграть въ карты.

— Ахъ, Боже мой, какія интересныя новости я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла предполагать, чтобы и Ноздревъ былъ замѣшанъ въ эту исторію!

— А я всегда предполагала.

— Какъ подумаешь право, чего не происходитъ на свѣтѣ: ну можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиковъ только что пріѣхалъ къ намъ въ городъ, что онъ произведетъ такой страшный маршъ въ свѣтѣ. Ахъ, Анна Григорьевна, если

бы вы знали, какъ я перетревожилась ! если бы не ваша благосклонность и дружба.... вотъ уже точно на краю гибели.... куда-жь ? Машка моя видитъ , что я блѣдна какъ смерть : душечка барыня , говоритъ мнѣ , вы блѣдны какъ смерть. Машка , говорю , мнѣ не до того теперь. Такъ вотъ какой случай ! Такъ и Поздревъ здѣсь , прошу покорно !

Пріятной дамѣ очень хотѣлось вывѣдать дальнѣйшія подробности на счетъ похищенія , то есть въ которомъ часу и прочее , но многого захотѣла. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама прямо отзывалась незнаніемъ. Она не умѣла лгать : предположить что нибудь , это другое дѣло , но и то въ такомъ случаѣ , когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи ; если-жь было почувствовано внутреннее убѣжденіе , тогда умѣла она постоять за себя , и попробовалъ бы какой нибудь дока-адвокатъ , славящійся даромъ побѣждать чужія мнѣнія , попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь , увидѣлъ бы онъ , что значить внутреннее убѣжденіе.

Что обѣ дамы наконецъ рѣшительно убѣдились въ томъ , что прежде предположили только какъ одно предположеніе , въ этомъ ничего нѣтъ необыкновеннаго. Наша братья , народъ умный , какъ мы называемъ себя , поступаетъ почти такъ же ,

и доказательствомъ служатъ наши ученые разсужденія. Сперва ученый подъѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ подлецомъ, начинаетъ робко, умѣренно, начинаетъ самымъ смиреннымъ запросомъ : не оттуда ли ? не изъ того ли угла получила имя такая-то страна ? или : не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому позднѣйшему времени ? или : не нужно ли подѣ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ ? Цитуетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей, и чуть только видитъ какойнибудь намекъ, или просто показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, позабывая вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно — и разсужденіе заключено словами : такъ это вотъ какъ было, такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть, такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ ! Потомъ во всеуслышанье съ кафедры, и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ.

Въ то время, когда обѣ дамы такъ удачно и остроумно рѣшили такое запутанное обстоятельство, вошелъ въ гостиную прокуроръ съ вѣчно неподвижною своею физіономіей, густыми бро-

еями и моргавшимъ глазомъ. Дамы непрерывъ принимались сообщать ему всѣ событія, рассказали о покупке мертвыхъ душъ, о намѣреніи увезти губернаторскую дочку, и сбили его совершенно съ толку, такъ что сколько ни продолжалъ онъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, хлопать лѣвымъ глазомъ и бить себя платкомъ по бородѣ, сметая оттуда табакъ, но ничего рѣшительно не могъ понять. Такъ на томъ и оставили его обѣ дамы и отправились каждая въ свою сторону бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе и хоть бы кто нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли нанустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на положеніе школьника, которому сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны и не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучемъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро

съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ и съ освѣтившеюся рѣчкою; тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусарь. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города. Всякой, какъ баранъ, остановился выпучивъ глаза. Мертвыя души, губернаторская дочка и Чичиковъ сбились и смѣшались въ головахъ ихъ необыкновенно странно; и потомъ уже, послѣ перваго одуренія, они какъ будто бы стали различать ихъ порознь и отдѣлять одно отъ другаго, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дѣло никакъ не хочетъ объясниться. Что-жъ за притча въ самомъ дѣлѣ, что за притча эти мертвыя души? логики нѣтъ никакой въ мертвыхъ душахъ, какъ же покупать мертвыя души? гдѣ-жъ дуракъ такой возьмется! и на какія слѣпые деньги станетъ онъ покупать ихъ? и на какой конецъ, къ какому дѣлу можно приткнуть эти мертвыя души? и за чѣмъ вмѣшалась сюда губернаторская дочка? Если же онъ хотѣлъ увезти ее, такъ за чѣмъ для этого покупать мертвыя души? Если же покупать мертвыя души, такъ за чѣмъ увозить губернаторскую дочку? подарить что ли онъ хотѣлъ ей эти мертвыя души? Что-жъ за

вздоръ въ самомъ дѣлѣ разнесли по городу? Что-жъ за направленье такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и выпускать исторію, и хоть бы какой нибудь смыслъ былъ.... Однако-жъ разнесли, стало быть была же какая нибудь причина? Какая же причина въ мертвыхъ душахъ? даже и причины нѣтъ. Это выходитъ просто: Андроны ѣдутъ, чепуха, билиберда, сапоги въ смятку! это просто чортъ побери!.... Словомъ, пошли толки, толки, и весь городъ заговорилъ про мертвыя души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвыя души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все что ни есть поднялось. Какъ вихорь взметнулся дотолѣ, казалось, дремавшій городъ! Выѣзли изъ поръ всѣ тюрюки и байбаки, которые позалеживались въ халатахъ по нѣскольку лѣтъ дома, сваливая вину то на сапожника, сшившаго узкіе сапоги, то на портнаго, то на пьяницу кучера. Всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знали только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ да Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ полежать и завалиться; которые въ большомъ ходу у насъ на Руси; все равно какъ фраза: заѣхать къ Сонинову и Храповицкому, означающая всякіе мертвецкіе сны на боку, на спинѣ и во всѣхъ иныхъ положеніяхъ, съ захрапами, носовыми свистами и прочими

принадлежностями). Всѣ тѣ, которыхъ не лѣзя было выманить изъ дому даже зазывомъ на расхлебку пятисотъ-рублевой ухи, съ двухъ-аршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками; словомъ, оказалось, что городъ и люденъ, и великъ, и населенъ, какъ слѣдуетъ. Показался какой-то Сысой Пафнутьевичъ и Макдональдъ Карловичъ, о которыхъ и не слышно было никогда; въ гостиниыхъ заторчалъ какой-то длинный, длинный съ прострѣленною рукою такого высокаго роста, какого даже и не видано было. На улицахъ показались крытыя дрожки, невѣдомыя линейки, дребезжалки, колесосвистки — и заварилась каша. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ; подобные слухи, можетъ быть, не обратили бы на себя никакого вниманія; но городъ N. уже давно не получалъ никакихъ совершенно вѣстей. Даже не происходило въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ ничего такого, что называютъ въ столицахъ комеражми, что, какъ извѣстно, для города тоже, что своевременный подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ городской толковнѣ оказались вдругъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія и образовались вдругъ двѣ противоположныя партіи: мужская и женская. Мужская партія, самая безтолковая, обратила вниманіе на мертвыя души. Женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки. Въ этой партіи, надо замѣтить, къ чести дамъ, бы-

ло несравненно болѣе порядка и осмотрительности. Таково уже видно, самое назначеніе ихъ быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Все у нихъ скоро приняло живой, опредѣленный видъ, облеклось въ ясныя и очевидныя формы, объяснилось, очистилось, однимъ словомъ, вышла оконченная картинка. Оказалось, что Чичиковъ давно уже былъ влюбленъ, и видѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ, что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богатъ какъ жидъ, если бы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онъ узнали, что Чичиковъ женатъ — это никому не было вѣдомо), и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору, самое трогательное, и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать никогда не согласятся, рѣшившись на похищеніе. Въ другихъ домахъ разсказывалось это нѣсколько иначе: что у Чичикова нѣтъ вовсе никакой жены, но что онъ, какъ человекъ тонкій и дѣйствующій на-вѣрняка, принималъ, съ тѣмъ, чтобы получить руку дочери, начать дѣло съ матерію, и имѣлъ съ нею сердечную тайную связь, и что потомъ сдѣлалъ декларацію на счетъ руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступленіе, противное, религіи, и чувствуя въ душѣ угрызеніе совѣсти, отказала наотрѣзъ, и что вотъ пото-

му Чичиковъ рѣшился на похищеніе. Ко всему этому присоединялись многія объясненія и поправки по мѣрѣ того, какъ слухи проникали наконецъ въ самыя глухіе переулки. На Руси же общества низшія очень любятъ поговорить о сплетняхъ, бывающихъ въ обществахъ высшихъ, а потому начали обо всемъ этомъ говорить въ такихъ домишкахъ, гдѣ даже въ глаза не видывали и не знали Чичикова, пошлѣ прибавленія и еще большія поясненія. Сюжетъ становился ежеминутно занимательнѣе, принималъ съ каждымъ днемъ болѣе окончательныя формы, и наконецъ такъ какъ есть, во всей своей окончательности, доставленъ былъ въ собственныя уши губернаторши. Губернаторша, какъ мать семейства, какъ первая въ городѣ дама, наконецъ какъ дама, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, была совершенно оскорблена подобными исторіями, и пришла въ негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливос. Бѣдная блондинка выдержала самый непріятный *tête-à-tête*, какой только когда-либо случалось имѣть шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Поились цѣлые потоки распросовъ, допросовъ, выговоровъ, угрозъ, упрековъ, увѣщаній, такъ что дѣвушка бросилась въ слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару данъ былъ строжайшій приказъ не принимать ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ Чичикова.

Сдѣлавши свое дѣло относительно губерна-
торши, дамы настѣли было на мужскую партію,
пытаясь склонить ихъ на свою сторону и утверж-
дая, что мертвыя души выдумка и употреблена
только для того, чтобы отвлечь всякое подозрѣ-
ніе и успѣшнѣе произвести похищеніе. Многіе да-
же изъ мушницъ были совращены и пристали къ
ихъ партіи, не смотря на то, что подвергнулись
сильнымъ нареканіямъ отъ своихъ же товарищей,
обругавшихъ ихъ бабами и юбками, имспами, какъ
извѣстно, очень обидными для мужескаго пола.

Но какъ ни вооружались и ни противились
мушницы, а въ ихъ партіи совсѣмъ не было тако-
го порядка, какъ въ женской. Все у нихъ было
какъ-то черство, неотесанно, пеладно, негожо, не-
стройно, нехорошо, въ головѣ кутерьма, сутоло-
ка, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ — од-
нимъ словомъ, такъ и вызначилась во всемъ пу-
стая природа мушницы, природа грубая, тяжелая,
неспособная ни къ домостроительству, ни къ сер-
дечнымъ убѣжденіямъ, маловѣрная, лѣнивая, испол-
ненная непрерывныхъ сомнѣній и вѣчной боязни.
Они говорили, что все это вздоръ, что похищеніе
губернаторской дочки болѣе дѣло гусарское, нежели
гражданское, что Чичиковъ не сдѣлаетъ этого,
что бабы врутъ, что баба что мѣшокъ, что по-
ложить то несутъ, что главный предметъ, на ко-

торый нужно обратить вниманіе , есть мертвыя души , которыя впрочемъ , чортъ его знаетъ , что значать , но въ нихъ заключено , однакожь весьма скверное , нехорошее. Почему казалось мужчинамъ , что въ нихъ заключалось скверное , и нехорошее , сію минуту узнаемъ : въ губернію назначенъ былъ новый Генераль - Губернаторъ , событіе , какъ извѣстно , приводящее чиновниковъ въ тревожное состояніе : пойдутъ переборки , распеканья , взбутетениванья и всякія должностныя похлебки , которыми угощаетъ начальникъ своихъ подчиненныхъ ! Ну что , думали чиновники , если онъ узнаетъ только просто , что въ городѣ ихъ вотъ де какіе глупые слухи , да за это одно можетъ вскипятить не на жизнь , а на самую смерть. Инспекторъ Врачебной Управы вдругъ поблѣднѣлъ : ему представилось Богъ знаетъ что ; не разумѣются ли подъ словомъ мертвыя души больные , умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и въ другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки , противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ , и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи Генераль-Губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія. Онъ сообщилъ объ этомъ предсѣдателю. Предсѣдатель отвѣчалъ , что это вздоръ и потомъ вдругъ поблѣднѣлъ самъ , задавъ себѣ вопросъ : а что если души , купленные Чичиковымъ , въ самомъ дѣлѣ

мертвые? а онъ допускаетъ совершить на нихъ крѣпость, да еще самъ сыгралъ роль повѣреннаго Плюшкина, и дойдетъ это до свѣдѣнія Генераль-Губернатора, что тогда? Онъ объ этомъ больше ничего какъ только сказалъ тому и другому, и вдругъ поблѣднѣли и тотъ и другой; страхъ приличивѣе чумы и сообщается вмигъ. Всѣ вдругъ отыскивали въ себѣ такіе грѣхи, какихъ даже не было. Слово: мертвые души, такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, нѣтъ ли здѣсь какого намска на скоропостижно погребенныя тѣла, въ слѣдствіе двухъ, не такъ давно случившихся событій. Первое событіе было съ какими-то Сольвычегодскими купцами, пріѣхавшими въ городъ на ярмарку и задавшими послѣ торговъ пирушку пріятелямъ своимъ Устьсыольскимъ купцамъ, пирушку на русскую ногу съ нѣмецкими затѣями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, какъ водится, кончилась дракой. Сольвычегодскіе уходили на смерть Устьсыольскихъ, хотя и отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ мышечки, и въ подсочельникъ, свидѣтельствовавшую о непомѣрной величинѣ кулаковъ, которыми были снабжены покойники. У одного изъ восторжествовавшихъ даже былъ вплоть скелетъ носомъ по выраженію бойцовъ, то есть весь размозженъ носъ, такъ что не оставалось сго на лицѣ и на пальца. Въ дѣлѣ своемъ купцы повинились, изъ-

ясняясь, что немного пощалили; носились слухи, будто при повинной головѣ они приложили по четыре государственныхъ каждый; впрочемъ дѣло слишкомъ темное; изъ учиненныхъ выправокъ и слѣдствій оказалось, что Устьысольскіе ребята умерли отъ угара, а потому такъ ихъ и похоронили, какъ угорѣвшихъ. Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-спѣсь, соединившись съ таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово - тожь, снесли съ лица земли будто бы земскую полицію въ лицѣ застѣателя, какого - то Дробляжкина, что будто земская полиція, то есть застѣатель Дробляжкинъ повадился ужъ черезъ чуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что въ иныхъ случаяхъ стоить повальной горячки, а причина де та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывался на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Навѣрное впрочемъ неизвѣстно, хотя въ показаніяхъ крестьяне выразились прямо, что земская полиція былъ де блудливъ какъ кошка, и что уже не разъ они его оберегали, и одинъ разъ даже выгнали нагишомъ изъ какой-то избы, куда онъ было забрался. Конечно, земская полиція достоинъ былъ наказанія за сердечныя слабости, но мужиковъ какъ Вшивой-спѣси, такъ и Задирайлова-тожь, нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только дѣйствительно участвовали

въ убіеніи. Но дѣло было темно, земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сертукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки; а ужъ фізіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило наконецъ въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсуждено въ такомъ смыслѣ: такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много, Дробяжкинъ же человѣкъ мертвый, стало быть ему не много въ томъ проку, если бы даже онъ и выигралъ дѣло, а мужики были еще живы, стало быть для нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то въ слѣдствіе того рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкинъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вишовой-спѣси и Задирайлова-тожъ, а умеръ же онъ, возвращаясь въ санихъ, отъ апоплексическаго удара. Дѣло казалось бы обдѣлано было кругло, но чиновники, неизвѣстно почему, стали думать, что вѣрно объ этихъ мертвыхъ душахъ идетъ теперь дѣло. Случись же такъ, что какъ нарочно въ то время, когда господа чиновники и безъ того находились въ затруднительномъ положеніи, пришли къ губернатору разомъ двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ содержалось, что по дошедшимъ показаніямъ и донесеніямъ находится въ ихъ губерніи дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, скрывающійся подъ разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжай-

шее розысканіе. Другая бумага содержала въ себѣ отношеніе губернатора сосѣдственной губерніи о убѣжавшемъ отъ законнаго преслѣдованія разбойникѣ, и что буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человѣкъ, не предъявляющій никакихъ свидѣтельствъ ни пашпортовъ, то задержать его немедленно. Эти двѣ бумаги такъ и ошеломили всѣхъ. Прежнія заключенія и догадки совсѣмъ были сбиты съ толку. Конечно, никакъ не слѣзало было предполагать, чтобы тутъ что-нибудь было, что-нибудь къ Чичикову, но однакожь всѣ, какъ : поразмыслили каждый съ своей стороны, какъ : припомнили, что они еще не знаютъ, кто таковъ на самомъ дѣлѣ есть Чичиковъ, что онъ самъ весьма неясно отзывался на счетъ собственнаго лица, говорилъ правда, что потерялъ по службѣ за правду, да вѣдь все это какъ-то неясно, и когда вспомнили при этомъ, что онъ даже выразился, будто имѣлъ много непріятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще болѣе: стало быть, жизнь его была въ опасности, стало быть его преслѣдовали, стало быть онъ вѣдь сдѣлалъ же что-нибудь такое.... да кто же онъ въ самомъ дѣлѣ такой? Конечно, нельзя думать, чтобы онъ могъ дѣлать фальшивыя бумажки, а тѣмъ болѣе быть разбойникомъ, наружность благонамѣренна, но при всемъ томъ, кто же бы однакожь онъ былъ такой на самомъ дѣлѣ? И вотъ

господа чиновники задали себѣ теперь вопросъ, который должны были задать себѣ вначалѣ; то есть въ первой главѣ нашей поэмы. Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько распросовъ тѣмъ, у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, что за покупка и что именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не объяснилъ ли онъ кому, хоть можетъ быть невзначай, хоть вскользь какънибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ комунибудь о томъ, кто онъ такой. Прежде всего отнеслись къ Коробочкѣ, по тутъ почерпнули немного: купилъ - де за пятнадцать рублей и птичьи перья тоже покупаетъ и много всего общался анакупить, въ казну само тоже ставить, и потому навѣрно плутъ, ибо ужъ былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну само поставлялъ, да обманулъ всѣхъ, и протопопшу надулъ болѣе, чѣмъ на сто рублей. Все, что ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коробочка была просто глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться какъ за самого себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобы имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отзывался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей на счетъ

дружбы уже съ зажмуренными глазами. Этѣ мысли конечно удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящаго дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человекъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогъ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болезней есть на свѣтѣ не мало и бываютъ примѣры, что вымираютъ-де цѣлыя деревни. Господа чинс-вники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое однако-же иногда употребляется, то есть стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей на счетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина, но услышали тоже немного. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилаго покоя, а отъ Селифана, что сполнялъ службу государскую, да служилъ прежде по таможнѣ и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чемъ нибудь, онъ никогда не вспомнить, не приберетъ всего въ голову и даже просто отвѣтитъ, что не знаетъ, а если спросить о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и при-

плететь его, и расскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь. Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ, что такое Чичиковъ; а что однако-же Чичиковъ что нибудь да долженъ быть непременно. Они положили наконецъ потолковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить покрайней мѣрѣ, что и какъ имъ дѣлать, и какія мѣры предпринять, и что такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ какъ неблагонамѣренныхъ. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицмейстера, уже извѣстнаго читателямъ, отца и благодѣтеля города.

ГЛАВА X.

218117

Обравшись у полицмейстера, уже известна-
го читателямъ отца и благодѣтеля города, чинов-
ники имѣли случай замѣтить другъ другу, что
они даже похудѣли отъ этихъ заботъ и тревогъ.
Въ самомъ дѣлѣ назначеніе новаго Генераль-Губер-
натора и эти полученныя бумаги такого сурьез-
наго содержанія и эти Богъ знаетъ какіе слухи,
все это оставило замѣтные слѣды въ ихъ лицахъ,
и фраки на многихъ сдѣлались замѣтно просторнѣй.
Все подалось: и предсѣдатель похудѣлъ, и инспек-
торъ врачебной управы похудѣлъ, и прокуроръ
похудѣлъ, и какой-то Семенъ Ивановичъ, никогда
не называвшійся по фамиліи, носившій на указа-
тельномъ пальцѣ перстень, который давалъ раз-

смаатривать дамамъ , даже и тотъ похудѣлъ. Конечно, нашлись, какъ и вездѣ бываетъ, кое-кто перобкаго десятка , которые не теряли присутствія духа , но ихъ было весьма немного. Почтмейстеръ одинъ только. Онъ одинъ не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить : знаемъ мы васъ , генералъ - губернаторовъ ! Васъ можетъ быть три-четыре перемѣнится , а я вотъ уже тридцать лѣтъ , судырь мой , сижу на одномъ мѣстѣ. На это обыкновенно замѣчали другіе чиновники : хорошо тебѣ шпрехенъ зи дейчъ Иванъ Андрейчъ ; у тебя дѣло почтовое : принять , да отправить экспедицію , развѣ только надуешь , заперши присутствіе часомъ раньше , да возмешь съ опоздаващаго купца за пріемъ письма въ неуказное время , или перешмешь иную посылку , которую не слѣдуетъ пересылать , тутъ конечно , всякой будетъ святой. А вотъ пусть къ тебѣ повадится чортъ подвертываться всякой день подъ руку , такъ что вотъ и не хочешь брать , а онъ самъ суеть. Тебѣ разумѣется съ пола-горя , у тебя одинъ сынишка , а тутъ братъ Прасковью Федоровну на дѣлалъ Богъ такую благодатию , что годъ , то несть : илибо Праскушку , либо Петрушу , тутъ , братъ , другое запоешь. Такъ говорили чиновники , а можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта , объ этомъ судить не авторское дѣло. Въ

собравшемся на сей разъ совѣтъ, очень замѣтно было отсутствіе той необходимой вещи, которую въ простонародіи называютъ толкомъ. Вообще мы какъ-то не создались для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это, видно уже, народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить, или пообѣдать, какъ-то клубы и всякіе воксалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть пожалуй на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и нивѣсть - какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя занимается тутъ же для комитета великолѣпная кварти-

ра, съ отопленіемъ и сторожами, а за тѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякой суетъ какую нибудь свою куму. Впрочемъ собравшееся нынѣ совѣщаніе было совершенно другаго рода: оно образовалось въ слѣдствіе необходимости. Не о какихъ-либо бѣдныхъ или постороннихъ шло дѣло, дѣло касалось всякаго чиновника лично, дѣло касалось бѣды, всѣмъ равно грозившей, стало быть поневоля тутъ должно быть единодушіе, тѣснѣе. Но при всемъ томъ вышло чортъ знаетъ что такое. Не говоря уже о разногласіяхъ, свойственныхъ всѣмъ совѣтамъ, во мнѣніи собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерѣшительность: одинъ говорилъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій и потомъ самъ прибавлялъ: а можетъ быть и не дѣлатель; другой утверждалъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи и тутъ же присовокуплялъ: а впрочемъ чортъ его знаетъ, на лбу вѣдь не прочтешь. Противъ догадки, не переодѣтый ли разбойникъ, вооружились всѣ; нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благонамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько ми-

путь погруженнымъ въ какое-то размышленіе, въ слѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, остигнувшаго его, или чего инаго, вскрикнулъ неожиданно: знаете ли, господа, кто это? Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что-то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время: а кто? — Это господа, судырь мой, никто другой, какъ капитанъ Копѣйкинъ! А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили: кто таковъ этотъ капитанъ Копѣйкинъ? — почтмейстеръ сказалъ: такъ вы не знаете, кто такой капитанъ Копѣйкинъ?

Всѣ отвѣчали, что никакъ не знаютъ, кто таковъ капитанъ Копѣйкинъ.

— Капитанъ Копѣйкинъ, сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только въ половину, изъ боязни, чтобы кто нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ. Капитанъ Копѣйкинъ, сказалъ почтмейстеръ, уже понюхавши табакъ, да вѣдь это впрочемъ если рассказать, выйдетъ презанимательная для какого нибудь писателя въ некоторомъ родѣ цѣлая поэма.

Всѣ присутствующіе изъявили желаніе узнать эту исторію, или, какъ выразился почтмейстеръ, презанимательную для писателя въ некоторомъ родѣ цѣлую поэму, и онъ началъ такъ:

ПОВѢСТЬ О КАПИТАНѢ КОПЪЙКИНѢ.

— Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, судырь ты мой, такъ началъ почтмейстеръ, не смотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Пролетная голова, приведливъ какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ и подъ арестомъ, всего отвѣдалъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить: ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не успѣли сдѣлать на счетъ раненыхъ никакихъ знаете, эдакихъ распоряженій; этотъ какой нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ какомъ родѣ послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу, отецъ говоритъ: мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я, можете представить себѣ, самъ едва достаю хлѣбъ. Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, судырь мой, въ Петербургъ, чтобы хлопотать по начальству, не будетъ ли какого вспоможенья.

Какъ-то тамъ знаете, съ обозами, или фурами казенными, словомъ, судырь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ : эдакой, какойнибудь то есть, капитанъ Копѣйкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ міръ! вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная шехерезада, понимаете, эдакая. Вдругъ какойнибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ знаете какаянибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ эдакая какаянибудь Литейная; тамъ шпицы эдакой какойнибудь въ воздухъ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то есть, прикосновенія — словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое понимаете, ковры-Персія, судырь мой, такая... словомъ, относительно такъ сказать, погой, попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, изъ какихънибудь десяти синюговъ, да серебра мѣлочъ. Ну, деревни на это не купишь, то есть и купишь можетъ быть, если приложишь тысячь сорокъ, да сорокъ-

то тысячъ нужно занять у Французскаго Короля. Ну, какъ-то тамъ приютился въ Ревельскомъ трактирѣ, за рубль въ сутки; обѣдъ, щи, кусокъ битой говядины.... Видить: заживаться нечего. Разспросилъ куда обратиться. Чтожъ куда обратиться? Говорятъ, высшаго начальства нѣтъ теперь въ столицѣ, все это понимаете въ Парижѣ, войска не возвращались, а есть говорятъ временная комиссія. Попробуйте, можетъ быть что нибудь тамъ могутъ. Пойду въ комиссію, говоритъ Копѣйкинъ, скажу: такъ и такъ, проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь, относительно сказать жизнию жертвовалъ. Вотъ, судырь мой, вставши пораньше, поскребъ онъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цирюльнику, это составитъ въ нѣкоторомъ родѣ счетъ, натащилъ на себя мундиришка, и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился въ комиссію. Разспросилъ, гдѣ живетъ начальникъ. Вонъ, говорятъ, домъ на набережной: избенка, понимаете, мужичья: стеклушки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутора-саженныя зеркала, мраморы, лаки, судырь ты мой.... словомъ, ума помраченье! Металлическая ручка какая нибудь у двери комфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде понимаете нужно забѣжать въ лавочку, да купить на грошъ мыла, да часа съ два въ нѣкоторомъ родѣ тереть имъ руки, да ужъ послѣ развѣ можно взяться за

пес. Одинъ швейцаръ на крыльцѣ, съ булавою : графская эдакая физіогномія, батистовые воротнички, какъ откормленный жирный мопсъ какойнибудь.... Копѣйкинъ мой всталился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какуюнибудь Америку, или Индію — раззолоченую, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумеется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что пришелъ еще въ такое время, когда начальникъ въ нѣкоторомъ родѣ едва поднялся съ постели и камердинеръ поднесъ ему какуюнибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ : сейчасъ начальникъ выйдетъ. А въ комнатѣ ужъ и эполетъ и эксельбантъ, пароду какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, судырь мой, выходитъ начальникъ. Ну.... можете представить себѣ : начальникъ ! въ лицѣ, такъ сказать.... ну сообразно съ званіемъ, понимаете.... съ чиномъ.... такое и выраженіе, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ ; подходитъ къ одному, къ другому: зачѣмъ вы, зачѣмъ вы, что вамъ угодно, какое ваше дѣло? Наконецъ, судырь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ : такъ и такъ, говорить, проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ

родъ руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомошествованія, какихъ нибудь эдакихъ распоряженій на счетъ относительно такъ сказать вознагражденія, пансіона что ли, понимаете. Начальникъ видитъ: человекъ на деревяшкѣ и правой рукавъ пустой пристегнуть къ мундиру: »хорошо, говоритъ, понавѣдайтесь на дняхъ!« Копѣйкинъ мой въ восторгѣ: ну, думаетъ, дѣло сдѣлано. Въ духѣ можете вообразить такомъ подпрыгиваетъ по тротуару: зашелъ въ Палкинской трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, судырь мой, въ Лондонѣ, приказалъ себѣ подать котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ, кутнулъ во всю лопатку такъ сказать. На тротуарѣ видитъ: идетъ какая-то стройная Англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить эдакой. Мой Копѣйкинъ, кровь-то знаете разыгралась, побѣждалъ было за ней на своей деревяшкѣ: трюхъ-трюхъ слѣдомъ, да нѣтъ, подумалъ, на время къ чорту волокитство, пусть послѣ, когда получу пенсіонъ, теперь ужь я что-то слишкомъ расходился. А промоталъ онъ между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ! Дня черезъ три-четыре является онъ, судырь ты мой, въ комиссію, къ начальнику. »Пришелъ, говоритъ, узнать: такъ

и такъ , по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами.... проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь....» и тому подобное , понимаете , въ должностномъ слогѣ. »А что, говоритъ начальникъ , прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите , какое тѣперь время. Военныя дѣйствія относительно такъ сказать еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра , потерпите. Тогда будьте увѣрены , вы не будете оставлены. А если вамъ нечѣмъ жить , такъ вотъ вамъ , говоритъ , сколько могу«.... Ну и понимаете , далъ ему конечно немного , но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ , разрѣшеній. Но Копѣйкину моему не того хотѣлось. Онъ-то уже думалъ , что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какойнибудь эдакой кушъ : на тебѣ , голубчикъ , псѣ да веселись ; а вмѣсто того жди. А ужъ у него , понимаете , въ головѣ и Англичанка и суплеты и котлеты всякіе. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца какъ пудель , котораго поваръ облилъ водой , и хвостъ у него между ногъ и уши повисли. Жизнь-то петербургская его ужс поразобрала , кое-чего онъ уже и попробовалъ. А тутъ живи чортъ знаетъ какъ , сластей понимаете никакихъ. Ну , а человѣкъ-то свѣжій , живой , аппе-

титъ просто волчій. Проходить мимо эдакаго ка-кого нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете себя представить, иностранецъ, французъ эдакой съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный въ нѣкоторомъ родѣ снѣгамъ, работаетъ фензеръ какой нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, словомъ, разсупе-делика-сетъ такой, что просто себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штукча, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей, словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно такъ сказать слюнки текутъ, а онъ жди. Такъ представьте себя его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названьемъ: завтра. Ну ужъ, думаетъ, какъ они тамъ себя хотятъ, а я пойду, говорить, подыму всю комиссію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите! И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, на-янь эдакой, толку-то понимаете въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ комиссію: ну что, говорятъ, зачѣмъ еще? вѣдь вамъ ужъ сказано. »Да что, говорить, я не могу, говорить, перебиваться кое-

какъ. Мнѣ нужно, говоритъ, съѣсть и котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театрѣ, понимаете.» Ну ужь, говоритъ начальникъ, извините. На счетъ этого есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выдетъ резолюція, и безъ сомнѣнія вы будете вознаграждены какъ слѣдуетъ; ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ, приносившій относительно такъ сказать услуги отечеству, былъ оставленъ безъ признанія. Но если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками и въ театрѣ, понимаете, такъ ужь тутъ извините. Въ такомъ случаѣ ищите сами себѣ средствъ, старайтесь сами себѣ помочь. Но Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ ушѣ не дуешь. Слова-то ему эти какъ горохъ къ стѣнѣ. Шумъ поднялся такой, всѣхъ распушилъ! всѣхъ тамъ этихъ, секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить: да вы, говоритъ, то, говоритъ! да вы, говоритъ, это, говоритъ! да вы, говоритъ, обязанностей своихъ не знаете! да вы, говоритъ, законопродавцы, говоритъ! Всѣхъ отшлепалъ. Тамъ какой-то чиновникъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то, даже вовсе посторонняго вѣдомства—онъ судыръ мой, и его! Бунтъ поднялъ такой. Что прикажешь дѣлать съ эдакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть относительно такъ сказать къ мѣрамъ строгости. «Хорошо, го-

ворить, если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что даютъ вамъ, и ожидать спокойно въ нѣкоторомъ родѣ здѣсь въ столицѣ рѣшенія вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. Позвать, говорить, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!» А фельдъ-егерь ужь тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроенная для ямщиковъ — словомъ, дантистъ эдакой.... Вотъ его раба Божія въ тележку, да съ фельдъ-егеремъ. Ну, Копѣйкинъ думаетъ, покрайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то. Ъдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егеря, да ѣдучи на фельдъ-егеря, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ тебѣ: »Хорошо, говорить, вотъ ты молъ говоришь, чтобы я самъ себя поискалъ средствъ и помогъ бы, хорошо, говорить, я, говорить, найду средства!» Ну ужь какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается можно сказать нить завязки романа. И такъ куда дѣлся Копѣйкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ Рязанскихъ лѣ-

сахъ шайка разбойниковъ , и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой , не кто другой....

— Только позволь, Иванъ Андреевичъ, сказалъ вдругъ прервавши его почтмейстеръ : вѣдь капитанъ Копѣйкинъ , ты самъ сказалъ , безъ руки и ноги , а у Чичикова....

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего размаха рукой по своему лбу , назвавши себя публично при всѣхъ телятиной. Онъ не могъ понять , какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа , и сознался , что совершенно справедлива поговорка: Русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Однакожь минутою спустя , онъ тутъ же сталъ хитрить и попробовалъ было вывернуться , говоря , что впрочемъ въ Англіи очень усовершенствована механика , что видно по газетамъ , какъ одинъ изобрѣлъ деревянныя ноги такимъ образомъ , что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ уносили этѣ ноги человека Богъ знаетъ въ какія мѣста , такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было.

Но всѣ очень усумнились , чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копѣйкинъ , и нашли , что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко. Впрочемъ они съ своей стороны тоже не ударили лицомъ въ грязь , и наведенные остроумной догадкой почтмейстера , забрели едва ли не далье. Изъ

числа многихъ въ своемъ родѣ смѣливыхъ предположеній было наконецъ одно, странно даже и сказать: что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что Англичанинъ издавна завидуетъ, что дескать Россія такъ велика и обширна, что даже нѣсколько разъ выходили и карикатуры, гдѣ Русской изображенъ разговаривающимъ съ Англичаниномъ. Англичанинъ стоитъ и сзади держитъ на веревкѣ собаку и подъ собакой разумѣется Наполеонъ. Смотри-моль, говоритъ если что не такъ, такъ я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку! и вотъ теперь они можетъ быть и выпустили его съ острова Елены, и вотъ онъ теперь и пробирается въ Россію будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.

Конечно, повѣрить этому чиновники не повѣрили, а впрочемъ призадумались и, рассматривая это дѣло каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если онъ поворотится и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона. Полцимейстеръ, который служилъ въ кампанію 12 года и лично видѣлъ Наполеона, не могъ тоже не сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова и что складомъ своей фигуры Наполеонъ тоже не лѣзя сказать, чтобы слишкомъ толстъ, однакожь и не такъ чтобы тонокъ. Можетъ быть нѣкоторые читатели назовутъ все это невѣроят-

нымъ , авторъ тожь въ угоду имъ готовъ бы называть все это невѣроятнымъ ; но какъ на бѣду все именно произошло такъ , какъ рассказывается . Впрочемъ нужно помнить , что все это происходило вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія Французовъ . Въ это время всѣ наши помѣщики , чиновники , купцы , сидѣльцы и всякій грамотный и даже неграмотный народъ сдѣлался , по крайней мѣрѣ , на цѣлыя восемь лѣтъ заклатыми политиками . Московскія вѣдомости и Сынъ отечества зачитывались немилосердо и доходили къ послѣднему чтенію въ кусочкахъ , негодныхъ ни на какое употребленіе . Въ-сто вопросовъ : почему , батюшка , продали мѣру овса ? какъ воспользовались вчерашней порошій ? говорили : а что пишутъ въ газетахъ , не выпустили ли опять Наполеона изъ острова ? Купцы этого сильно опасались , ибо совершенно вѣрили предсказанію одного предвѣщателя , уже три года сидѣвшаго въ острогѣ ; предвѣщатель пришелъ неизвѣстно откуда въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ , страшно отзывавшемся тухлой рыбой , и возвѣстилъ , что Наполеонъ ссть антихристъ и держится на каменной цѣпи , за шестью стѣнами и семью морями , но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ . Предвѣщатель за предсказаніе попалъ , какъ слѣдуетъ , въ острогъ , но тѣмъ не менѣе дѣло свое сдѣлалъ и смутилъ совершенно купцовъ . Долго еще во время даже самыхъ прибыточныхъ сдѣ-

люкъ, купцы, отправляясь въ трактиръ запивать ихъ чаемъ, поговаривали объ антихристѣ. Многіе изъ чиновниковъ и благороднаго дворянства тоже невольно подумывали объ этомъ, и зараженные мистицизмомъ, который, какъ извѣстно, былъ тогда въ большой модѣ, видѣли въ каждой буквѣ, изъ которыхъ было составлено слово Наполеонъ, какое-то особенное значеніе; многіе даже открыли въ немъ апокалипсическія цифры. И такъ ничего нѣтъ удивительнаго, что чиновники невольно задумались на этомъ пунктѣ; скоро однако-же спохватились, замѣтивъ, что воображеніе ихъ уже черезъ чуръ рысисто и что все это не то. Думали, думали, толковали, толковали, и наконецъ рѣшили, что не худо бы еще разспросить хорошенько Поздрева. Такъ какъ онъ первый вынесъ исторію о мертвыхъ душахъ, и былъ, какъ говорится, въ какихъ-то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичиковымъ, стало быть, безъ сомнѣнія, знаетъ кое-что изъ обстоятельствъ его жизни, то попробовать еще, что скажетъ Поздревъ.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и всѣ прочія званія: вѣдь очень хорошо знали, что Поздревъ лгунъ, что ему нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, ни въ самой бездѣлицѣ, а между тѣмъ именно прибѣгнули къ нему. Поди ты сладъ съ человѣкомъ! не вѣрить въ Бога, а

вѣрить, что если почешется переносье, то непременно умретъ; пропустить мимо созданіе поэта, ясное какъ день: все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, гдѣ какой нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать: вотъ оно, вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца! всю жизнь не ставить въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится наконецъ къ бабѣ, которая лечитъ зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой нибудь декоктъ изъ нивѣсть какой дряни, которая, Богъ знаетъ, почему вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни. Конечно, можно отчасти извинить господъ чиновниковъ дѣйствительно затруднительнымъ ихъ положеніемъ. Утопающій, говорятъ, хватается и за маленькую щепку, и у него нѣтъ въ это время разсудка подумать, что на щепкѣ можетъ развѣ прокатиться верхомъ муха, а въ немъ вѣсу чуть не четыре пуда, если даже не цѣлыхъ пять; но не приходитъ ему въ то время соображеніе въ голову и онъ хватается за щепку. Такъ и господа наши ухватились наконецъ и за Поздрева. Полцмейстеръ въ ту-же минуту написалъ къ нему записочку пожаловать на вечеръ, и квартальный въ ботфортахъ, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ, побѣжалъ въ ту-же ми-

пугу, придерживая шпагу, въ прискокку на квартиру Поздрева. Поздревъ былъ занятъ важнымъ дѣломъ; цѣлые четыре дня уже не выходилъ онъ изъ комнаты, не впускалъ никого и получалъ обѣдъ въ окошко, — словомъ, даже исхудалъ и позеленѣлъ. Дѣло требовало большой внимательности: оно состояло въ подбораніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной талии, по самой мѣткой, на которую можно было бы понадеяться какъ на вѣрнѣйшаго друга. Работы оставалось еще, покрайней мѣрѣ, на двѣ недѣли: во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ. Поздревъ былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе; прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту, но когда прочиталъ въ запискѣ городничаго, что можетъ случиться пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого-то повичка, смягчился въ тужъ минуту, заперъ комнату наскоро ключемъ, одѣлся какъ попало и отправился къ нимъ. Показанія, свидѣтельства и предположенія Поздрева представили такую рѣзкую противоположность таковымъ же господъ чиновниковъ, что и послѣднія ихъ догадки были сбиты съ толку. Это былъ рѣшительно человекъ, для котораго не существовало сомнѣній вовсе; и сколько у нихъ замѣтно было шаткости и робо-

сти въ предположеніяхъ, столько у него твердости и увѣренности. Онъ отвѣчалъ на все пункты, даже не заикнувшись, объявилъ, что Чичиковъ купилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ, и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать; на вопросъ, не шпионъ ли онъ и не старается ли что нибудь развѣдать, Поздrevъ отвѣчалъ, что шпионъ, что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его познмали, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 пѣвковъ, то ссть онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалось какъ то само собою. На вопросъ, не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ, онъ отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова, какъ узнавши, что въ его домѣ находимось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, и какъ Чичиковъ перемѣнилъ ихъ все въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что все были ассигнаціи настоящія. По вопросъ, точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что онъ самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ, Поздrevъ отвѣчалъ, что помогалъ и

что если бы не онъ, то не вышло бы ничего, тутъ онъ и спохватился было, видя, что солгалъ вовсе напрасно и могъ такимъ образомъ накликать на себя бѣду, но языка никакъ уже не могъ придержать. Впрочемъ и трудно было, потому что представились сами собою такія интересныя подробности, отъ которыхъ никакъ нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, гдѣ находилась та приходская церковь, въ которой положено было вѣнчаться, именно деревня Трухмачевка, попъ отецъ Сидоръ, за вѣнчаніе 75 рублей, и то не согласился бы, если бы онъ не припугнулъ его, обѣщаясь донести на него, что перевѣнчалъ лобазника Михайла на кумъ, что онъ уступилъ даже свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей. Подробности дошли до того, что уже начиналъ называть по именамъ ямщиковъ. Попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздревъ понесъ такую околесину, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже просто ни на что не имѣла подобія, такъ что чиновники вздохнувши, всѣ отошли прочь; одинъ только полицмейстеръ долго еще слушалъ, думая, не будетъ ли, по крайней мѣрѣ, чего нибудь далѣе, но наконецъ и рукой махнулъ, сказавши: чортъ знаетъ что такое! И всѣ согласились въ томъ, что какъ съ быкомъ ни

биться, а все молока отъ него не добиться. И остались чиновники еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ были прежде, и рѣшилось дѣло тѣмъ, что никакъ не могли узнать: что такое былъ Чичиковъ. И оказалось ясно, какаго рода созданье человекъ: мудръ, уменъ, и толковъ онъ бываетъ во всемъ, что касается другихъ, а не себя: какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдить онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! Экая расторопная голова! кричитъ толпа, какой неколебимый характеръ! А нанесись на эту расторопную голову какая нибудь бѣда и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни, куды дѣлся характеръ, весь растерялся неколебимый мужъ и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или просто Остюкъ, какъ называетъ Ноздревъ.

Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ какъ говорится ни съ того ни съ другаго умеръ. Параличемъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: »ахъ, Боже мой!« послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже одно без-

душное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была точно душа, хотя онъ по скромности своей никогда ея не показывалъ. А между тѣмъ появленіе смерти такъ-же было страшно въ маломъ, какъ страшно оно и въ великомъ человѣкѣ: тотъ, кто еще не такъ давно ходилъ, двигался, игралъ въ вистъ, подписывалъ разныя бумаги и былъ такъ часто видѣнъ между чиновниковъ съ своими густыми бровями и мигающимъ глазомъ, теперь лежалъ на столѣ, лѣвый глазъ уже не мигалъ вовсе, но бровь одна все еще была приподнята съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ. О чемъ покойникъ спрашивалъ, за чѣмъ онъ умеръ, или за чѣмъ жилъ, объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ.

Но это однакожъ несообразно! это несогласно ни съ чѣмъ! это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя; создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно къ чему дѣло! Такъ скажутъ многіе читатели и укорятъ автора въ несообразностяхъ или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому, что щедръ человѣкъ на слово: дуракъ, и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ мимо девяти хорошихъ. Читателямъ

легко судить, глядя изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открыть весь горизонтъ на все, что дѣлается внизу, гдѣ челоуѣку виденъ только близкій предметъ. И во всемірной лѣтописи челоуѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя казалось бы вычеркнулъ и уничтожилъ какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы казалось теперь не сдѣлалъ и ребенокъ. Какія искривленные, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону дороги избирало челоуѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ предъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной Царю въ чертоги. Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его въ глухой темнотѣ текли люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходящимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захластья, умѣли паустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли-таки добратъся до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: гдѣ выходъ, гдѣ дорога? Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденьямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что

небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отсюда устремленъ пронзительный перстъ; на него же, на него, на текущее поколѣніе, но смѣется текущее поколѣніе, и самопадѣнно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки.

Чичиковъ ничего обо всемъ этомъ не зналъ совершенно. Какъ нарочно въ то время онъ получилъ легкую простуду, флюсъ и небольшое воспаление въ горлѣ, въ раздѣхъ которыхъ чрезвычайно щедръ климатъ многихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Чтобы не прекратимась, Боже сохрани, какъ нибудь жизнь безъ потомковъ, онъ рѣшился лучше посидѣть денька три въ комнатѣ. Въ продолженіи сихъ дней онъ полоскалъ безпрестанно горло молокомъ съ фигой, которую потомъ съѣдалъ, и носилъ привязанную къ щекѣ подушечку изъ ромашки и камфоры. Желая чѣмъ нибудь занять время, онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ и подробныхъ списковъ всемъ купленнымъ крестьянамъ, прочиталъ даже какой-то томъ герцогини Лавальеръ, отыскавшійся въ чемоданѣ, пересмотрѣлъ въ ларцѣ разные, находившіеся тамъ предметы и записочки, кое-что перечелъ и въ другой разъ, и все это прискучило ему сильно. Никакъ не могъ онъ понять, что бы значило, что ни одинъ

изъ городскихъ чиновниковъ не прѣхалъ къ нему, хоть бы разъ навѣдаться о здоровьѣ, тогда какъ еще недавно то и дѣло стояли передъ гостиницей дрожки то почтмейстерскія, то прокурорскія, то предсѣдательскія. Онъ пожималъ только плечами, ходя по комнатахъ. Наконецъ, почувствовалъ онъ себя лучше, и обрадовался. Богъ знаетъ, какъ, когда увидѣлъ возможность выйти на свѣжій воздухъ. Не откладывая, принялся онъ немедленно за туалетъ, отперъ свою шкатулку, налилъ въ стаканъ горячей воды, вынулъ щотку и мыло и расположился бриться, чему впрочемъ давно была пора и время: потому что, пощупавъ бороду рукою и взглянувъ въ зеркало, онъ уже произнесъ: экъ какіе пошли писать лѣса! И въ самомъ дѣлѣ лѣса не лѣса, а по всей щекѣ и подбородку вѣсыпалъ довольно густой посѣвъ. Выбрившись, принялся онъ за одѣванье живо и скоро, такъ что чуть не выпрыгнулъ изъ панталонъ. Наконецъ онъ былъ одѣтъ, вспрыснутъ одеколономъ, и закутанный потеплѣе, выбрался на улицу, завязавши изъ предосторожности щеку. Выходъ его, какъ всякаго выздоровѣвшаго чловѣка, былъ точно праздничный. Все, что ни попадалось ему, приняло видъ смѣющійся, и дома, и проходившіе мужики, довольно впрочемъ сурьезные, изъ которыхъ иной уже успѣлъ създить своего брата въ ухо. Первый визитъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать губернатору.

Дорогою много приходило ему всякихъ мыслей на умъ : вертѣлась въ головѣ блондинка , воображеніе начало даже слегка шалить , и онъ уже самъ сталъ немного шутить и подсмѣиваться надъ собою. Въ такомъ духѣ очутился онъ передъ губернаторскимъ подъѣздомъ. Уже сталъ онъ было въ сѣняхъ поспѣшно сбрасывать съ себя шинель, какъ швейцаръ поразилъ его совершенно неожиданными словами : не приказано принимать !

— Какъ , что ты, ты видно не узналъ меня ? ты всмотрись хорошенько въ лицо ! говорилъ ему Чичиковъ.

— Какъ не узнать , вѣдь я васъ не впервой вижу, сказалъ швейцаръ. Да васъ-то именно однихъ и не вѣдно пускать , другихъ всѣхъ можно.

— Вотъ тебѣ на ! отъ чего ? почему ?

— Такой приказъ , такъ ужъ видно слѣдуетъ, сказалъ швейцаръ, и прибавилъ къ тому слово : да. Послѣ чего сталъ передъ нимъ совершенно непри-
нужденно , не сохраняя того ласковаго вида , съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель. Казалось, онъ думалъ, глядя на него: эге! ужъ коли тебя бары гоняють съ крыльца , такъ ты видно такъ себѣ , шушера какой нибудь !

— Непонятно ! подумалъ про себя Чичиковъ и отправился тутъ же къ предсѣдателю палаты ;

но председатель палаты такъ смутился, увидя его, что не могъ связать двухъ словъ и наговорилъ такую дрянь, что даже имъ обоимъ сдѣлалось совѣстно. Уходя отъ него, какъ ни старался Чичиковъ изъяснить дорогою и добраться, что такое разумѣлъ председатель и на счетъ чего могли относиться слова, но ничего не могъ понять. Потомъ зашелъ къ другимъ: къ полицмейстеру, къ вице-губернатору, къ почтмейстеру, но всѣ или не приняли его, или приняли такъ странно, такой принужденный и непонятный вели разговоръ, такъ растерялись, и такая вышла безтолковщина изъ всего, что онъ усумнился въ здоровьи ихъ мозга. Попробовалъ было еще зайти кое къ кому, чтобы узнать, покрайней мѣрѣ, причину, и не добрался никакой причины. Какъ полусонный бродилъ онъ безъ цѣли по городу, не будучи въ состояніи рѣшить, онъ ли сошелъ съ ума, чиновники ли потеряли голову, во снѣ ли все это дѣлается, или наяву заварилась дурь почище сна. Поздно уже, почти въ сумерки, возвратился онъ къ себѣ въ гостинницу, изъ которой было вышелъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, и отъ скуки велѣлъ подать себѣ чаю. Въ задумчивости и въ какомъ-то бессмысленномъ разсужденіи о странности положенія своего сталъ онъ разливать чай, какъ вдругъ отворилась дверь его комнаты и предсталъ Поздревъ никакъ неожиданнымъ образомъ.

— Вотъ говорить пословица: для друга семь верстъ не околица! говорилъ онъ, снимая картузъ, прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ, дай, думаю себѣ, зайду, вѣрно не спитъ. А! вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку; гдѣ твоя трубка?

— Да вѣдь я не курю трубки, сказалъ сухо Чичиковъ.

— Пустое, будто я не знаю, что ты куряка! Эй! какъ-бишь зовутъ твоего человѣка? Эй Вахрамѣй, послушай!

— Да не Вахрамѣй, а Петрушка!

— Какъ же? да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй.

— Никакого не было у меня Вахрамѣя.

— Да, точно, это у Дерёбина Вахрамѣй. Вообрази, Дерёбину какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной; и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ если бы эдакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ! Да что ты, братъ, такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, лю-

бишь читать (ужь почему Ноздревъ заключилъ , что герой нашъ занимается учеными предметами и любить почитать , этого , признаемся , мы никакъ не можемъ сказать , а Чичиковъ и того меньше). Ахъ , братъ Чичиковъ , если бы ты только увидалъ.... вотъ ужь точно была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова былъ сатирический умъ , это тоже неизвестно). Вообрази , братъ , у купца Лихачева играли въ горку , вотъ ужь гдѣ смѣхъ былъ ! Перепендѣвъ , который былъ со мною , вотъ говорить , если бы теперь Чичиковъ , ужь вотъ бы ему точно !... (между тѣмъ Чичиковъ отъ роду не зналъ никакого Перепендѣва). А вѣдь признайся , братъ , вѣдь ты право , преподло поступилъ тогда со мною , помнишь какъ играли въ шашки , вѣдь я выигралъ... Да , братъ , ты просто , поддѣлюилъ меня. Но вѣдь я , чортъ меня знаетъ , никакъ не могу сердиться. Намѣдникъ съ председателемъ.... Ахъ , да ! я вѣдь тебѣ долженъ сказать , что въ городѣ всѣ противъ тебя ; они думаютъ , что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки , пристаи ко мнѣ , да я за тебя горой , наговорилъ имъ , что съ тобой учился и отца зналъ ; ну-и , ужь нечего говорить , слилъ имъ пулю порядочную.

— Я дѣлаю фальшивыя бумажки ? вскрикнулъ Чичиковъ , приподнявшись со стула.

— Зачѣмъ ты однакожь такъ напугалъ ихъ? продолжалъ Поздrevъ. Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и въ шпіоны.... А прокуроръ съ испугу умеръ, завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго Генераль - Губернатора.... А вѣдь ты однакожь, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ.

— Какое рискованное дѣло? спросилъ спокойно Чичиковъ.

— Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей Богу ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ, ну ужъ, думаю себѣ, Чичиковъ вѣрно не даромъ.... Впрочемъ напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ, я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать: чудо коленкоръ!

— Да что ты, что ты путаешь? Какъ увезти губернаторскую дочку, что ты? говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.

— Ну, полно, братъ, экой скрытный человекъ! Я признаюсь къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнные лошади будутъ мои, только съ уговоромъ: ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!

Въ продолженіи всей болтовни Ноздрева, Чичиковъ протираетъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы онъ, пріѣздъ Генераль-Губернатора, все это навело на него порядочный испугъ. Ну ужь коли пошло на то, подумалъ онъ самъ въ себѣ, такъ мышкатъ болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣй.

Онъ постарался сбыть поскорѣе Ноздрева, призывалъ къ себѣ тотъ же часъ Селифана и велѣлъ ему быть готовымъ на зарѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же въ 6 часовъ утра выѣхать изъ города непременно, чтобы все было пересмотрѣно, бричка подмазана и прочее, и прочее. Селифанъ произнесъ: слушаю, Павелъ Ивановичъ, и остановился однако-жъ нѣсколько времени у дверей, не двигаясь съ мѣста. Баринъ тутъ же велѣлъ Петрушкѣ выдвинуть изъ-подъ кровати чемоданъ, покрывшійся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вмѣстѣ съ нимъ, безъ большаго разбора, чулки, рубашки, бѣлье мытое и немытое, сапожныя колодки, календарь.... все это укладывалось какъ попа-ло; онъ хотѣлъ непременно быть готовымъ съ вечера, чтобы на завтра не могло случиться никакой задержки. Селифанъ, постоявши минуты двѣ

у дверей, наконецъ очень медленно вышелъ изъ комнаты. Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходящимъ внизъ избитымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ. Что означало это почесыванье? и что вообще оно значить? Досада ли на то, что вотъ не удалась задуманная на завтра сходка съ своимъ братомъ въ неприглядномъ тулупѣ, опоясанномъ кушакомъ, гдѣ нибудь во царевомъ кабацѣ, или уже завязалась въ новомъ мѣстѣ какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у воротъ и политичное держанье за бѣлы ручки въ тотъ часъ, какъ нахлобучиваются на городъ сумерки, дѣтина въ красной рубахѣ бренчить на балалайкѣ передъ дворовой челядью, и плететь тихія рѣчи разночинный, отработавшійся народъ? Или просто, жаль оставлять отогрѣтое уже мѣсто на людской кухнѣ подъ тулупомъ, близъ печи, да щей съ городскимъ мягкимъ пирогомъ, съ тѣмъ, чтобы вновь тащиться подъ дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду? Богъ вѣсть, не угадаешь. Многое разное значить у Русскаго народа почесыванье въ затылкѣ.

ГЛАВА XI.

THE END

ничто однако же не случилось такъ, какъ
 предполагалъ Чичиковъ. Впервыхъ, проснулся онъ
 позже, нежели думалъ — это была первая неприят-
 ность. Вставши, онъ послалъ тотъ же часъ
 узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но до-
 несли, что бричка еще была не заложена и ничего
 не было готово. Это была вторая неприятность.
 Онъ разсердился, и приготовился даже задать что-
 то въ родъ потасовки своему другу нашему Селифа-
 ну, и ожидалъ только съ нетерпѣніемъ, какую
 тотъ съ своей стороны приведетъ причину въ
 оправданіе. Скоро Селифанъ появился въ дверяхъ
 и баринъ имѣлъ удовольствіе услышать отъ же

самыя рѣчи, какія обыкновенно слышатся отъ прислуги въ такомъ случаѣ, когда нужно скоро ѣхать.

— Да вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно будетъ лошадей ковать.

— Ахъ ты чушка! чурбанъ! а прежде за чѣмъ объ этомъ не сказалъ? Не было развѣ времени?

— Да время-то было.... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, шину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиستا, шибень такой вездѣ пошолъ... Да если позволите доложить: перѣдъ у брички совсѣмъ разшатался, такъ что она можетъ быть и двухъ станцій не сдѣлаетъ.

— Подлецъ ты! вскричалъ Чичиковъ, всплѣснувъ руками, и подошелъ къ нему такъ близко, что Селифанъ изъ боязни, чтобы не получить отъ барина подарка, попятился нѣсколько назадъ и посторонился.

— Убить ты меня собрался? а? зарѣзать меня хочешь? На большой дорогѣ меня собрался зарѣзать, разбойникъ, чушка ты проклятый, страшилище морское! а? а? Три недѣли сидѣли на мѣстѣ, а? Хотя бы заикнулся, безпутный, — а вотъ теперь къ послѣднему часу и пригналъ! когда ужъ

почти на чеку: състь бы да и пѣхать, а? а ты вотъ тутъ-то и напакостилъ, а? а? Вѣдь ты зналъ это прежде? вѣдь ты зналъ это, ма? а? Отвѣчай. Зналъ? а?

— Зналъ, отвѣчалъ Селифанъ, потупивши голову:

— Ну такъ за чѣмъ же тогда не сказалъ, а? На этотъ вопросъ Селифанъ ничего не отвѣчалъ, но потупивши голову, казалось, говорилъ самъ себѣ: »Вишь ты какъ оно мудрено случилось: и зналъ вѣдь, да не сказалъ!»

— А вотъ теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобъ въ два часа все было сдѣлано. Слышишь? непременно въ два часа, а если не будетъ, такъ я тебя, я тебя... въ рогъ согну и узломъ завяжу! Герой нашъ былъ сильно разсерженъ.

Селифанъ оборотился было къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ идти выполнить приказаніе, но остановился и сказалъ:

— Да еще, сударь, чубараго коня право хотъ бы продать, потому что онъ, Павелъ Ивановичъ, совсѣмъ подлець, онъ такой конь, просто не приведи Богъ, только помѣха.

— Да! вотъ пойду, побѣгу на рынокъ продавать!

— Ей Богу, Павелъ Ивановичъ, онъ только что на видъ казистый, а на дѣлѣ самый лукавый конь; такого коня нигдѣ...

— Дуракъ, когда захочу продать, такъ продамъ. Еще пустился въ разсужденія! Вотъ посмотрю я: если ты мнѣ не приведешь сейчасъ кузнецовъ, да въ два часа не будетъ все готово, такъ я тебѣ такую дамъ потасовку.... самъ на себѣ лица не увидишь! Пошомъ! ступай! Селифанъ вышелъ.

Чичиковъ сдѣлался совершенно не въ духѣ и швырнулъ на полъ саблю, которая ѣздила съ нимъ въ дорогѣ для внушенія надлежащаго страха кому слѣдуетъ. Около четверти часа слишкомъ провозился онъ съ кузнецами, покамѣстъ сладилъ, потому что кузнецы, какъ водится, были отъявленные подлецы и, смекнувъ, что работа нужна къ спѣху, заломили ровно вшестеро. Какъ онъ ни горячился, называлъ ихъ мошенниками, разбойниками, грабителями проѣзжающихъ, намекнулъ даже на страшный судъ, но кузнецовъ ничѣмъ не пронялъ: они совершенно выдержали характеръ: не только не отступились отъ цѣны, но даже провозились за работой вмѣсто двухъ часовъ цѣлыхъ пять съ половиною. Въ продолженіи этого времени онъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя всякому путешественнику, когда въ чемоданѣ все уложено и въ комнатѣ валяютъ

ся только веревочки, бумажки, да разный соръ, когда челоуѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ, ни къ сидѣнью на мѣстѣ, видитъ изъ окна проходящихъ плетущихся людей, толкующихъ объ своихъ гривнахъ и съ какимъ-то глупымъ любопытствомъ поднимающихъ глаза, чтобы взглянувъ на него, опять продолжать свою дорогу, что еще болѣе растравляетъ нерасположеніе духа бѣднаго неѣдущаго путешественника. Все что ни есть, все что ни видитъ онъ: и лавчонка противъ его оконъ, и голова старухи, живущей въ сунротивномъ домѣ, подходящей къ окну съ коротенькими занавѣсками, все ему гадко, однако же онъ не отходитъ отъ окна. Стоить, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное вниманіе на все, что предъ нимъ движется и не движется, и душить съ досады какую нибудь муху, которая въ это время жужжитъ и бьется объ стекло подъ его пальцемъ. Но всему бываетъ конецъ, и желанная минута настала: все было готово, перѣдъ у брички какъ слѣдуетъ былъ намаженъ, колесо было обтянуто новою шиною, кони приведены съ водопою и разбойники кузнецы отправились, пересчитавъ полученные цѣлковые и пожелавъ благополучія. Наконецъ и бричка была заложена, и два горячіе калача, только что купленные, положены туда, и Селифанъ уже засунулъ кое-что для себя въ карманъ, бывший у кучерскихъ козелъ, и самъ герой нако-

нецъ при взмахиваніи картузомъ полового, стоявшаго въ томъ же демикотоновомъ сюртукѣ, при трактирныхъ и чужихъ лакеяхъ и кучерахъ, собравшихся позвать, какъ выезжаетъ чужой баринъ и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ сопровождающихъ выездъ, сѣлъ въ экипажъ, — и бричка, въ которой ѣздятъ холостяки, которая такъ долго застоялась въ городѣ и такъ, можетъ быть, надоѣла читателю, наконецъ выѣхала изъ воротъ гостиницы. Слава-те, Господи! подумалъ Чичиковъ и перекрестился. Селифанъ хлыснулъ кнутомъ; къ нему подсѣлъ, сперва повисѣвшій нѣсколько времени на подножкѣ Петрушка, и герой нашъ, утѣвшись получше на грузинскомъ коврикѣ, заложилъ за спину себѣ кожаную подушку, притиснулъ два горячіе калача, и экипажъ пошелъ опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, какъ извѣстно, имѣла подкидывающую силу. Съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на дома, стѣны, заборы и улицы, которые также съ своей стороны, какъ будто подскакивая, медленно уходили назадъ, и которые, Богъ знаетъ, судила ли ему участь увидѣть еще когда-либо въ продолженіи своей жизни. При поворотѣ въ одну изъ улицъ бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная погребальная процессія. Чичиковъ высунувшись, велѣлъ Петрушкѣ спросить,

кого хоронять, и узналъ, что хоронять прокурора. Исполненный неприятных ощущений, онъ тотъ же часъ спрятался въ уголъ, закрывъ себя кожею и задернулъ занавѣски. Въ это время, когда экипажъ былъ такимъ образомъ остановленъ, Селифанъ и Петрушка, павожно снявши шляпу, рассматривали, кто, какъ, въ чемъ и на чемъ ѣхалъ, считая числомъ, сколько было всѣхъ и пѣшихъ и ѣхавшихъ, и баринъ, приказавши имъ не признаваться и не кланяться никому изъ знакомыхъ лакеевъ, тоже принялся рассматривать робко сквозь стеклышки, находившіяся въ кожаныхъ занавѣскахъ: за гробомъ шли, снявши шляпы, всѣ чиновники. Онъ началъ было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа, но имъ было не до того. Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какіе обыкновенно ведутъ между собою провожающіе покойника. Всѣ мысли ихъ были сосредоточены въ это время въ самихъ себѣ: они думали, каковъ-то будетъ новый Генераль-Губернаторъ, какъ возмется за дѣло и какъ приметъ ихъ. За чиновниками, шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ были заняты живымъ разговоромъ; можетъ быть, онѣ тоже говорили о пріѣздѣ новаго Генераль-Губернатора и дѣлали предположенія на счетъ баловъ, какіе онѣ дасть, и

хлопотали о вѣчныхъ своихъ фестоичкахъ и нашивочкахъ. Наконецъ за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дрожекъ, вытянувшихся гуськомъ, наконецъ и ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаный занавѣски, онъ вздохнулъ, произнеши отъ души: «Вотъ, прокуроръ! жилъ, жилъ, а потомъ и умеръ! и вотъ напечатають въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію подчиненныхъ и всего человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ, и много напишутъ всякой всячины; прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ; а вѣдь если разобратъ хорошенько дѣло, такъ на повѣрку у тебя всего только и бѣды, что густыя брови.» Тутъ онъ приказалъ Селифану ѣхать поскорѣе и между тѣмъ подумалъ про себя: это однакожъ хорошо, что встрѣтились похороны; говорятъ, значить счастье, если встрѣтишь покойника.

Бричка между тѣмъ поворотила въ болѣе пустынные улицы; скоро потянулись одни длинныя, деревянные заборы, предвѣщавшіе конецъ города. Вотъ уже и мостовая кончилась и шлагбаумъ, и городъ назади, и ничего нѣтъ, и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ

самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгушимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукъ, пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ, городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: такой-то артиллерійской батарее, зеленые, желтые и свѣжо-разрытые черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянута вдали пѣсня, сосновые верхушки въ туманъ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца.... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека, тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоромъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя деревья и плющи, вросшіе въ дома, въ шумъ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на гроздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенные одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь

нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди ровнинъ, невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ухахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣсни? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватается за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и выются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полный ожиданія очи?.... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осынило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи:

у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земля даль! Русь!....

— Держи, держи, дуракъ! кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашемъ! кричалъ скакавшій навстрѣчу фельдегеръ съ усами въ аршинъ. Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ! И, какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное и манящее и несущее и чудесное въ словъ: дорога! и какъ чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся.... какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи и уже сквозь сонъ слышатся: и не бѣлы снѣги, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся: пять станцій убѣжало назадъ, луна, невѣдомый городъ, церкви съ старинными, деревянными куполами и чернѣющими остро-конечьями, темные бревенчатые и бѣлые каменные дома. Сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые, полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему

металлу блистають вкось озаренныя деревянныя крыши, и нигдѣ ни души — все спить. Одинъ одинёшенекъ, развѣ гдѣ нибудь въ окошкѣ брежжеть огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ — что до нихъ? А почъ! небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое тамъ въ недоступной глубинѣ своей такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.... но дышетъ свѣжо въ самыя очи холодное почное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься и храпишь, и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу со-сѣдъ. Проснулся и уже опять передъ тобою поля и степи, нигдѣ ничего — вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.... какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчекъ и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце; полегче! легче! слышится голосъ, телега спускается съ кручи: внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій какъ мѣдное дно передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ же-

лудкѣ.... Боже! какъ ты хороша подѣ часѣ далекая, далекая дорога! Сколько разѣ какъ погибающій и тонущій я хватался за тебя, и ты всякій разѣ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!.... Но и другъ нашъ Чичиковъ чувствовалъ въ это время не вовсе прозаическія грезы. А посмотримъ, что онъ чувствовалъ. Сначала онъ не чувствовалъ ничего и поглядывалъ только назадъ, желая увѣриться, точно ли выѣхалъ изъ города; но когда увидѣлъ, что городъ уже давно скрылся, ни кузницъ, ни мельницъ, ни всего того, что находится вокругъ городовъ, не было видно и даже бѣлыя верхушки каменныхъ церквей давно ушли въ землю, онъ занялся только одной дорогою, посматривалъ только направо и налѣво, и городъ N какъ будто не бывалъ въ его памяти, какъ будто проѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ и дорога перестала занимать его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. Авторъ признается, этому даже радъ, находя такимъ образомъ случай поговорить о своемъ героѣ; ибо доселѣ, какъ читатель видѣлъ, ему безпрестанно мѣшали то Ноздревъ, то балы, то дамы, то городскія сплетни, то наконецъ тысячи тѣхъ мелочей, которыя кажутся только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а

покамѣсть обращаются въ свѣтъ, почитаются за весьма важныя дѣла. Но теперь отложимъ совершенно все въ сторону и прямо займемся дѣломъ.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое нибудь душевное или тѣлесное пятнышко, тогда бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хоть отрази чинче зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны. Самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему: полноты ни въ какомъ случаѣ не простятъ герою, и весьма многія дамы отворотившись скажутъ: фи! такой гадкой! Увы! все это извѣстно автору, и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ героя добродѣтельнаго человека, но.... можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почувются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство Русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или чудная Русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертвая книга передъ живымъ словомъ! Поды-

мутся Русскія движенія... и увидятъ , какъ глубоко заронилось въ Славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и за чѣмъ говорить о томъ , что впередъ? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ и мѣсто и время ! А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взять въ герои. И можно даже сказать почему не взять. Потому что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку , потому что праздно вращается на устахъ слово : добродѣтельный человѣкъ ; потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка , и нѣтъ писателя , который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ и всѣмъ чѣмъ ни попало ; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того , что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели , а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла ; потому что лицемерно призываютъ добродѣтельнаго человѣка ; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ , пора наконецъ припрячь и плутоватаго. И такъ припряжемъ его , плутоватаго человѣка !

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители были дворяне , но столбовые или личныя ; Богъ въдаетъ ; лицомъ онъ на нихъ не похо-

диль : по крайней мѣрѣ , родственница , бывшая при его рожденіи , низенькая коротенькая женщина , которыхъ обыкновенно называютъ пиголицами , взявши въ руки ребенка , вскрикнула : совсѣмъ вышелъ не такой , какъ я думала ! Ему бы слѣдовало пойти въ бабуку съ матерней стороны , что было бы и лучше , а онъ родился просто , какъ говорить пословица : ни въ мать ни въ отца , а въ проѣзжаго молодца . Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло - непріютно , сквозь какое-то мутное , занесенное снѣгомъ окошко : ни друга , ни товарища въ дѣтствѣ ! Маленькая горенка : съ маленькими окнами , не отворявшимися ни въ зиму , ни въ лѣто , отецъ больной человекъ , въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ , надѣтыхъ на босую ногу , безпрестанно вздыхавшій , ходя по комнатѣ и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу , вѣчное сидѣнье на лавкѣ , съ перомъ въ рукахъ , чернилами на пальцахъ и даже на губахъ , вѣчная прописъ передъ глазами : не лги , послушай старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ ; вѣчный шаркъ , и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ , знакомый , но всегда суровый голосъ : « опять задуримъ ! » отзывавшійся въ то время , когда ребенокъ , наскуча однообразіемъ труда , придѣлывалъ къ буквѣ какую нибудь ^{какую} кавыку или хвостъ ; и вѣчно знакомое , всегда непріятное чувство , когда вслѣдъ за сими словами краюшка уха

его скручивалась очень больно ногтями длинных протянувшихся сзади пальцев: вот блѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на тележку, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки; ею правилъ кучеръ маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокъ тащились они полтора дни слишкомъ; на дорогѣ почевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули неожиданнымъ великолѣпиемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ тележкой въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ съ двумя разцвѣтшими яблонями предъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низень-

кимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся во глубинѣ ея древесиной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ ^{матровымъ} окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая ^{запирала} потрепала мальчика по щекъ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи, слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику; то, хоть и въ наукъ не успѣешь и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись, они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не подчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку, эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ, или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ.

Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтъ копѣйкой.» Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ, но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другаго же дни принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію: но за то оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны, со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощеніе, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцемъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную: слѣпилъ изъ воску снигиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ въ продолженіи нѣкотораго времени пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ сѣстнаго, сѣдился въ классѣ возмѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища на-

чинало тошнить, признакъ подступающаго голода, онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи будто невзначай уголь пряника или булки, и раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился наконецъ до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей: онъ мѣшочикъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія, и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ; ему казалось, что они непременно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться, или какъ нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!» говорилъ онъ, «я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на коленяхъ! ты у меня поголодаешь!» И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, нати-

ралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. «Способности и дарованія? это все вздоръ!» говаривалъ онъ: «я смотрю только на поведеніе. Я поставлю полныя балы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ, да насмѣшливость, я тому нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!» Такъ говорилъ учитель, нелюбившій на смерть Крылова за то что онъ сказалъ: но мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй, и всегда рассказывавшій съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было какъ муха летить, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіи круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самого звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опростыю и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухъ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ

полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами за *примѣрное примѣжаніе и благонадежное поведеніе*. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдушъ только въ совѣтъ копить копѣйку, а самъ накопилъ ее немного. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхой дворника съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища за глупость или другую вину бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить, наконецъ и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нестопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ, и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему

бросили, сказавши: эхъ ты жила! Закрывъ лице руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать,» произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ, Павлуша! вотъ какъ переѣняется человѣкъ! вѣдь какой былъ благоправный, ничего буйнаго, шелкъ! — Надулъ, сильно надулъ....»

Нельзя однако же сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія; онъ чувствовалъ и то и другое, онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать, словомъ отцовское наставленіе: береги и копи копѣйку, пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ, имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онъ двигалъ имъ, ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ удовольствияхъ, со всякими достатками, экипажи, домъ отлично устроенный, вкусные обѣды, вотъ что непрерывно носилось въ головѣ его.

Чтобы наконецъ , потомъ , со-временемъ , вкусить непремѣнно все это , вотъ для чего береглась копѣйка , скупно отказываемая до времени и себѣ и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ , на рысакахъ въ богатой упряжи , онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ , очнувшись , какъ послѣ долгаго сна , говорилъ : а вѣдь былъ конторщикъ , волосы носилъ въ кружокъ ! И все , что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ , производило на него впечатлѣніе , неостыжимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища , онъ не хотѣлъ даже отдохнуть : такъ сильно было у него желаніе скорѣе приняться за дѣло и службу. Однако-же , не смотря на похвальные аттестаты , съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату. И въ дальнихъ захоlustяхъ нужна протекція ! Мѣстечко досталось ему ничтожное , жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою , все побѣдить и преодолѣть. И точно , самоотверженіе , терпѣніе и ограниченіе нуждъ показали онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера , не уставая ни душевными , ни тѣлесными силами , писалъ онъ , погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги , не ходилъ домой , спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ , обѣдалъ подъ часъ съ сторожами , и при всемъ томъ умѣлъ сохрaнить опрятность , порядочно одѣться , сооб-

щитъ лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностью и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица точно дурно выпеченный хлѣбъ : щѣку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая въ прибавку къ тому еще и трѣснула ; словомъ, совсѣмъ не красиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить ; приносили частыя жертвы Вакху, показавъ такимъ образомъ, что въ Славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества ; приходили даже подъ часъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отъ чего въ присутствіи было нехорошо и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленьемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога : онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому понытчику, который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непоколебимости ; вѣчно тотъ же, неприступный, никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здо-

ровѣ. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ онъ въ чемъ нибудь участие, хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣлся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную минуту, но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни злодѣйскаго, ни добраго, и что-то страшное являлось въ немъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе, но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всякихъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсматривалъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякой разъ ихъ подъ руку; сдвигалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его черпильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякой

разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны — но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ какъ будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ онъ пронюхалъ его домашнюю, семейственную жизнь, узналъ, что у него была зрѣлая дочь съ лицомъ тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молитва гороху. Съ этой-то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узнавъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился всякой разъ насупротивъ ея чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возымѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай! И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло, такъ что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ и муку и сахаръ, съ дочерью обращался какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папинькой и цѣловалъ его въ руку; все положили въ палатѣ, что въ концѣ Февраля передъ великимъ постомъ будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ казалось и заключалась главная цѣль связей его съ

старымъ повытчикомъ ; потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папинькой и не цѣловалъ больше его руки , а о сватѣбѣ такъ дѣло и замялось , какъ будто вовсе ничего не происходило. Однако-же встрѣчаясь съ нимъ , онъ всякой разъ ласково жалъ ему руку и приглашалъ его на чай , такъ что старый повытчикъ , не смотря на вѣчную неподвижность и черствое равнодушіе , всякой разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ : падулъ , падулъ , чортовъ сынъ !

Это былъ самый трудный порогъ , черезъ который перешагнулъ онъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Онъ сталъ человѣкомъ замѣтнымъ. Все оказалось въ немъ , что нужно для этого міра : и пріятность въ оборотахъ и поступкахъ , и бойкость въ дѣловыхъ дѣлахъ. Съ такими средствами добылъ онъ въ непродолжительное время то , что называютъ хлѣбное мѣстечко , и воспользовался имъ отличнымъ образомъ. Нужно знать , что въ то же самое время начались строжайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ : преслѣдованій онъ не испугался и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу , показавъ такимъ образомъ прямо Русскую изобрѣтательность , являющуюся только во время прижимокъ. Дѣло устрое-

по было вотъ какъ : какъ только приходилъ проситель и засовывалъ руку въ карманъ съ тѣмъ , чтобы вытащить оттуда извѣстные рекоменда- тельныя письма за подписью Князя Хованскаго , какъ выражаются у насъ на Руси , »нѣтъ , нѣтъ ,« говорилъ онъ съ улыбкой , удерживалъ его руки , »вы думаете , что я ... , нѣтъ , нѣтъ . Это нашъ долгъ , наша обязанность , безъ всякихъ возмездій мы должны сдѣлать ! Съ этой стороны ужь будьте покойны : завтра же все будетъ сдѣлано . Позвольте узнать вашу квартиру , вамъ и заботиться не нужно самимъ , все будетъ принесено къ вамъ на домъ.« Очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ , думая : »вотъ наконецъ человекъ , какихъ нужно побольше , это просто драгоценный алмазъ !« Но ждетъ проситель день , другой , не приносятъ дѣла на домъ , на третій тоже . Онъ въ канцелярію , дѣло и не начиналось ; онъ къ драгоценному алмазу . »Ахъ , извините ! говорилъ Чичиковъ очень учтиво , схвативши его за обѣ руки , »у насъ было столько дѣлъ ; но завтра же все будетъ сдѣлано , завтра непременно , право мнѣ даже совѣстно !« И все это сопровождалось движеніями обворожительными . Если при этомъ распаивалась какъ нибудь подъ халата , то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу . Но ни завтра , ни послѣ завтра , ни на третій день не несутъ дѣ-

ла на домъ. Проситель берется за умъ: да полно нѣтъ ли чего? вывѣдываетъ, говорятъ, нужно дать писарямъ. »Почему-жь не дать? я готовъ четвертакъ, другой.« »Нѣтъ не четвертакъ, а по бѣленькой.« По бѣленькой писарямъ! вскрикиваетъ проситель. »Да чего вы такъ горячитесь, отвѣчаютъ ему: оно такъ и выйдетъ, писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству.« Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранить, на чемъ свѣтъ стоитъ, новые обычаи и вѣжливыя облагороженные обращенія чиновниковъ. Прежде было знаешь, покрайней мѣрѣ, что дѣлать: принесть правителю дѣлъ красную, да и дѣло въ шляпѣ, а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься; чортъ бы побралъ безкорыстіе и чиновное благородство! Проситель конечно правъ, но за то теперь нѣтъ взяточниковъ: всѣ правители дѣлъ честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространства: образовалась коммиссія для построенія какого-то казеннаго весьма капитальнаго строенія. Въ эту коммиссію пристроился и онъ, и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Коммиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шестъ лѣтъ возилась около зданія: но климатъ что ли мѣшалъ, или матеріалъ уже былъ такой, только никакъ не шло казенное зданіе выше

фундамента. А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры : видно грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только , и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ - подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженья. Тутъ только долговременный постъ наконецъ былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда не былъ чуждъ разныхъ наслажденій , отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человѣкъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое - какія излишества : онъ завелъ довольно хорошаго повара , тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого , какого не насла вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою ; уже пріобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ одну возжу, заставляя пристяжную виться кольцомъ ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой , намоченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ : уже покупалъ онъ весьма недешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожъ , уже....

Но вдругъ : на мѣсто прежняго тюфяка былъ присланъ новый начальникъ , человѣкъ военный ,

строгий, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. На другой же день пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры, и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; дома гражданской архитектуры поступили въ казну и обращены были на разныя богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ, все распушено было въ пухъ, и Чиновниковъ болѣе другихъ. Лицо его, вдругъ, не смотря на пріятность, не понравилось начальнику, почему именно, Богъ въдаетъ, иногда даже просто не бываетъ на это причинъ, и онъ возненавидѣлъ его на смерть. Но какъ какъ все же онъ былъ человекъ военный, стало быть не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и новый правдивый начальникъ скоро очутился въ рукахъ еще бѣльшихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ наконецъ людей, какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все что ни было подъ началь-

ствомъ его , сдѣлалось страшными гонителями не-
 правды ; вездѣ во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали
 ее , какъ рыбакъ остройгоу преслѣдуетъ какую ни-
 будь мясистую бѣлугу , и преслѣдовали ее съ та-
 кимъ успѣхомъ , что въ скоромъ времени у каж-
 даго очутилось по нѣскольку тысячъ капитала. Въ
 это время обратились на путь истины многіе изъ
 прежнихъ чиновниковъ и были вновь приняты
 на службу. Но Чичиковъ ужь никакимъ образомъ
 не могъ втереться , какъ ни старался и не стоялъ
 за него подстрекнутый письмами Князя Хованскаго
 первый секретарь , постигнувшій совершенно управ-
 ленье генеральскимъ носомъ , но тутъ онъ ничего
 рѣшительно не могъ сдѣлать. Начальникъ былъ
 такого рода человѣкъ , котораго хотя и водили за
 носъ (впрочемъ безъ его вѣдома) , но за то уже ,
 если въ голову ему западала , какая нибудь мысль ,
 то она тамъ была все равно что желѣзный гвоздь :
 ни чѣмъ нельзя было ее оттуда вытересбить. Все
 что могъ сдѣлать умный секретарь , было уни-
 чтоженіе запачканнаго послужнаго списка , и на то
 уже онъ подвинулъ начальника не иначе , какъ
 состраданіемъ , изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ
 трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичико-
 ва , котораго , къ счастью , у него не было.

»Ну чтожь ! сказалъ Чичиковъ : зацѣпимъ , по-
 волокъ , сорвалось , не спрашивай. Плачемъ горю не

пособить , нужно дѣло дѣлать.» И вотъ рѣшился онъ съизнова начать карьеръ , вновь вооружиться терпѣніемъ , вновь ограничиться во всемъ , какъ ни привольно и ни хорошо-было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ , тамъ еще приводить себя въ извѣстность. Все какъ-то не кленлось. Двѣ , три должности долженъ онъ былъ переѣхать въ самое короткое время : должности какъ-то были грязны , низменны. Нужно знать , что Чичиковъ былъ самый благопристойный человѣкъ , какой когда-либо существовалъ въ свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ въ началѣ протираться въ грязномъ обществѣ , но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту , любилъ , чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда , если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину или званію. Читателю , я думаю , пріятно будетъ узнать , что онъ всякіе два дни переѣзжалъ на себѣ бѣлье , а лѣтомъ во время жаровъ даже и всякой день : всякой сколько нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякой разъ , когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидывать сапоги , клалъ себѣ въ носъ гвоздичку , и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливыя какъ у дѣвушки ; и потому тяжеле ему было очутиться вновь въ тѣхъ

рядахъ , гдѣ все отзывалось пѣтникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ , однако же похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время такихъ невзгодъ. Уже начиналъ было онъ полнѣть и приходилъ въ тѣ круглыя и приличныя формы , въ какихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства , и уже не разъ поглядывая въ зеркало , подумывалъ онъ о многомъ пріятномъ : о бабѣнкѣ , о дѣтской , и улыбка слѣдовала за такими мыслями ; но теперь , когда онъ взглянулъ на себя какъ - то ненарокомъ въ зеркало , не могъ не вскрикнуть : »мать ты моя пресвятая ! какой же я сталъ гадкой !« И послѣ долго не хотѣлъ смотрѣться. Но переносилъ все герой нашъ , переносилъ сильно , терпѣливо переносилъ , и — перешелъ наконецъ въ службу по таможенѣ. Надобно сказать , что эта служба давно составляла тайный предметъ его помысловъ. Онъ видѣлъ , какими щегольскими заграничными вещами заводились таможенные чиновники , какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ , тетушкамъ и сестрамъ. Не разъ давно уже онъ говорилъ со вздохомъ : »вотъ бы куда перебраться : и граница близко , и просвѣщенные люди , а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись !« Надобно прибавить , что при этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ французскаго мыла , сообщавшаго необыкновенную бѣлизну

кожѣ и свѣжести щекамъ! какъ оно называлось, Богъ въдаетъ, но, по его предположеніямъ, непременно находилось на границѣ. И такъ онъ давно бы хотѣлъ въ таможенію, но удерживали текущія разныя выгоды по строительной комиссіи, и онъ разсуждалъ справедливо, что таможня какъ бы то ни было все еще не болѣе какъ журавль въ небѣ, а комиссія уже была синица въ рукахъ. Теперь же рѣшился онъ, во что бы то ни стало, добраться до таможни, и добрался. За службу свою принялся онъ съ ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. Въ три-четыре педѣли онъ уже такъ набилъ руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все: даже не вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ какой штукѣ аршинъ сукна или иной матеріи; взявши въ руку свертокъ, онъ могъ сказать вдругъ, сколько въ немъ фунтовъ. Что касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались даже сами товарищи, у него просто было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до цѣвѣроятности. И въ то время, когда обыскиваемые

бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его паружность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только: не угодно ли вамъ будетъ немножко побеспокоиться и встать? или: не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? тамъ супруга одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснится съ вами. Или: позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорою подкладку вашей шинели, и говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда шали, платки, хладнокровно, какъ изъ собственнаго сундука. Даже начальство изъяснилось, что это былъ чортъ, а не человѣкъ: онъ отыскивалъ въ колесахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и шивѣхъ въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться и куда позволяется забираться только однимъ таможеннымъ чиновникамъ. Такъ что бѣдный путешественникъ, перетѣхавшій черезъ границу, все еще въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ не могъ опомниться, и отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: ну, ну! Положеніе его весьма походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кос-какое наставленіе, но вмѣсто того выскъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ

него никакого життя контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жи́довства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ небольшого капита́льца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ кое-какихъ вещицъ, непоступающихъ въ казну во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти наконецъ до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе, и вслѣдъ за тѣмъ представилъ проэктъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгоды дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: еще не время. Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ знать обществу, сказавши: теперь пора. Разсчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить, то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними; потому что былъ не болѣе какъ

простой пѣшкой, стало быть не много получилъ бы, но теперь.... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить какія угодно условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственный, онъ склонилъ и другаго чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблазна, не смотря на то, что волосомъ былъ съдѣ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно: читатель безъ сомнѣнія слышалъ такъ часто повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможенѣ. Не участвуя онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ въ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капитала. У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пять сотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ до какой бы громадной цифры не возрасли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперегъ всему. Чортъ сбилъ съ толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поссорились ни за что.

Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ быть нѣсколько и выпивши, Чичиковъ называлъ другаго чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвестно почему обидѣлся жестоко, и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: »Нѣтъ врешь, я статскій совѣтникъ, а не поповичъ, а вотъ ты такъ поповичъ!« И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для большей досады: »Да, вотъ-малъ что!« Хотя онъ отбѣрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе и хотя выраженіе: вотъ-малъ что! могло быть сильно; но недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ; что были даже подкуплены люди, чтобы подъ вечерокъ въ темномъ переулкѣ поизбить нашего героя; но что оба чиновники были въ дуракахъ, и бабенкой воспользовался какой-то штабсъ-капитанъ Шамшаревъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ, Богъ ихъ вѣдаетъ; пусть лучше читатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропалъ, но - таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, они-

сами все, что у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ какъ громъ надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду опоминись они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затантъ часть деньжонокъ, какъ ни чутко было обоняніе пахавшаго на слѣдствіе начальства. Употреблялъ всѣ тонкіе извороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покуримъ лестью, ни въ какомъ случаѣ, не портящею дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку; словомъ, обработалъ дѣло, покрайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовного суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ, ничего не осталось ему; на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздить холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка, да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ, вотъ и все. И такъ вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ!

Вотъ такая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячонками въ какое нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка, и тамъ заклѣкнетъ навѣки въ спящемъ халатѣ у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую предъ окнами, или для освѣженія пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ не шумный, но въ своемъ родѣ тоже не бесполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда челоуѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, ропталъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей, и однако же не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показаль терпѣнье, передъ которымъ ничто деревянное терпѣнье пѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова напротивъ играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все

то, что хотѣло бы вынырнуть и погулять на свободѣ. Онъ разсуждалъ и въ разсужденіи его видна была нѣкоторая сторона справедливости: »Почему жь я? зачѣмъ на меня обрушилась бѣда? Кто жь зѣваетъ теперь по должности? всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастливымъ я не сдѣлалъ никого, я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по міру, пользовался я отъ избытковъ, бралъ тамъ, гдѣ всякой бралъ бы; не воспользуйся я, другіе воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ и почему долженъ я пропасть червемъ? И что я теперь? Куда я гожусь? Какими глазами я стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? Какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бременю землю, и что скажутъ потомъ мои дѣти? Вотъ, скажутъ, отецъ скотина не оставилъ намъ никакого состоянія!»

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ. Такой чувствительный предметъ! Иной можетъ быть и не такъ бы глубоко запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, не извѣстно почему, приходитъ самъ собою: а что скажутъ дѣти? И вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, покосивъ только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ни откуда хозяйниъ, хватается поспѣшно все, что къ нему поближе: мыло ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу — словомъ, не

пропускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло что-то стронуться и ждало только плана. Вновь стѣжился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И въ ожиданіи лучшаго принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго, званіемъ, еще не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканье въ переднихъ, грубости и прочее, но нужда заставляла рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему между прочимъ одно: похлопотать о заложеніи въ Опекунскій Совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Имѣніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено оно было скотскими падежами, плутами прикащиками, неурожаями, повальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и наконецъ безтолковьемъ самого помѣщика, убившаго себя въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусь и убившаго на эту уборку все состояніе свое до послѣдней копѣйки такъ, что ужъ не на что было быть. По этой-то причинѣ понадобилось наконецъ заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣлю новое, на которое

рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка или выправка, все же хотъ по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку), и такъ расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое между прочимъ обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ нибудь потомъ привязокъ.... »Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?» сказалъ секретарь. »Числятся,« отвѣчалъ Чичиковъ. »Ну такъ чего же вы оробѣли? сказалъ секретарь: одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится.« Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ рифму. А между тѣмъ героя нашего остигла вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. »Эхъ я Акимъ простота, сказалъ онъ самъ въ себѣ, нищу рукавицы, а обѣ за поясомъ! Да купи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, Опекунскій Совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное, недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало. Помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить: имѣнія брошены,

управляются какъ ни попало , подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе , такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый , уже потому только , чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ ; можетъ въ другой разъ такъ случится , что съ пнаго и я еще зашибу за это копѣйку. Конечно трудно , хлопотливо , страшно , чтобы какъ нибудь еще не досталось , чтобы не вывести изъ этого исторiи. Ну да вѣдь данъ же человѣку на что нибудь умъ. А главное то хорошо , что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ , никто не повѣритъ. Правда , безъ земли нельзя ни купить , ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ , на выводъ ; теперь зѣмли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ , только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю ! въ Херсонскую ихъ ! пусть ихъ тамъ живутъ ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ образомъ , какъ слѣдуетъ по судамъ. Если захотятъ освидѣтельствовать крестьянъ : пожалуй , я и тутъ не прочь , почему же нѣтъ ? я представлю и свидѣтельство за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка , или по имени данному при крещеніи : селѣцо Павловское.“ И вотъ такимъ образомъ составилъ въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ , за который не знаю будутъ ли благодарны ему читатели , а ужъ какъ благодаренъ авторъ , такъ и выразить трудно. Ибо , что ни го-

вори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по Русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительствова и подъ другими предлогами предпринималъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, и преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ, неурожаевъ, смертностей и прочаго и прочаго, словомъ — гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле закупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ людей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ мѣньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде познакомиться, расположить къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою пріобрѣсти мужиковъ. И такъ читатели не должны негодовать на автора, если лица, донныя являвшіяся, не пришлись по его вкусу; это вина Чичикова, здѣсь онъ полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если точно падеть обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда въ началѣ не видно всего широкаго теченья и объема дѣла. Въездъ въ какой бы ни было городъ, хоть даже

въ столицу, всегда какъ-то блѣденъ, сначала все сѣро и однообразно: тянутся безконечныя заводы да фабрики, закопченныя дымомъ, а потомъ уже выглянуть углы шести-этажныхъ домовъ, магазины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, все въ колокольняхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всемъ, что на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальныя образы, какъ двинутся сокровенныя рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ся горизонтъ и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидить потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина среднихъ лѣтъ, брички, въ которой ѣздить холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней уже извѣстныхъ помяну отъ засѣдателя до подлеца чубараго. И такъ вотъ весь на лицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ можетъ быть заключительнаго опредѣленія одной чертою; кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ? что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей, это видно. Кто же онъ? стало быть подлець? Почему же подлець, зачѣмъ же быть такъ строго

къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою фязіогномію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ нибудь два, три челоуѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его: хозяинъ, пріобрѣтатель. Пріобрѣтеніе вина всего; изъ - за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названія *не очень чистыхъ*. Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что - то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненпой своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ челоуѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ - соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы, или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ. Быстро все превращается въ челоуѣкѣ! не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненные соки. И не разъ, не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему нибудь мелкому разросталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ мор-

скіе пески, человѣческія страсти и всѣ не похожи одна на другую, и всѣ онѣ, низкія и прекрасныя вначалѣ, покорны человѣку и потомъ уже становятся страшными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть; растеть и десятирится съ каждымъ часомъ и минутой безмѣрное его блаженство и входитъ онѣ глубже и глубже въ безконечный рай своей души. Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденья его въ свѣтъ и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаньями онѣ ведутся и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, не умолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ; все равно: въ мрачномъ ли образѣ, или пронеслись свѣтлымъ явленіемъ возрадующимъ міръ — одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ, тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ геро-

емъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, и всѣ были бы радешеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ пужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы какъ живой предъ глазами: за то, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. За чѣмъ, говорите вы, къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе не утѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы? »Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?« говоритъ помѣщикъ прикащику: »я, братъ, это знаю безъ тебя, да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ что ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не зная этого, я тогда счастливъ.« И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько нибудь дѣ-

ло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвеніе. Спитъ умъ, можетъ быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона и пошелъ помѣщикъ забываться по міру съ душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде.

Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накапливаютъ себѣ капиталы, устроивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ только случится что нибудь по мнѣнію ихъ оскорбительное для отечества, появится какая нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда, они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? вѣдь это все, что ни описано здѣсь, это все наше, хорошо ли это? а что скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? думаютъ: развѣ мы не патріоты? На такія мудрыя замѣчанія, особенно на счетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что: жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семей-

ства по имени Кифа Мокіевичъ, чловѣкъ права кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованіе его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ: »Вотъ напримѣръ звѣрь« говорилъ онъ, ходя по комнатѣ, »звѣрь рождается нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ какъ птица, почему не вылупливается изъ яйца? Какъ право того: совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!« Такъ мыслилъ обитатель Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Другой обитатель былъ Мокій Кифовичъ, родной сынъ его. Былъ онъ то, что называютъ на Руси богатырь, и въ то время, когда отецъ занимался рожденіемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что не умѣлъ онъ взяться слегка: все или рука у кого нибудь затрепичить, или волдырь вскочить на чьемъ нибудь носу. Въ домъ и въ сосѣдствѣ все — отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки — бѣжало прочь, его завидя, даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ былъ Мокій Кифовичъ, а впрочемъ былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А главное дѣло вотъ въ чемъ: »Помилуй, батюшка баринъ Кифа Мокіевичъ,« говорила отцу и своя и чужая дворня, »что у тебя за Мокій Кифовичъ? Ни-

кому нѣтъ отъ него покоя, такой припертънъ! «Да, шаловливъ, шаловливъ!» говорили обыкновенно на это отецъ, »да вѣдь какъ быть: драться съ нимъ поздно, да и меня же всѣ обвинять въ жестокости; а человекъ онъ честлюбивый, укори его при другомъ, третьемъ, онъ уймется, да вѣдь гласность-то, вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что право думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Ахъ вотъ нѣтъ же, отецъ! отецъ, чортъ ихъ поберн, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!» Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. »Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдамъ его.« И показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой нибудь подобный вопросъ: »ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа чай сильно бы толста была, пушкой не прошибешь; нужно какое нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать.« Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые неожиданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы

отвѣчать скромно на обвиненіе со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени покойно занимающихся какой нибудь философіей, или приращеніями на счетъ суммъ вѣчно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурнаго, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но вѣтъ, не патріотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій, другое скрывается подъ ними. Къ чему таить слово? Кто же какъ не авторъ долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко-устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ, можетъ быть, даже похвалите автора, скажете: «однакожь кое-что онъ ловко подмѣтилъ, долженъ быть веселаго права человекъ!» И послѣ такихъ словъ съ удвоившеюся гордостію обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: «А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!» А кто изъ васъ полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубить во внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: А вѣтъ ли и во мнѣ какой нибудь части Чичикова? Да, какъ бы не

такъ ! А вотъ пройди въ это время, мимо его, какойнибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой ни слишкомъ малый, онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха : »смотри, смотри, вотъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!« И потомъ какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ догонку, поддразнивая сзади и приговаривая : »Чичиковъ ! Чичиковъ ! Чичиковъ !«

Но мы стали говорить довольно громко, позабывъ, что герой нашъ, спавшій во все время разсказа его повѣсти, уже проснулся и легко можетъ услышать такъ часто повторяемую свою фамилію. Онъ же человѣкъ обидчивый и не доволенъ, если о немъ изъясняются не уважительно. Читателю съ полугоря, разсердится ли на него Чичиковъ или нѣтъ, но что до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ : еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука въ руку ; двѣ большія части впереди — это не бездѣлица.

— Эхе хе, чтожь ты ? сказалъ Чичиковъ Селифану ! ты ?

— Что ? сказалъ Селифанъ медленнымъ голосомъ.

— Какъ что? гусь ты! какъ ты ѣдешь? Ну же, потрогивай!

И въ самомъ дѣлѣ Селифанъ давно уже вѣхаль зажмура глаза, изрѣдка только потряхивая въ про- сонкахъ возжами по бокамъ дремавшихъ тоже лошадей, а съ Петрушки уже давно нивѣсть въ какомъ мѣстѣ слетѣлъ картузь, и онъ самъ, опрокинувшись назадъ, уткнулъ свою голову въ колено Чичикову, такъ что тотъ долженъ былъ дать ей щелчка. Селифанъ приободрился и отшлепавши нѣсколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцой, да помахавши сверху кнутомъ на всѣхъ, примолвилъ тонкимъ пѣвучимъ голоскомъ: не бойся! лошадки расшевелились и понесли какъ пухъ легонькую бричку. Селифанъ только помахиваль, да покрикивалъ: эхъ! эхъ! эхъ! плавно под- скакивая на козлахъ по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которыми была усыяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же Русскій не любить быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: чортъ побори все! его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда

въ ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь и все летить: летять версты, летять навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летить съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летить вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль и что-то страшное заключено въ семь быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ — одни кажутся недвижны. Эхъ тройка! птица тройка, кто тебя выдумалъ? знать у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый кажись дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а на-скоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ пѣмечкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы и сидить чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугъ

остановившійся пѣшеходъ! и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.... И вонъ уже видно вдали какъ что-то пылить и сверлить воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: Не молнія ли это, сброшенная съ неба? что значить это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летяція по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богомъ!.... Русь, кудажь несешься ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливається колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все что ни есть на земли, и косясь поспораживаютъ и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.





UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA



3 0112 056695056